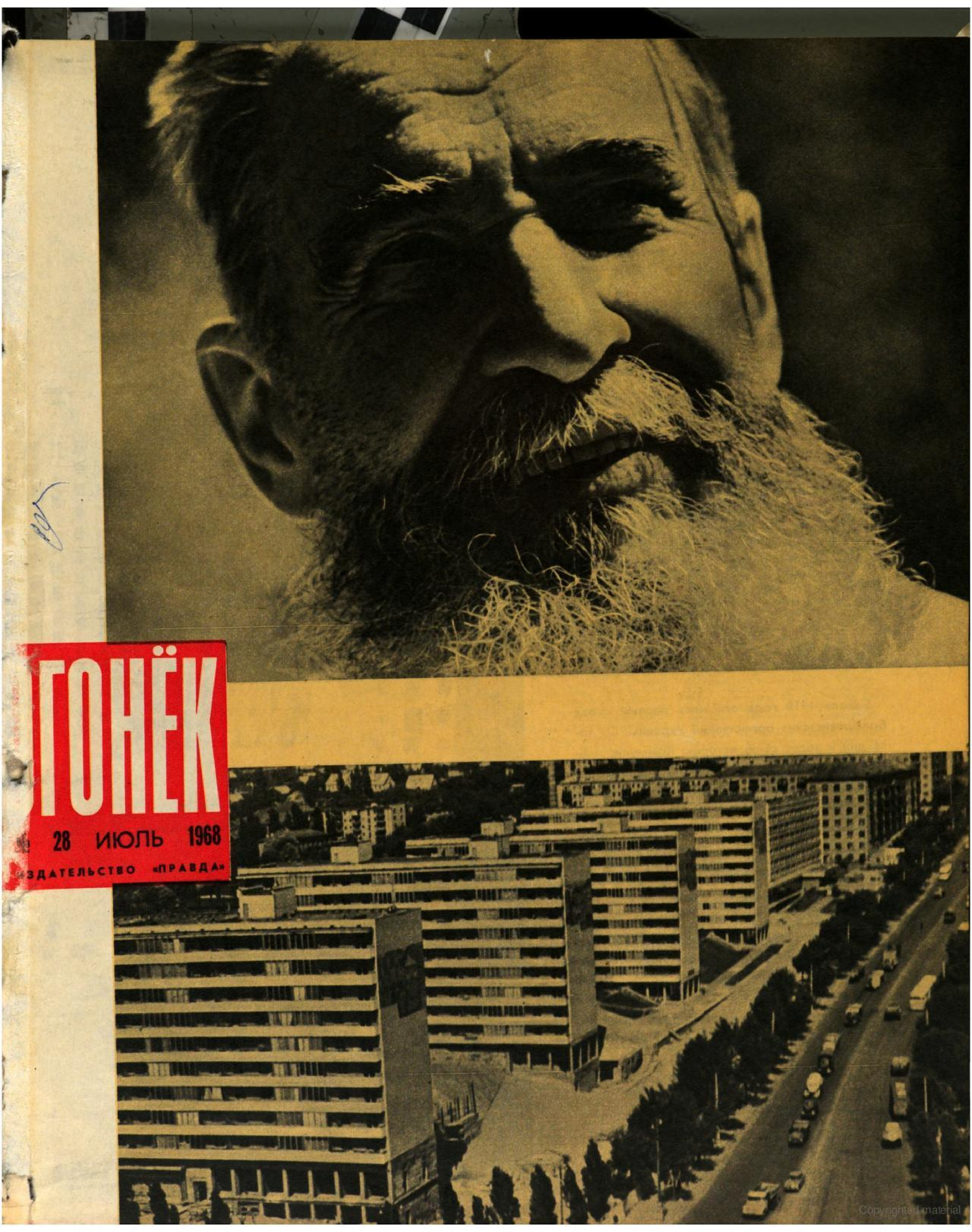

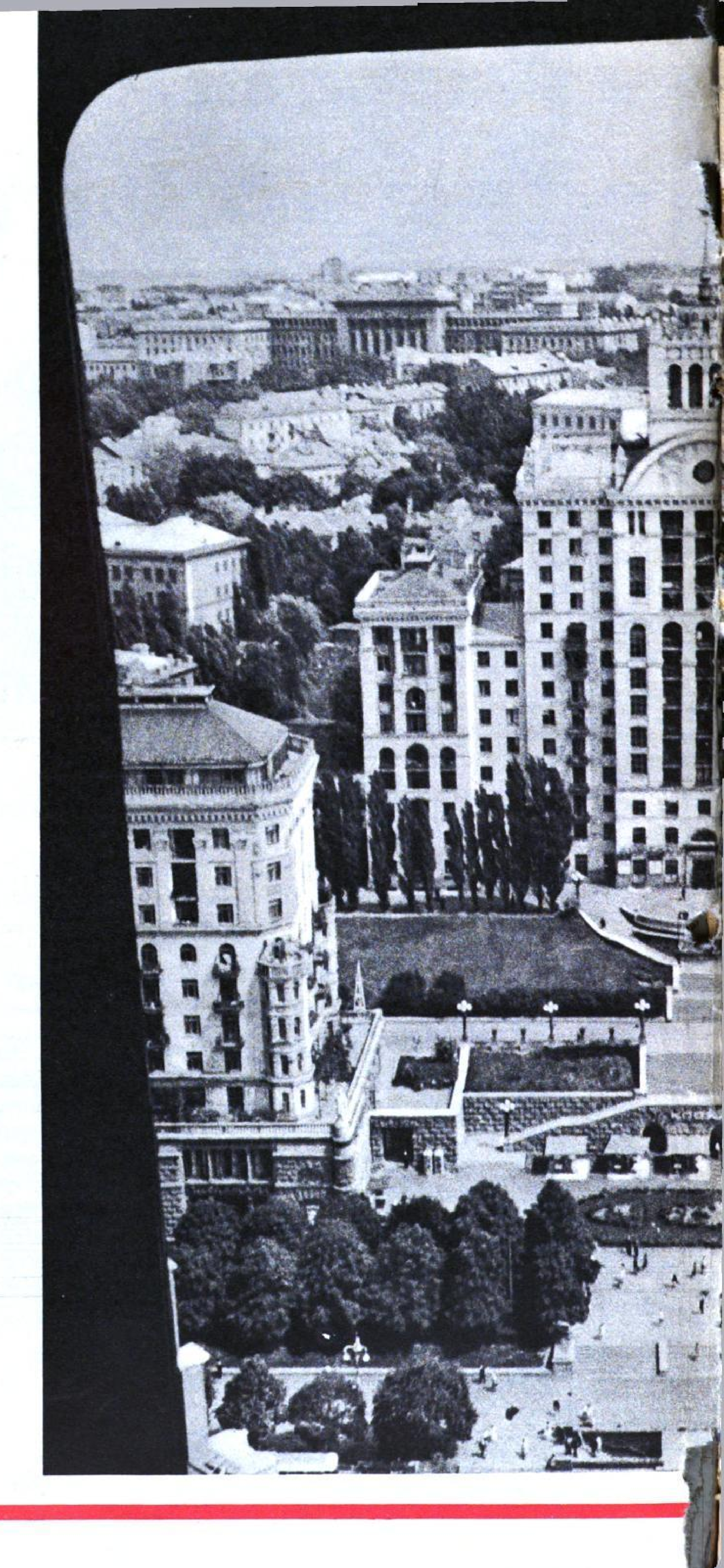
ОГОНЁК
№ 28 ИЮЛЬ 1968
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

КОМПАРТИИ УКРАИНЫ — 50 ЛЕТ

5 июля 1918 года открылся первый съезд большевистских организаций Украины. От того дня и ведет свою историю Коммунистическая партия УССР, прошедшая в едином боевом строю Коммунистической партии Советского Союза большой и славный путь борьбы за торжество бессмертных идей марксизма-ленинизма.

Наш собственный корреспондент по Украине А. Стась незадолго до знаменательной даты встретился с участником первого съезда украинских коммунистов В. Н. Федоровым. Попросил рассказать о съезде, а тут выясняется, что и у Василия Николаевича есть просьба к журналистам.

Но сначала познакомим читателей с Василием Николаевичем Федоровым.

А. СТАСЬ,
собкор «Огонька»

Фото Н. Козловского.

МАТРОС «ОРЛАНА»

Они встретились тогда в Париже — молодой работник советской торговой миссии и английский дипломат, опытный, видавший виды. Англичанин сказал своему собеседнику:

— Ваша немецкая речь да и ваши манеры выдают вас, господин Федоров. Вы отнюдь не низшего сословия, о нет... Так почему же вы пошли с большевиками? Поверьте моему жизненному опыту, юноша, у коммунистов нет никакой перспективы, они обречены.

Василий Федоров ответил:

— Вы ошиблись дважды, сэр. Рядовой матрос с субмарины к высшему свету принадлежать не может. Вторая ваша ошибка серьезнее. Нам, большевикам, коммунистам, вы еще будете завидовать. Потому что именно нам принадлежит будущее.

Давно это было. Василий Николаевич запамятовал имя того англичанина. Да мало ли встречалось ему таких предсказателей — во Франции, в Германии, Алжире! В трудные первые годы жизни Советского государства не раз отправлялся он с ответственными поручениями за границу. Это было ничуть не легче, а может, и сложнее, чем с маузером в руке вести братишек-черноморцев на деникинские окопы или отбивать атаки конной белоказачьей лавы. Но если надо, стало быть, надо. Не боги горшки обжигают... А его немецкая речь? Еще до призыва на флот тянул он лямку в немецкой фирме «Отто Дитц», которая имела свои предприятия в царской России. Там немецкому языку и научился. Пригодилось потом. Даже очень скоро. Уже тогда, когда он, коммунист, подпольщик, пробирался через заставы и заслоны германцев-оккупантов в Москву.

Дело было так. Дизелист с подводной лодки «Орлан» Василий Федоров стал коммунистом в марте семнадцатого. Революционные моряки выдвинули его комиссаром города Николаева. А вскоре пришлось Василию отбиваться от наступавших немцев, южными степями уводить отряд моряков к пролетарскому Харькову. Сам-то шел с пулей в ноге, друзья костыли смастерили. Так, на костылях, в запыленной бескозырке, и ввалился он в штабной вагон своего земляка, черниговца Антонова-Овсеенко, который в ту пору командовал революционными войсками всей Украины...

Федорова оставили в подполье на Украине, захваченной войсками кайзера. Там и получил он весть с советской стороны: 5 июля 1918 года в Москве начнет работу первый съезд украинских коммунистов. Федорова пригласили на съезд...

Мы едем зелеными киевскими улицами. Василий Николаевич время от времени просит остановить машину. На высокого, подтянутого старика с пышной развевающейся бородой с любопытством посматривают парни и девушки, что гурьбой высыпали из станции метро. И невдомек им, что человек этот полвека назад, когда было ему столько же, сколько им сейчас, на этом самом месте стоял переодетый в лохмотья нищего и тихо называл проходившим товарищам адрес, где собирались подпольщики. А в Киеве тогда лютовали гетманцы: вешали, расстреливали...

И еще одна остановка, на бульваре. Невдалеке сверкают золотые купола собора. Однажды в этом соборе колокольным звоном встречали самого гетмана Скоропадского с его многочисленной синежупанной свитой. Матросу с «Орлана» помогло в тот раз облачение священника, в нем он прошел в собор, чтобы послушать, о чем ведет разговор контрреволюционная свора, распродававшая Украину по кускам. При входе у него спросили документы. Матрос величаво и небрежно ткнул в лицо офицеру гетманской варты крест...

Слушаешь рассказ В. Н. Федорова и как будто переносишься на 50 лет назад в Москву, на Рождественку, 10, где проходил Первый съезд КП(б)У,— так ярко рисует он портреты Владимира Петровича Затонского, Дмитрия Захаровича Мануильского, Николая Алексеевича Скрыпника, верных партийцев-ленинцев, с которыми встречался там.

Владимир Ильич Ленин пристально следил за работой съезда. Группе делегатов поручили встречаться с Лениным. Советы Владимира Ильича были очень важны для дальнейших действий КП(б)У. Члены организационно оформившейся партии рабочего класса Украины прямо со съезда, из Москвы, отправились в украинские города и села поднимать трудовой народ на борьбу за Советскую власть, за новую жизнь. Федоров нелегально приехал тогда в Киев.

Город на Днепре близок сердцу Василия Николаевича. Здесь он много лет работал. Старый большевик часто навещает даже самые далекие уголки Киева. В дни юбилея Коммунистической партии Украины сыновья и внуки хотят услышать из первых уст, как все было, с чего начинали отцы и деды. Он рассказывает о несгибаемых людях. Василий Николаевич хорошо знаком с коммунистами «Арсенала», «Ленинской кузницы», «Большевика», он знает: и сегодня знамя в надежных, верных руках.

Бывший матрос — частый гость воинов, его приглашают к себе ученые, с особым чувством уважения он навещает строителей. Он и сам когда-то строил в этом же городе.

— Каким стал Киев! Вчера вечером вышел к Днепру, все левобережье в огнях — сплошная стройка. Считал, что знаю город, как свои пять пальцев, а вижу, нет. Киев наш строится сейчас так, что только с птичьего полета обозреть можно...

С птичьего полета? Это мысль. Мы предлагаем Василию Николаевичу взглянуть на город с вертоле-

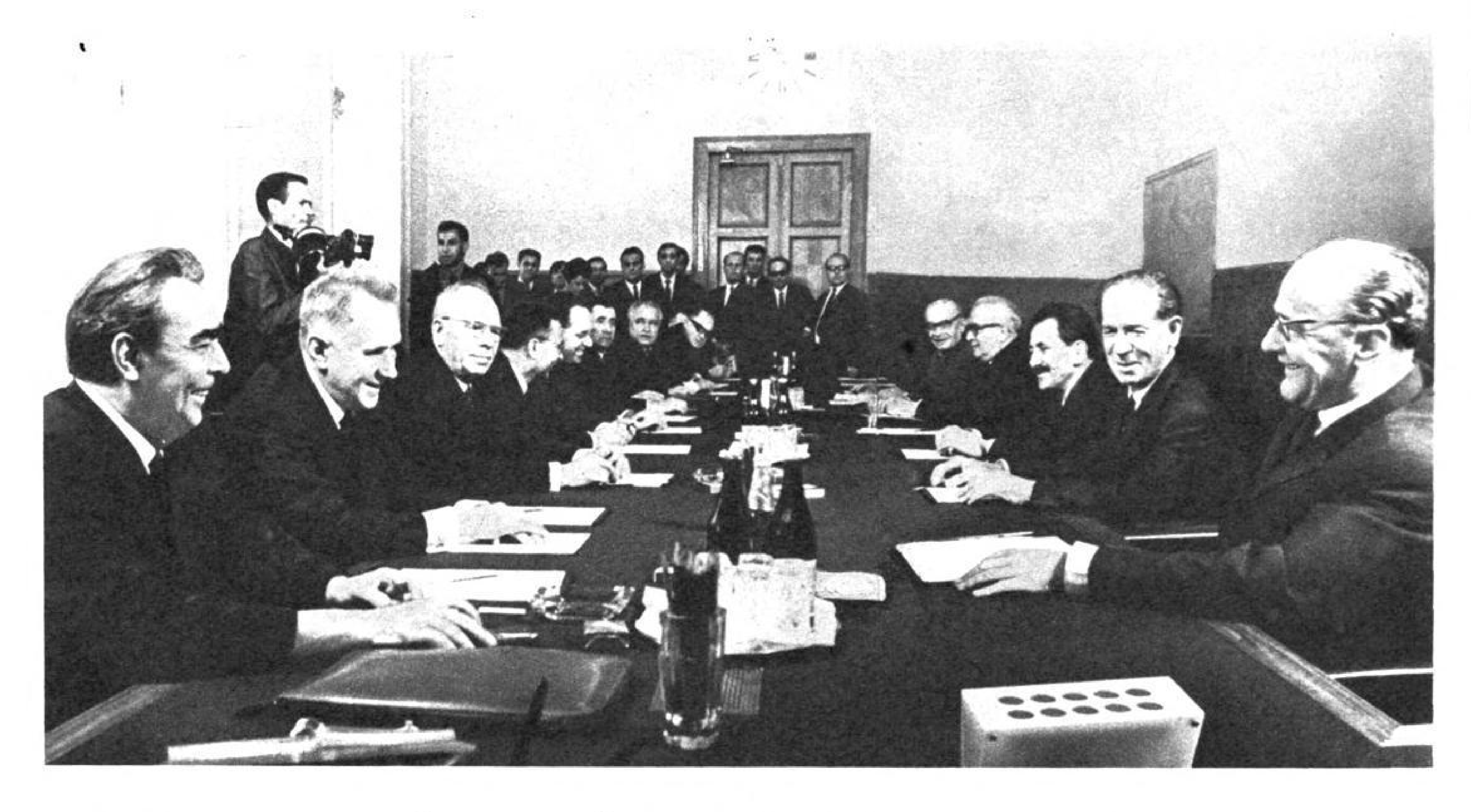
Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

№ 28 (2141)

Основан 1 апреля 1923 года

6 ИЮЛЯ 1968

ЕДИНСТВО — ЗАЛОГ ВЕЧНОЙ ДРУЖБЫ

По приглашению Центрального Комитета КПСС и Совета Министров СССР нашу страну с официальным дружеским визитом посетила партийно-правительственная делегация Венгерской Народной Республики во главе с Первым секретарем ЦК Венгерской социалистической рабочей партии товарищем Яношем Кадаром.

На Внуковском аэродроме столицы дорогих гостей встречали товарищи Л. И. Брежнев, А. Н. Косыгин, советские партийные и государственные деятели.

Первый секретарь ЦК ВСРП Янош Кадар и члены возглавляемой им делегации нанесли в Кремле визит Генеральному секретарю ЦК КПСС Л. И. Брежневу, члену Политбюро ЦК КПСС, Председателю Совета Министров СССР А. Н. Косыгину и члену Политбюро ЦК КПСС, Председателю Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорному.

В товарищеской, сердечной обстановке и в атмосфере полного единодушия проходили в Кремле советско-венгерские переговоры.

Во время переговоров обе делегации информировали друг друга о ходе строительства социализма и коммунизма в СССР и ВНР, обменялись мнениями о современной международной обстановке и некоторых актуальных вопросах международного коммунистического и рабочего движения.

По-братски, горячо и сердечно принимали советские люди посланцев народной Венгрии.

В городе-герое Волгограде венгерскую партийно-правительственную делегацию тепло приветствовали рабочие, инженеры и служащие Тракторного завода имени Дзержинского. В сборочном цехе завода состоялся митинг дружбы.

Радушный прием был оказан венгерским друзьям и на земле Эстонии.

Единство, братство, сотрудничество — эти слова точнее всего характеризуют советско-венгерские отношения. Л. И. Брежнев назвал полное единство взглядов между КПСС и ВСРП по всем принципиальным вопросам международного коммунистического движения и положения в мире залогом прочной и вечной дружбы между нашими партиями и странами.

На снимке: советско-венгерские переговоры.

Фото А. Гостева.

та. А он улыбается. «Годы не те, други мои». И тут же с просьбой к нам: «Вы-то слетайте, обязательно слетайте. И расскажите всем, каким стал наш город».

Итак, Киев

С ПТИЧЬЕГО ПОЛЕТА

Наш вертолет «МИ-4» плывет неспешно, неторопливо. Дверца кабины распахнута настежь. Гуляет ветер. Николай Козловский, привязавшись тросиком «на всякий случай», высунулся в пустоту, щелкает затвором фотокамеры.

Под нами Киев. Внизу возникают крыши, шпили, купола, верхушки деревьев. Поражает обилие красок. Я никогда не думал, что, если глядеть на наш город с малой высоты, откроется такое многоцветие.

Вот гигантская чаша стадиона. Многометровый обелиск Неизвестному солдату. Купола Лавры. Летчик, капитан Рашид Абеев, дает налюбоваться вдоволь красотой зеленых джунглей побережья. Потом уходим за синюю гладь Днепра. Ослепительно светит солнце. Пляжи переполнены. На левом берегу, за Гидропарком, как бы вырастают из залива белоснежные дома. Канал, мосты, серая лента дороги вдоль набережной. И снова центр города. Крещатик. Площадь Богдана Хмельницкого. Улица Артема. А вокруг новые дома, уже построенные, готовые и только заложенные. Строительные леса, краны и вереницы грузовиков возле них...

Когда фотографии были отпечатаны, мы, чтобы выполнить пожелание В. Н. Федорова, попросили секретаря Киевского горкома партии Александра Платоновича Ботвина прокомментировать их.

— Когда перед тобой картины нашей сегодняшней жизни, както даже нет желания думать о том, что было когда-то. Был дореволюционный Киев: смесь роскоши и нищеты. Фотографии сохранились. На них запечатлены лавчонки с уродливыми вывесками, лабазы, особняки богатеев и трущобы Шулявки, Подола, Соломенки. А то и мусорные свалки у Днепра и на речушке Лыбедь. Еще постоялые дворы, базары... Так было.

Недавно Украина праздновала 50-летие Советской власти. Вместе со всем народом Компартия Украины отмечает свой 50-летний юбилей.

Киев — город столичный, а столица — лицо государства,— продолжает Александр Платонович.— Фотографии города могут сказать многое, чего порой и словами не передашь. Думаю, не только киевлян очаровывает сегодня Крещатик. Еще бы! Красивейшая улица. А подняли ее из развалин, из пепла. Много труда вложено в эти дома, кинотеатры, гостиницы. Еще война шла, когда отстраивали Крещатик всем миром, часто вручную, все трудились здесь: рабочие, интеллигенция, наша молодежь, комсомольцы. Война нанесла городу страшные раны. Была разрушена, взорвана, сожжена почти половина всех жилых домов, сотни других зданий, сооружений. Но уже начиная с 1949 года Киев стал возрождаться широким планом. Партия призвала людей восстановить древнейший город страны, и люди вложили в него душу и сердце. Крещатик стал еще краше, он несравним со старым, довоенным Крещатиком. Улица раздалась вширь и ввысь. Здесь отличная станция метро, проложены подземные переходы, возведены комплексы монументальных зданий.

Нынче в Киеве полтора миллиона населения. И оно прибавляется. Кое-кто даже цифру предсказывает: к 2000 году будет 4 миллиона человек. Будет столько жителей или меньше — жилья нам надо очень много. Поэтому основные строительные силы города — коллектив ордена Ленина «Главкиевгорстроя» — заняты сооружением жилых домов. И построено уже немало. До войны жилая площадь в городе исчислялась 4,3 миллиона квадратных метров, а сейчас 12 миллионами. Мы перешли к массовому крупнопанельному строительству по типовым проектам. В городе действуют три домостроительных комбината мощностью 460 тысяч квадратных метров жилья в год.

Вот и на этом снимке очень привлекательные внешне и, скажу вам, весьма комфортабельные внутри дома. Так выглядит массив на бульваре Дружбы народов. А здесь, за вокзалом, район, что раньше назывался Соломенкой. Видите, старые постройки сносятся, а на их месте уже стоят многоэтажные здания.

А вот, вижу, Лавра, Софийский собор. Старина. Но великое искусство всегда остается искусством. Киево-Печорская лавра... и

ЧТОБЫ ЧЕЛОВЕК БЫЛ СЧАСТЛИВ!

В кулуарах сессии Верховного Совета СССР. Депутаты — посланцы Донбасса: секретарь Донецкого обкома КПСС В. И. Дегтярев, шахтеры Герои Социалистического Труда Н. П. Кирилюк, В. Г. Стеблянко беседуют с космонавтом Г. С. Титовым.

Фото А. Гостева.

Три дня продолжалась в Кремле работа четвертой сессии Верховного Совета СССР седьмого созыва. Сессия обсудила важные вопросы внутренней жизни страны, международного положения и внешней политики СССР. Приняты и опубликованы в печати Постановления Верховного Совета СССР «О состоянии медицинской помощи населению и мерах по улучшению здравоохранения в СССР», «Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о браке и семье», а также Постановление по докладу министра иностранных дел СССР «О международном положении и внешней политике Советского Союза».

Корреспондент «Огонька» обратился к депутату Верховного Совета СССР, председателю Ненецкого окружного исполнительного комитета Н. Е. Леднову с просьбой ответить на несколько вопросов.

— Николай Егорович, сессия много внимания уделила вопросам здравоохранения. Как отражаются на работе медиков географические особенности вашего округа?

— В округе живет 35 тысяч человек — это население небольшого европейского города. Климат суровый, большая часть территории округа лежит за Полярным кругом. Такие необычные условия создают, конечно, определенные трудности в медицинском обслуживании. Оленеводы — народ выносливый, крепкий, но мы стараемся не упускать из внимания здоровье каждого человека. Сейчас одна из главных задач заключается во всеобщем медицинском обследовании населения. Рентгеноскопию уже прошли более 60 процентов жителей, а наша цель — 100 процентов. Конечно, не так-то просто собрать для медицинского осмотра людей из дальних поселков, охотников, рыбаков, оленеводов, кочующих за табунами где-то в тундре. Сюда врачи попадают на вертолетах и самолетах, и надо сказать, что санитарная авиация у нас действует в любую погоду. Наши врачи привыкли к морозу, пурге, дальним расстояниям, к высадке с вертолета на льдину... Для многих медиков Север знаком с детства: например, заведующий окружным здравотделом Александр Михайлович Каюков — ненец по национальности, родился в семье оленеводов, пошел учиться, а после окончания ленинградского института стал лечить своих земляков. Медицинские кадры для нас готовят вузы Ленинграда, Архангельска, Омска, Салехарда. Каждый год из этих городов к нам прибывают молодые врачи.

— В Постановлении Верховного Совета СССР, в частности, говорится: «...повысить эффективность использования капитальных вложений при строительстве учреждений здравоохранения...». Много ли таких учреждений строится у вас?

— Укрепление материальной базы здравоохранения — сегодня для нас главная и, пожалуй, самая сложная задача. Для строительства корпусов окружной больницы, участковых больниц мы должны в короткие три месяца летней навигации завезти буквально все стройматериалы, до последнего гвоздя. Опираясь на Постановление Верховного Совета СССР, мы сможем теперь лучше использовать те большие средства, которые отпускаются для строительства на Севере новых больниц, фельдшерских пунктов, профилактических учреждений.

— Сессия обсудила проект «Основ законодательства СССР и союзных республик о браке и семье». Насколько актуален этот вопрос для народностей Севера?

— Сейчас у нас только старики помнят, как раньше в семье ненца жена была бесправным существом, глаза не смела поднять при госте. За годы Советской власти культура наших людей неизмеримо возросла, окончательно изжиты пережитки прошлого и в семейных отношениях. Принятый Верховным Советом закон «Об утверждении Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о браке и семье» послужит дальнейшему укреплению коммунистической морали жителей Ненецкого округа, укреплению семьи.

Партия и Советское правительство проявляют постоянную заботу о том, чтобы советские люди жили лучше и лучше. Этой главной задаче подчинена не только внутренняя, но и внешняя политика Советского Союза. Об этом очень убедительно говорил на сессии министр иностранных дел СССР А. А. Громыко. Трудящиеся нашего округа, как и все советские люди, присоединяются к постановлению сессии — полностью одобрить внешнюю политику и практические действия правительства СССР в области международных отношений.

высотные дома. Для нашего города такое сочетание характерно. Древняя архитектура прекрасно соседствует с современным стилем. Если, конечно, помнить о законах гармонии и не нарушать их... Наши архитекторы с этой задачей справляются неплохо.

В объектив вашего фотоаппарата, конечно, попало далеко не все из того, что уже есть. Заселены кварталы Нивок, Отрадного, Чоколовки, Воскресенки, Водопарка, строятся Никольско-Борщаговский жилой массив, Березняки. Между прочим, Березняки, как и Русановка, возводятся в буквальном смысле на песке. Старое понятие о песке как о ненадежной основе для строительства оказалось несостоятельным. О Русановке хочу сказать особо. То, что видим на фото, еще не отображает всей новизны и привлекательности этого жилого района. Место чудесное, с одной стороны этот массив омывает Днепр, а с трех сторон — воды Русановской протоки. Построены проездные и пешеходные мосты, спортивные площадки, детские городки, скоро будет работать новый кинотеатр, открыты крупные магазины. В будущем Русановский жилой массив соединится мостом с зеленым Гидропарком, замечательным местом отдыха, где недавно появились на берегу новые рестораны «Мельница», «Охотник», сооружена станция метро. Уверен, что Русановка станет живописнейшим уголком нового Киева на левобережье Днепра. Тут хорошо потрудились наши архитекторы: с выдумкой, с творческой фантазией. И строителям надо отдать должное, видно, им тоже пришлась по душе «Украинская Венеция», как любят называть этот район ваши коллеги-журналисты. Строители уже приступили к монтажу высотных зданий. Такие 16—20-этажные здания сооружаются и в других районах города. Проблему высотного строительства решил «Киевпроект». Не забыли, конечно, и об эстетике. Повторение одних и тех же архитектурных форм и линий нас не устраивает. Мы против однообразия.

Теперь посмотрим, как выглядит с высоты стадион. Пустой? Надо было снимать, когда там наши футболисты играют и болельщики собираются. Да на цветную пленку.

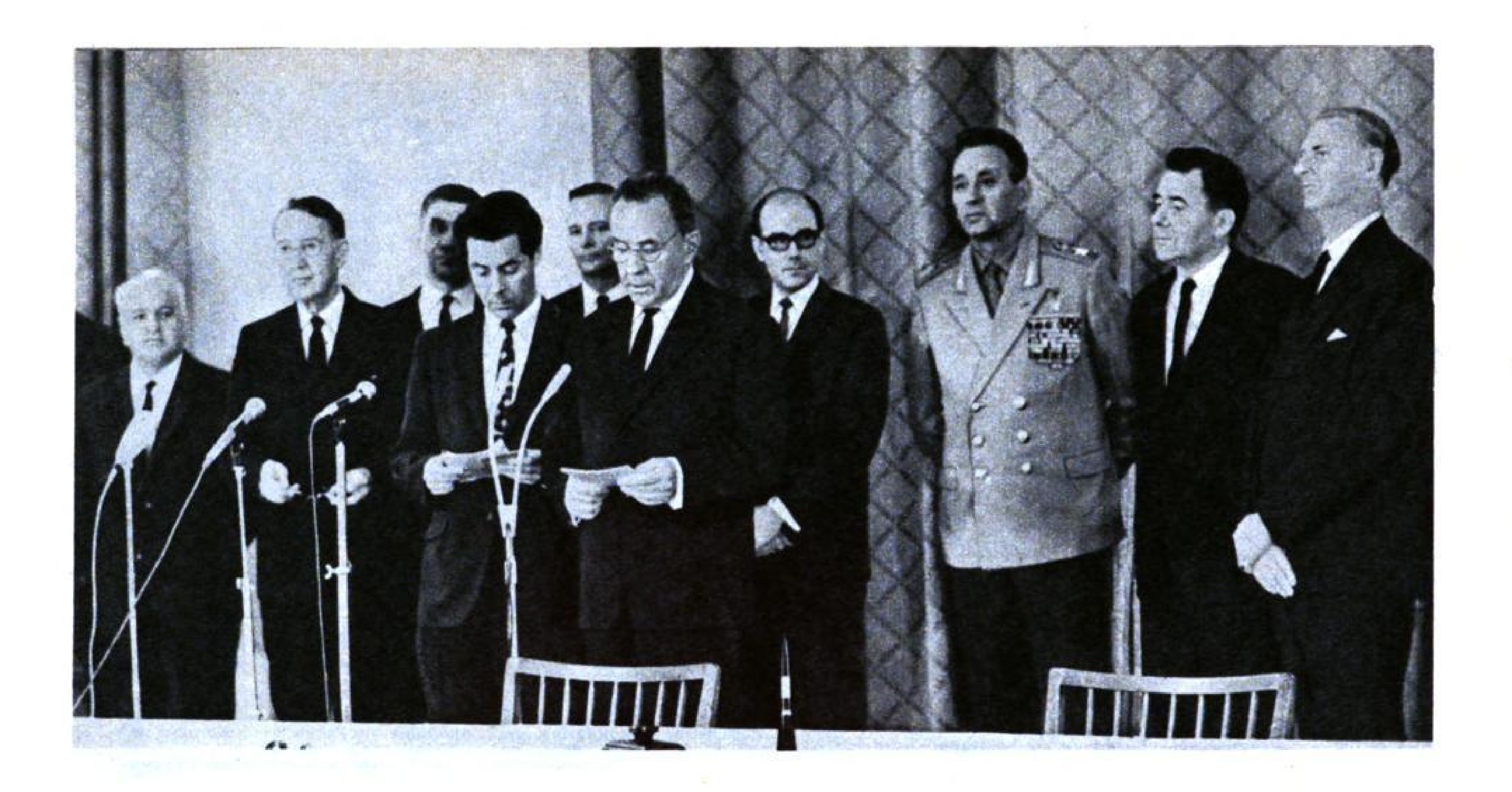
Впечатляющее было бы зрелище! — улыбается секретарь горкома. — Центральный стадион мы недавно достроили, вернее — надстроили, теперь он вмещает 100 тысяч человек.

В городе идет большое культурное строительство. Будет возведен комплекс дворца «Знание», на Красноармейской строится киноконцертный зал на 4 тысячи мест. Вот он, на снимке... Эти новые сооружения рядом с такими зданиями, как Дворец спорта, Дворец пионеров, гостиницы «Москва», «Днепр», и другими еще больше подчеркнут современность, молодость Киева.

Городу предстоит еще один этап обновления. Имеется в виду генеральный план его развития. План будет осуществляться в течение 25—30 лет. В макетах проектантов город 2000 года уже вырисовывается довольно четко. Время вроде и отдаленное, но думать о нем надо: городу века стоять. Тут я хочу вернуться к названной ранее цифре — 4 миллиона жителей. Даже если их будет меньше, есть ли смысл оставлять всех в нынешних рамках города? Пожалуй, нет смысла. Население рассредоточится в городах-спутниках — в Борисполе, Броварах, Обухове, Фастове, Дымере. Там будут сооружены новые предприятия, академические городки, откроются новые вузы, научные учреждения. В соответствии с генеральным планом развернется большое жилищное строительство в пойме Днепра, эта застройка станет архитектурной осью нового Киева.

Вы видели город сверху. Следовало бы заглянуть и под его улицы и площади. Там тоже идет работа. В скором времени Киевское метро пролягет к Дарницкому шелковому комбинату. Дальнейшие планы — повести метрополитен к Подолу, к Голосееву — в район Выставки достижений народного хозяйства, к Вышгороду, где разлилось Киевское море.

В общем, показать все новое, как видите, не легко, потому что Киев, как и вся Советская Украина, полвека живет новой жизнью и каждый день этой жизни приносит новое. Народ и партия заняты большой созидательной работой. Киевские коммунисты — прежде всего труженики. Они всегда среди тех, кто воздвигает дворцы, строит квартиры, выращивает сады и парки. Потому так и меняется облик нашего города. Здесь мы живем, работаем, тут подрастают наши дети и внуки. Это наш дом. Мы бережем его, обновляем, прихорашиваем. Мы любим его.

КРУПНЫЙ УСПЕХ В ПОЛЬЗУ МИРА

В Москве, Вашингтоне и Лондоне состоялось подписание Договора о нераспространении ядерного оружия.

1 июля в Москве договор подписали от имени Советского Союза министр иностранных дел СССР А. А. Громыко, от имени Великобритании — посол Великобритании в СССР сэр Джефри Харрисон, от имени США посол Соединенных Штатов в Советском Союзе Ллуэллин Е. Томпсон.

Договор в этот день подписали от имени своих государств официальные представители 36 государств. Остальные государства могут присоединиться к нему в любое время.

После подписания договора выступил Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин.

«Пять лет назад здесь, в Москве, мы подписывали Договор о запрещении ядерных испытаний в трех средах,— сказал в своем выступлении товарищ Косыгин.— Затем был заключен Договор, запрещающий использование космического пространства для военных целей. Вместе с Договором о нераспространении ядерного оружия все это является практическими шагами в направлении ограничения гонки вооружений, создает более благоприятные условия для движения вперед в области разоружения».

На снимке: А. Н. Косыгин выступает после подписания договора.

Фото ТАСС.

Народ, горд

Ч. ЧИМИД,
председатель Союза писателей МНР, председатель Монгольского комитета защиты мира

11 июля Монгольская Народная Республика отмечает национальный праздник — День народной революции.

На вздыбленном коне устремился вперед Сухэ-Батор, призывно подняв правую руку. Памятник вождю монгольской революции высится на центральной площади монгольской столицы — Улан-Батора.

В центре Улан-Батора, на самой большой площади города, высится памятник Сухэ-Батору — вождю монгольской народной революции 1921 года. На вздыбленном коне он устремился вперед, призывно подняв правую руку. И кажется, что ты сейчас услышишь его голос, каким прозвучал он на этой площади ровно 47 лет назад.

Только тогда здесь, в центре невзрачного городка с кривыми улочками, грязными рынками и огромными кучами мусора, был пустырь. Да и вообще среди невысоких домов и окраинных хибар выделялось лишь несколько сверкавших на солнце позолотой монастырских крыш с причудливо изогнутыми карнизами. Обращаясь к многотысячной толпе бедных аратов, Сухэ-Батор говорил, что отныне они становятся хозяевами государства, что им принадлежит теперь право самим решать свою судьбу.

Сегодня Сухэ-Батор не узнал бы ни старой площади, ни города. Появились новые жилые кварталы, сады, широкие улицы, высокие дома и красивые просторные площади. А на самой главной площади мчится всадник — наш незабываемый Сухэ-Батор, как бы символизирующий собой быстро развивающуюся Монголию.

Сорок семь лет — много это или мало? С точки зрения истории человечества, конечно, ничтожно мало. Но за сорок семь лет страна кочевников-скотоводов превратилась в современное государство; ушла в прошлое поголовная неграмотность; взамен феодально-ханских пережитков прочно утвердились социалистические производственные отношения. И все-таки я осмеливаюсь утверждать, что главное достижение Монголии не в этом.

В нашей стране родился новый человек. Монголы и раньше отличались гостеприимством, бескорыстием, душевной добротой. Ныне мы можем говорить о присущем монголам коллективизме, интернациональном духе. Теперь монгол уже не тот забитый человек, отрезанный своей юртой от всего мира, а человек, смело идущий в открывшийся ему большой мир. Он овладевает всеми сокровищами мировой культуры и сам вносит свою лепту в человеческое

Выдающемуся деятелю германского и международного рабочего движения, Первому секретарю ЦК СЕПГ, Председателю Государственного совета ГДР Вальтеру Ульбрихту исполнилось 75 лет.

В Берлине, в здании Государственного совета ГДР, состоялась торжественная церемония передачи поздравлений юбиляру. В ней приняли участие руководящие деятели ГДР и представители других социалистических стран.

Со словами сердечного братского привета и добрых пожеланий к В. Ульбрихту обратился член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорный. Он передал товарищу Ульбрихту приветствие Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза и Президиума Верховного Совета СССР и вручил ему орден Октябрьской Революции. Эта награда — признание выдающихся заслуг товарища Вальтера Ульбрихта в укреплении мира и социализма, братской дружбы и сотрудничества между народами Советского Союза и Германской Демократической Республики.

Н. В. Подгорный вручил также юбиляру памятный подарок ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Советского правительства — скульптурный портрет В. И. Ленина.

На снимке: Н. В. Подгорный и В. Ульбрихт. Торжественный момент вручения награды.

Телефото АДН — ТАСС.

БОЛЬШОЙ СОВЕТ УЧИТЕЛЕЙ

2 июля в Москве открылся Всесоюзный съезд учителей. В Кремлевском Дворце съездов собралось почти четыре тысячи делегатов, представлявших огромную армию работников просвещения.

Бурными аплодисментами было встречено появление в президиуме съезда руководителей партии и правительства.

Член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорный огласил приветствие ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР Всесоюзному съезду учителей.

С докладом о состоянии и мерах дальнейшего улучшения работы средней общеобразовательной школы выступил министр просвещения СССР М. А. Прокофьев.

На снимке: в зале заседания съезда учителей.

Фото А. Алексеева.

ЫЙ СВОЕЙ СУДЬБОЙ

богатство. И, может быть, самый главный вклад нашего народа в общечеловеческую практику — это удивительная судьба его страны, судьба, предвиденная еще гением Ленина: скачок от феодализма к социализму, минуя капиталистический этап развития.

Работая с писателем Л. Бантаном над сценарием о первых годах революции, мы тщательно просмотрели многие документы тех лет. Сколько было трудностей у нашей страны! Феодалы и монархические элементы требовали полного восстановления на троне Богдогэгэна, последнего властителя Монголии. Ультрареволюционеры выступали за немедленную отмену конституционной монархии, сохраненной в первые годы революции для консолидации всех национальных сил в борьбе против империализма. В общем, тянули кто куда. Но партия, Сухэ-Батор взяли ленинский курс — путь некапиталистического развития с учетом специфических условий Монголии. И этот путь был единственно правильным. Благодаря ему наш народ перешагнул через небоскребы капитализма, построенные на костях и крови народов, и вошел в великую семью, строящую социализм.

В дни, предшествующие празднику, мы с чувством благодарности вспоминаем о братской, бескорыстной помощи Советского Союза в деле защиты свободы и независимости монгольского народа, в нашем социалистическом строительстве.

Я мог бы рассказать о многом: о боевом содружестве наших армий; о строительстве промышленных объектов, скажем, такого гигантского для нашей страны промышленно-энергетического комплекса, как Дарханстрой; о новых городах, сооружаемых с советской помощью.

Но расскажу я лишь об одном случае. Всего лишь три месяца назад почти вся территория нашей страны оказалась покрытой снегом. Началась бескормица, а с ней — падеж скота. Скотоводы, забыв о сне и пище, вели борьбу с коварной природой, спасая народное добро. Им было бы очень и очень трудно, если бы не помощь друзей.

Транспортная авиация и автопоезда — разумеется, бесплатно — повезли из Советского Союза в Монголию тысячи и тысячи тонн комбикормов, рыбий жир, сухое молоко для молодняка. Ваша страна предоставила Монголии автомашины, автомастерские, трактора с прицепами, бензин — все, что нужно было нашему народному хозяйству. И все-таки я бы не свел все дело к тоннам. Советская помощь вдохновила монгольских скотоводов на еще более активную борьбу со стихией. Они еще раз почувствовали: рядом надежный друг.

Встречаясь со скотоводами в те дни горячей схватки со стихией, я никак не думал, что после моих расспросов о положении дел араты с живейшим интересом будут задавать мне вопросы о том, кто и что пишет, какие новые книги готовятся к печати, когда появится на прилавках двухтомник Максима Горького. Этот глубокий интерес к культуре и литературе открывал мне что-то новое в душе нашего народа.

Именно революция сдружила наш народ с культурой. Подобно тому как из неиссякаемого чистого родника берет свое начало могучая река, из первых открытых революцией школ и высших учебных заведений вышли поколения специалистов, деятелей монгольской культуры, работников искусства. Монгольские ученые наравне с другими работают в Объединенном институте ядерных исследований в Дубне. Монгольский певец Пурэвдорж поет в Большом театре вместе с прославленными мастерами советского вокала. Монгольские артисты гастролируют в странах Европы, Азии и Африки. Книги монгольских писателей переводятся на десятки языков мира.

В труде и в бореньях живет наш народ. Он счастлив и горд своей судьбой. Он рад тому, что его самый верный друг — великий советский народ — связан с ним прочными узами высокой дружбы. Монгольский народ по своей воле преобразил себя и свою судьбу. И он, как всадник, изображенный на гербе его страны, мчится к солнцу коммунизма.

Улан-Батор, по телефону.

В детском парке Улан-Батора.

Фото Ю. Кривоносова.

В БОЯХ ЗА СВОЮ РОДИНУ ЗАЩИТНИКИ ВЬЕТНАМСКОГО НЕБА ОДЕРЖАЛИ НОВУЮ ПОБЕДУ. 25 ИЮНЯ НАД ТЕРРИТОРИЕЙ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ВЬЕТНАМ, В ПРОВИНЦИИ КУАНГБИНЬ, БЫЛ СБИТ ТРЕХТЫСЯЧНЫЙ АМЕРИКАНСКИЙ САМОЛЕТ.

Борис ГУРНОВ
Фото автора.

На многострадальной земле Вьетнама до конца ощущаешь подлинную глубину трагедии и величие героизма этого народа.

Так же как и все, кто побывал в Демократической Республике Вьетнам, я имел возможность воочию убедиться в лживости старательно демонстрируемого на переговорах в Париже американского «миролюбия» и в полном бессилии США сломить сопротивление народа Вьетнама.

Поистине непостижим запас прочности этого народа, живущего лозунгом «Победа и только победа!». Разбиты жилые дома и дороги, многие фабрики и заводы, перепаханы бомбами рисовые поля, сотнями тысяч, если не миллионами осколков и шариков американских бомб иссечены мертвые камни и деревья. Но жив народ, жива и закаляется день ото дня его воля к сопротивлению. На место павших и выбывших из строя встают новые борцы.

Я проехал более тысячи километров по военным и мирным дорогам Вьетнама. Хотя, пожалуй, трудно найти другое такое место на земле, где грань войны и мира была бы столь неразличима. Несмотря на известное заявление Джонсона об ограничении американских бомбардировок территории ДРВ, в Ханое еще ревут сигналы воздушной тревоги, предупреждая о вторжении в воздушное пространство столицы ДРВ американских разведывательных самолетов. В зоне так называемых «ограниченных бомбардировок», где, согласно уверениям США, подвергаются бомбардировкам якобы «только военные объекты», мы видели осиротевших детей и сметенные с лица земли кварталы жилых домов.

Вдоль дорог здесь повсюду встречались остовы разрушенных зданий, превращенные в руины деревни и города.

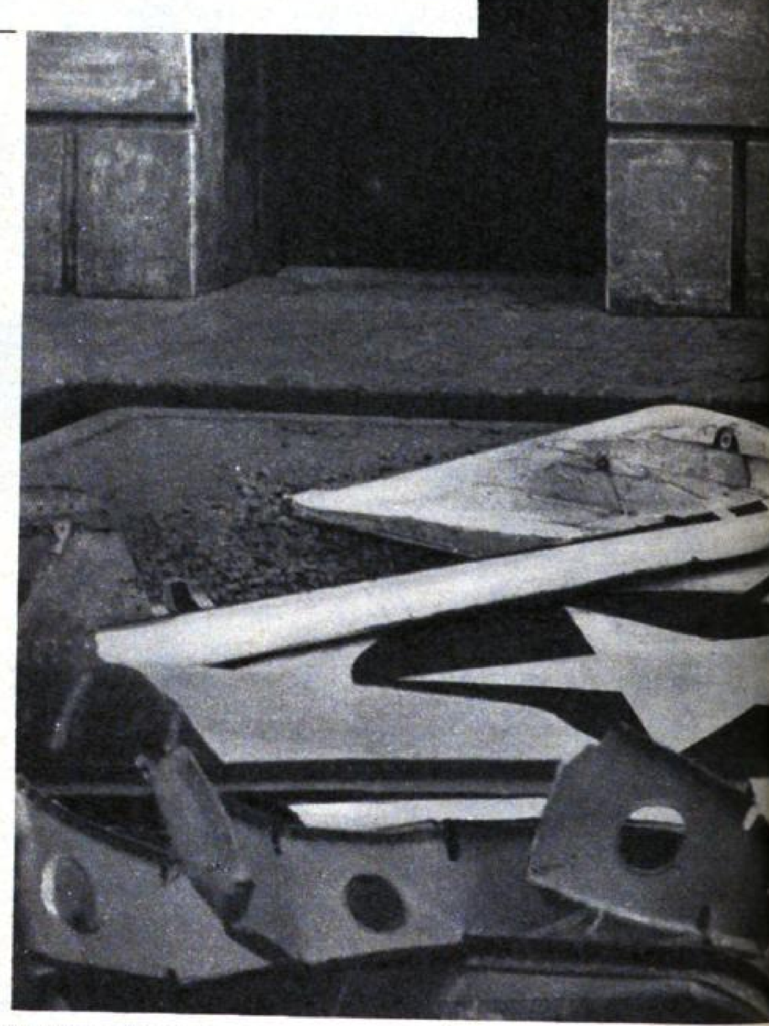
Такая судьба постигла город Фули, расположенный в пятидесяти километрах от Ханоя. Американские стервятники разбомбили его на первом этапе преступной «эскалации» агрессии против ДРВ. Тогда, когда заокеанские асы, пользуясь внезапностью вероломного нападения, еще надеялись на скорую победу, уверенные в том, что народ Вьетнама не сможет противостоять огневой, бомбовой и ракетной мощи авиации США. Однако давно минули те времена, когда американские самолеты летали на бомбежки ДРВ четким строем. Теперь они отваживаются пробираться лишь мелкими группами, а то и в одиночку, ибо на их пути встает стена ракетного, зенитного, пулеметного и, наконец, просто ружейного огня.

Неразделимое сочетание героической борьбы в защиту родины и героического труда — одна из характернейших черт сегодняшнего Вьетнама. По всей республике воины помогают в свободное время соседним сельскохозяйственным кооперативам и специально созданным из добровольцев-девушек строительным бригадам, которые работают на восстановлении и строительстве новых домов, дорог и мостов. Те же, в свою очередь, помогают армии и сами встречают американских воздушных пиратов винтовочным и пулеметным огнем.

Затемненные светомаскировкой ночные разбитые, но постоянно живые дороги Вьетнама приводили нас в холодные горные пещеры, превращенные в цехи эвакуированных заводов, в легкие хижины в джунглях, где неутомимо, словно пчелы, жужжат станки, выпускающие продукцию, необходимую республике. Мы были в лесных школах, где занятия нередко прерывались воем сирены. Ребятишки, нахлобучив самодельные противошариковые шляпы, бежали в укрытия по траншеям, начинающимся прямо под их партами. Мы видели госпитали, замаскированные под лесные шалаши, и были в операционных, оборудованных в бывших госпитальных подвалах...

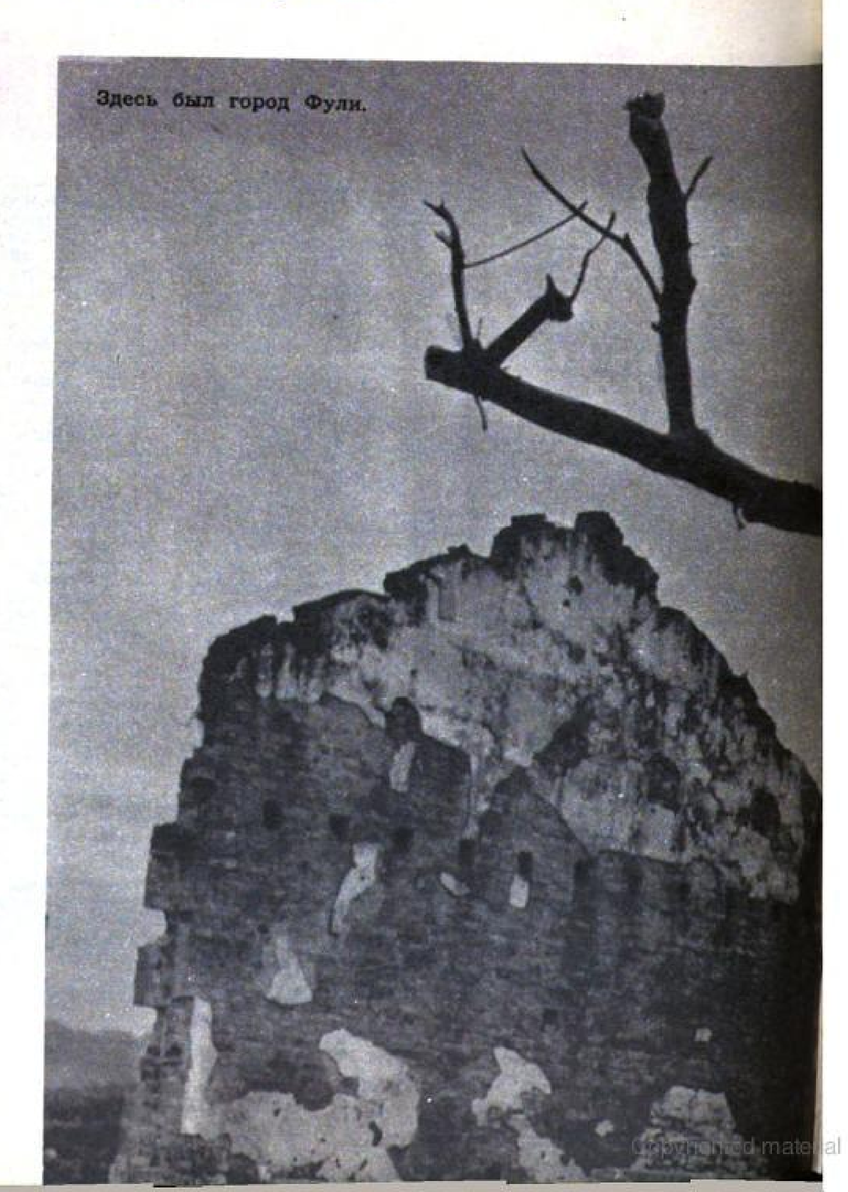
Решимость Вьетнама отстоять свою родину и продолжать строительство социализма подкреплена крепкой верой вьетнамского народа в своих друзей. Он глубоко благодарен братьям из социалистических стран — и в первую очередь из Советского Союза, который оказывает ДРВ бескорыстную всестороннюю помощь.

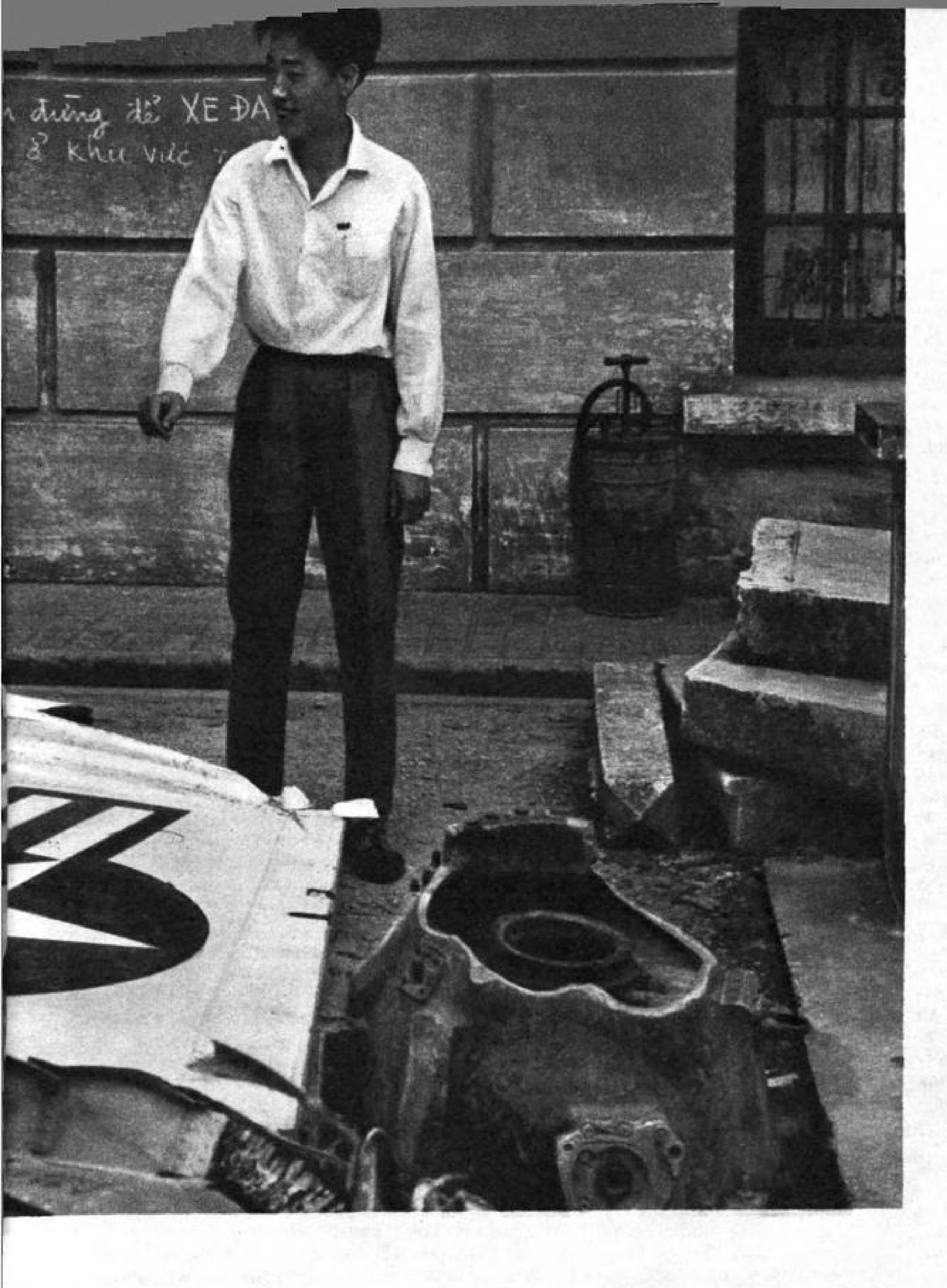
Это чувство так же навечно вошло в сердца простых людей, как вечно зелена листва Аллеи дружбы из деревьев, посаженных на Ханойском механическом заводе работавшими там специалистами из Советского Союза.

Остатки одного из трех тысяч.

Здесь был город Фули.

В Хайфон прибыл корабль с грузом из Советского Союза.

...Ленин будет жить!

Бойцы трижды орденоносного ракетного дивизиона, защищающие столицу ДРВ, на боевых позициях.

Г. НИССКИЙ,
народный художник РСФСР

Самый любимый мой художник — Левитан.

И чем я становлюсь старше, тем более важным для себя ощущаю творчество этого мастера. Я любуюсь его ярким, живым талантом, его живописью, отвечающей и моему пониманию смысла русской природы.

Рассматривая теперь его картины, так хорошо мне знакомые, я не только проникаюсь настроением, заложенным в них душою художника, не только восхищаюсь техникой живописи, но и представляю его жизнь, его характер, его обиды и радости.

С каждым годом меня это занимает все больше. Художник и его творчество. Я читаю воспоминания о нем, его письма. Как часто от них веет грустью, иногда проскользнет улыбка. И всегда, как спасение, любовь к российской природе. С ее помощью он побеждал свои печали и горести. С ее помощью он возвращался к жизни после попытки самоубийства. С ее помощью в последние годы работало его очень больное сердце.

Пережив немало своих бед, Левитан увидел и понял беды народа в царской России и передал их, изображая природу, передал их в своих поразительных пейзажах...

...Саврасова хоронили осенью. Было прохладно. Сыпал дождик. Эта смерть ни для кого не была трагедией. Одинокий человек. Больной. Страдающий тяжким недугом. С нелегким характером. Последние лет пятнадцать—двадцать Саврасов не выставлялся. Пока еще преподавал в художественной школе, успел повздорить со всеми своими коллегами.

У гроба выполняли обряд. Тихо переговаривались художники. И только для одного человека это было настоящим горем. Плакал Левитан.

Мальчишкой он принял от этого великолепного художника какую-то только им понятную тайну пейзажной живописи. Он, как никто другой из учеников Саврасова, понял завет учителя — важнее всего передать душу природы.

Придя с похорон, Левитан писал: «До Саврасова в русском пейзаже царствовало псевдоклассическое и романтическое направление... Саврасов радикально отказался от этого отношения к пейзажу, избирая уже не исключительно красивые места сюжетом для своих картин, а, наоборот, стараясь отыскать и в самом простом и обыкновенном те интимные, глубоко трогательные, часто печальные черты, которые так сильно чувствуются в нашем родном пейзаже и так неотразимо действуют на душу. С Саврасова появилась лирика в живописи пейзажа и безграничная любовь к своей родной земле».

Эти заметки, посвященные памяти А. К. Саврасова, были напечатаны через несколько дней, 4 октября 1897 года, в газете «Русские ведомости». В конце Левитан писал: «Было бы крайне желательно, чтобы в возможно скорейшем времени была устроена посмертная выставка только что скончавшегося художника. Тогда бы всем стало ясно, какого талантливого и самобытного художника мы лишились».

К слову сказать, такая выставка была устроена лишь в 1948 году в залах Третьяковской галереи, и она подтвердила, насколько правильно предсказал ее значение Левитан.

...С Саврасовым связана юность, годы учения Исаака Левитана. Начал он заниматься в мастерской Перова. Как-то в класс зашел Саврасов, застал Левитана за работой и попросил Перова отдать юношу в его мастерскую. Как уж он угадал в начинающем художнике родную душу? Но случилось то, что, наверное, и должно было случиться,— Левитан стал учиться пейзажу у Саврасова.

Кто бы ни вспоминал Левитана в годы его учения — А. Васнецов, Нестеров, Бакшеев,— все говорят об его ужасающей бедности. Нечем платить за учение, нечего есть, часто негде даже ночевать. Иногда удавалось ему спрятаться на ночь в классах — их в 7 часов всегда запирали, а в 9 утра открывали. Надо было вовремя залезть в ларь и закрыться доской. Иногда сторож сжалится и постелит рядом с собой в сторожке на козлах.

Жизнь Левитана не богата событиями, но много среди них было горьких.

В 1879 году, после покушения Соловьева на царя, из Москвы выселяют евреев. Левитан с братом и сестрой (родители рано умерли) переезжают в деревню Салтыковку.

Наступает лето. Дачный сезон. По проселочным дорогам, по платформе в ожидании поезда гуляют красиво одетые люди. Рядом на даче собирается веселая компания, играют в крокет, по вечерам поют. И молодому Левитану хочется быть вместе с ними, говорить о поэзии, живописи, музыке.

Но при встрече с дачниками он старался быстро свернуть с дороги, незаметно обойти веселую компанию. На нем рваные штаны, единственная старая красная рубашка, опорки на босу ногу.

Он уходил в лес, катался один на лодке или подолгу лежал, глядя на зелень и небо. И природа успокаивала его. Наедине с ней можно было быть самим собой, потому что сама природа всегда такая, какая есть,— ясная и простая, не знающая условностей.

Природа поражала соответствием его настроениям, он видел в ней соучастницу своих переживаний.

К осени утихла дачная суета, опустели сады и аллеи парков. Левитан пишет картину «Осенний день. Сокольники», в которой передал и свое одиночество и свою юношескую мечту о прекрасном.

Это было первое полотно, которое знаменитый Третьяков купил у Левитана. На ученической выставке. И затем уже не выпускал молодого живописца из своего поля зрения.

Вскоре у Левитана появилась известность. Но бедность долго еще преследовала его. Затем настигла болезнь.

Когда Левитан был уже прославленным художником, его снова лишили права жительства в Москве. И он уехал. Друзья хлопотали. Разрешение было получено. Но ощущение несправедливости, вечного гонения у него оставалось всегда. Позже как-то Левитан писал Чехову: «Видно, агасферовское проклятие тяготеет и надо мною».

А он любил только Россию, среднеполосную Россию. И ни Крым, ни Италия, ни Франция, ни Германия не смогли привлечь его. Он уезжал

И. Левитан. 1861—1900. ЗАГЛОХШИЙ ПРУД. 1887.

И. Левитан. ЗОЛОТАЯ ОСЕНЬ. СЛОБОДКА. 1889.

ТИШИНА. 1898.

туда по настоянию врачей лечиться, ненадолго, всегда тосковал и буквально мчался назад. «Воображаю, какая прелесть теперь у нас на Руси — реки разлились, оживает все... Нет лучшей страны, чем Россия!», «...меня тянет в Россию, и так мучительно хочется видеть тающий снег, березку...», «...наша сущность, наш дух может быть только покоен у себя, на своей земле, среди своих, которые, допускаю, могут быть минутами неприятны, тяжелы, но без которых еще хуже».

Наверное, самым большим счастьем для Левитана была дружба с Чеховыми, а потом особая — с Антоном Павловичем. Они подружились в молодости, им было немногим больше двадцати. Чехов со свойственной ему точностью первый стал называть уголки природы «левитановскими», а оценивая картины, говорил: «Это по-левитановски». И пейзажи самого Левитана были «более левитановские» и «менее левитановские». Чехова и Левитана связывало очень многое. Взгляды, понятия, доброта, застенчивость, качества ума и даже какая-то общность таланта. И дар ощущать природу. Левитан не раз писал Чехову, что тот поражает его не только литературной глубиной, но и совершенством пейзажей. А сам Левитан любил писать осень. Иногда, наверное, когда ему было особенно грустно, у него даже весна получалась похожей на осень.

Читаешь стихи Пушкина, Тютчева, Баратынского, и еще ближе, понятнее становится Левитан. Одно ощущение русской природы.

Осенняя пора... Очей очарованье...

Прозрачный воздух осени как бы обостряет зрение художника, дает возможность ему увидеть дальние дали. И как их пишет Левитан! А осенние тона! После зелени какая разнообразная гамма: желтый, красный, золотой... И во всем этом есть грусть, есть прощание. С каждым днем желтый, красный, золотой лист опадает. Умытая чистота осенней природы исчезает. Наползает туман, сырость, грязь, и природа умирает до весны...

«Осенний вечер», «Осенний день», «Осенний пейзаж», «Осень», «Осень», «Осень» — особенно в последние годы жизни Левитан много раз писал это яркое прощание природы.

...Мы представляем себе внешность Левитана по прекрасному портрету работы Серова. Красивый, благородный, изящный. Поленов писал с него Христа для своей картины «Христос и грешница». Левитан и душевно был очень красивым человеком. Перенеся крайнюю нужду, он не забыл это, достигнув благополучия. Многие студенты смогли учиться, потому что им помогал Левитан.

В искусстве его благородство выражалось в том, что он умел просто и ясно передать чувство. И сам всегда это более всего ценил.

Он не любил в жизни выспренности, ложной возвышенности, и поэтому так близка была ему среднерусская природа, чуждая живописной эффектности.

Прекрасный мастер сам редко бывал доволен своими произведениями. Он до необычайности был строг к себе. Картины выдерживались в мастерской по нескольку лет. Бывало, что стояли, повернутые к стене, лет пять. Иногда он поворачивал их, высматривал недостатки и переписывал местами. Затем опять давал выстояться — пройдет время, может, еще какая-нибудь недоработка вылезет. Удивительно относился к творчеству Левитан. Все отдавал ему. Для него были слиты жизнь, природа, искусство.

Мне хочется повторить слова чтимого мной Михаила Васильевича Нестерова об Исааке Ильиче Левитане: это был «удачливый неудачник». Ибо когда наступил расцвет таланта, когда он стал еще более глубоко постигать тайну гармонии природы, то очутился уже на грани жизни и смерти. Умер он тридцати девяти лет. И последние три года тяжелая болезнь сердца давала знать себя все время. Но он работал. Он писал, превозмогая себя, превозмогая законы природы, своим творческим горением заставляя биться больное сердце.

«Я не могу быть хоть немного счастлив, покоен, ну, словом, не понимаю себя вне живописи. Я никогда еще не любил так природу, не был так чуток к ней, никогда еще так сильно не чувствовал я это божественное нечто, разлитое во всем... оно не поддается разуму, анализу, а постигается любовью».

Влияние Левитана на его учеников было, конечно, грандиозным. Но велик был педагогический такт этого художника. Он понимал, что, вылетая из гнезда, его птенцы должны были вить свое гнездо. И Левитан — пожалуй, это было самое главное — помогал своим питомцам открывать самих себя.

Для многих русских пейзажистов-современников творчество Левитана было очень значительным; он, как признается Бенуа, впервые открыл прелесть скромной русской природы. И те живописцы, которые, использовав влияние Левитана, сумели обрести свое — свой почерк, свое видение, свою манеру,— те и стали подлинными художниками: В. Соколов, Жуковский, Бялыницкий-Бируля, Крымов... Они и продолжили искусство левитановского пейзажа.

Что ж такое для меня левитановский пейзаж? Это пейзаж, где переданы человеческие чувства.

...Меня часто спрашивают, почему в моих пейзажах нет людей. А они есть. Они присутствуют на картине своими делами — это дороги, шоссе, мосты и мостики, дома и электромачты. Но случается, что пейзажист пишет природу, где нет никаких свидетельств дел человеческих. А люди все равно присутствуют и там. Они стоят за спиной художника. Это их ощущение природы передает живописец. Только в силу своей профессии, своего дара он более глубоко погружается в сущность пейзажа, осмысливает его и создает художественный образ природы, который близок его современнику.

И поэтому пейзажная живопись тоже меняется — она тоже отражает время. Левитан принял то, что почувствовал Саврасов: надо писать по-новому.

С тех пор жизнь России изменилась, изменились дела людей. Изменился пейзаж, изменилось его восприятие. Мы видим нашу землю из иллюминатора самолета, из окна вагона или машины. И современным живописцам надо уметь выразить это новое. Так мы продолжим левитановское начало в пейзаже...

ФЕНОМЕН

С. ХУНДАДЗЕ,
секретарь М. Ф. Андреевой

Было это в самом начале нашего века. Юный Московский Художественный театр влюбился в Горького с такой же силой, с какой был влюблен в Чехова. Горький и Андреева именно тогда впервые и встретились в Крыму, где театр был на гастролях.

«Мне представлялось,— писала Мария Федоровна Андреева о Горьком,— что это необыкновенно красивый человек... А я смотрю на него... и странно мне... что у него грубые черты лица, рыжеватые усы... И вдруг из-за длинных ресниц глянули голубые глаза, губы сложились в обаятельную детскую улыбку, показалось мне его лицо красивее красивого, и радостно екнуло сердце. Нет! Он именно такой, как надо, чтобы он был...»

А какая она была, эта женщина, которую природа одарила поистине необычайной силой души и столь разносторонними талантами, что образ ее навсегда запоминался тем, кому довелось быть свидетелем ее бурной, до краев наполненной жизни?..

Об этом хорошо, умно и сдержанно, а вместе с тем очень трогательно, глубоко рассказали ленинградские кинематографисты, создавшие научно-популярный киноочерк «Друг Горького Андреева» (сценарист Б. Добродеев, режиссер С. Аранович).

...Москва. Театральный проезд. Квартира действительного статского советника Желябужского. С визитом сюда прибыл обер-полицмейстер Трепов. Генеральша Мария Федоровна Желябужская — это по сцене она Андреева — радушно принимает сановного гостя. Может ли визитеру прийти в голову, что в соседней комнате находится человек, тщетно разыскиваемый сыщиками,— большевик «Грач» — Бауман...

Красавица хозяйка ведет легкую, непринужденную беседу, а между тем эта светская дама — финансовый агент большевиков.

Мария Федоровна Андреева (урожденная Юрковская) выросла в артистической семье; в Петербурге, в доме ее отца, бывали ученые, писатели, художники, артисты. И она с детства мечтала стать артистной. Восемнадцати лет Мария Федоровна с большим успехом дебютировала в Казани, в антрепризе Медведева, но вскоре, став женой видного чиновника А. А. Желябужского, ушла из театра. Настоящую школу драматического искусства Андреева прошла в Москве, в Обществе искусства и литературы, которым руководил К. С. Станиславский. За три сезона она сыграла здесь одиннадцать крупных ролей, среди них такие, как Лариса в «Бесприданнице», Юдифь в «Уриэле Акосте», Раутенделейн в «Потонувшем колоколе». В 1898 году Мария Федоровна стала ведущей актрисой Художественного театра, к этому времени она, по ее собственному выражению, была уже твердо убеждена, что «создателем всех ценностей мира является рабочий класс». Частые гости в ее доме — Л. Красин и Г. Кржижановский, бывает у нее и фабрикант Савва Морозов, материально помогавший большевистской партии в революционной борьбе. Из Нижнего Новгорода сюда приезжают посланцы Горького, да и сам он наезжает в Москву.

После премьеры «На дне» Савва Морозов говорит Андреевой: «Милый друг, бере-

Поздняя весна

Марина
ТАРАСОВА

* * *

Когда река, река-всезнайка
дрожит под снегом зябким
шелком;
когда зима-домохозяйка
плетется на базар с кошелкой;

когда к седому парапету
припал в безмолвии район;
когда над рябью с первым светом
гремит тяжелый эшелон,—

я чую сердцем обновленье,
губами сладкий снег ловлю,
живу по щучьему веленью
и беспечально ночью сплю.

Пушисты сны мои, как дети...
Иду, весь белый свет любя,
и под руку со мною ветер,
и просто больше нет тебя...

* * *

Снег прикорнул на парапете,
теряя белую красу.
Влюбленно девочка в берете
рисует первую весну.

Впервые распахнулись взору
просторы звонких площадей
и золоченые уборы
московских ласковых церквей.

Сквозь четкий контур линий
тонких
веселых красок ярый шквал
по ярко-рыжему картону,
как дождь весенний, загулял.

Высокий парень изумленно
стоит за худенькой спиной.
Он в первый раз такой
влюбленный,
впервые встретился с весной.

* * *

Какая поздняя весна
год осенила високосный,
робка и статью не видна,
еще не скоро стать ей взрослой...

Хотя апрель в календаре,
повсюду белый кавардак,
но солнце плещется в коре,
дурманит сонный березняк.

С каким неистовым трудом
леса свергают немоту!
Весна наверстывает днем,
а ночью ей невмоготу.

Но будут ночи мягче хлеба,
и в цвете поздней красоты
весна откроет людям небо,
большие звезды и цветы.

* * *

Рвет ветер сонную фрамугу,
и пахнет в комнате изгнаньем,
спасибо людям за услугу:
ты стал моим воспоминаньем.

Но знаю, будет день и час,
восстанет память из-под снега,
и только память свяжет нас,
как звезды связывает небо.

гитесь, вы начинаете любить его, а с Вашим характером Вы так можете ахнуть, что все к черту полетит — и генерал, и семья, и даже театр...»

Сомнений больше не было: дальше они пойдут рядом.

— Вот я и в Риге...— сообщает Мария Федоровна в Москву Пятницкому...— Завтра открывают у нас сезон, я играю в «Бесприданнице»...

Однако тяжелая болезнь подкосила ее, а Горького в сопровождении двух жандармов увезли после 9 января 1905 года в Петербург, в Петропавловскую крепость. Царскому правительству пришлось освободить всемирно известного писателя, но с тех пор Андреева и Горький живут под неусыпным оком охранки. На мызе Линтула в Куоккале у них бывали члены «боевой технической группы». Через Н. Е. Буренина М. Ф. Андреева передавала средства для партии. Деятельность Андреевой В. И. Ленин с восторгом охарактеризовал одним словом: «Феномен». За ней так и осталась эта партийная кличка.

Перед самым декабрьским восстанием 1905 года в Москве Андреева и Горький жили на Воздвиженке. В их квартире, позади кабинета Горького, помещалась лаборатория по изготовлению так называемых бомб-македонок. После подавления восстания Москву пришлось покинуть. Из Финляндии путь лежит за океан: нужно, чтобы и там узнали правду о русской революции.

В Америке их ждало новое испытание. Ханжеская американская «свободная» печать подняла травлю против Горького и Андреевой, обвиняя их в безнравственности.

Горький в условиях дикой травли желтой прессы создает «Мать», где русский рабочий класс (а вслед за ним и мировой пролетариат) осознал и увидел себя хозяином и создателем нового, дотоле еще небывалого мира.

Настоящие друзья нашлись на острове Капри. Годы, проведенные в Италии, были для обоих плодотворными и деятельными. Здесь дважды побывал В. И. Ленин. Они втроем уходили с утра на лодке, говорили с рыбаками, вели задушевные беседы о планах и задачах партии. Владимир Ильич относился к Марии Федоровне с большим уважением. Он видел в ней верного друга, преданного партии. Она и здесь выполняла его поручения, ведя борьбу с махистами. «М. Ф-не большой привет: она, чай, не за бога, а?»— подтрунивал Ленин над Горьким, симпатизировавшим в то время махистам. Вот почему М. Ф. с полным правом писала впоследствии в своей автобиографии, что за эти 6 лет, проведенные на Капри, она была «в распоряжении товарища Ленина лично». Среди итальянских моряков Андреева находила надежных людей для доставки в Россию большевистской газеты «Пролетарий» и другой революционной литературы большевиков.

В 1912 году она уехала в Россию. В. И. Ленин писал Горькому на Капри: «...Размечтался я в связи с поездкой М. Ф. ... Черкните непременно при случае, удалось ли ей легализоваться (наверное, удастся)».

Андреева вернулась в Россию под чужим именем, нелегально. Друзья из Художественного театра — Качалов, Москвин, Леонидов, Книппер, Массалитинов и Румянцев — выхлопотали ей разрешение вернуться на сцену.

Возвращение Андреевой в театр стало триумфальным. Слава ее росла. Но тем более волновал этот успех царскую полицию. В охранку летели подробные донесения о каждом шаге артистки... Октябрьская революция застала ее в Москве, в театре Незлобина. Теперь перед ней встали другие, более важные дела. Театры бедствовали, труппы распадались; театральное дело надо было объединить, и это было поручено М. Ф. Андреевой, назначенной комиссаром театров и зрелищ Петрограда.

И организаторские таланты, политическая выдержка и советы Ленина помогали ей бороться за сохранение искусства от его врагов справа и слева. Хозяйственная разруха заставила Андрееву взяться за новую работу — возглавлять Петроградское отделение Наркомата внешней торговли, «...она справится с этой ролью,— говорил В. И. Ленин,— так же хорошо, как со многими другими, которые ей приходилось играть в партийной работе». Она и здесь оказалась на высоте, выполняя ленинское задание.

Работая в торгпредстве, Мария Федоровна сделала много для советского киноискусства 20-х годов. Она принимала деятельное участие в работе Горького по созданию нового просветительского кинорепертуара.

В Голубой гостиной Московского Дома ученых на Кропоткинской улице висит портрет М. Ф. Андреевой. Она была директором этого дома последние двадцать лет своей кипучей жизни.

Хорошо, что о ней рассказано языком документов: на редкость достоверно, волнующе, целомудренно-просто... Глубокий голос Веры Марецкой отвечает нашему представлению о том необыкновенном человеке, каким была Андреева, о той необыкновенной жизни, какой была жизнь Андреевой-Феномена...

А. СТАРКОВ

Идут письма профессору Померанцеву. Пишут прочитавшие о нем в очерке «Я оказался живой». Люди разные: знакомые и незнакомые, молодые и старые.

Знаете, кто написал Алексею Александровичу, которому 72 года? Гимназический его учитель латыни!

«...И Вам и мне дорога память о Медведниковской гимназии в Москве: Вам — как ученику, мне — как начинающему тогда преподавателю.

Прошли годы, мы теперь оба старики, оба профессора МГУ: Вы — физик, я — филолог, а как хочется вспомнить с кем-нибудь молодые годы...

Несколько Ваших слов, посвященных нашей гимназии, вызвали во мне вереницу воспоминаний. «Минувшее проходит предо мною... волнуяся, как море-окиян». Я лет на 16, наверное, старше Вас!

Так вот, если есть желание припомнить вместе старину, буду очень рад.

Мой телефон: Е 9-71-19...»

Был звонок по телефону, была поездка в Измайлово к Александру Николаевичу Попову, был долгий-долгий вечер воспоминаний.

Самые неожиданные приходят письма. Из ГДР пришло, из города Бабельсберга. От Ольги Михайловны Тюрк, пенсионерки.

«Журнал «Огонек» познакомил меня с Вами и Вашей судьбой. Очерк «Я оказался живой» напечатала в переводе наша партийная газета «Нейес Дейчланд». Так что Померанцев переулок в Москве обрел теперь широкую известность и у нас.

Но для меня лично с Вашей фамилией связаны еще дорогие воспоминания детства, которые неудержимо влекут меня написать Вам.

Многие годы подряд нашими дачными соседями в Клязьме была семья доктора Дмитрия Семеновича Померанцева, хирурга Яузской городской больницы, и его жены Марии Эрнестовны. У них было двое детей: сын Дмитрий — Дидя — на два года старше меня, и дочка, моя тезка, на два-три года моложе меня. Мы были неразлучными друзьями до первой мировой войны... С 1918 года я ничего не слыхала о судьбе семьи доктора Померанцева...

Вы приводите инициалы Вашего отца: А. С. — и говорите, что у него было четыре брата. И вот мне показалось возможным, что Д. С. Померанцев был Вашим дядюшкой. Его сыну должно быть сейчас лет 68, а дочери года 62...

Очень прошу Вас, если Вам по какой-либо причине не хочется отвечать на мое письмо, забудьте его и простите старого человека, которому вспомнилось детство, всегда и каждому дорогое...»

Нет, у Алексея Александровича не было никаких оснований не ответить, тем более, что Д. С. Померанцев действительно его родной дядя. И в город Бабельсберг ушло письмо, которое поможет О. М. Тюрк установить связь с друзьями ее детства.

Не забывает почта и автора очерков «Я оказался живой...» и «Солдат Тандетников» (второй был продолжением первого) *.

Среди прочих писем мною получено такое:

«...Прочли всей семьей о солдате Тандетникове.

Нас глубоко взволновала судьба этого замечательного бойца революции.

В очерке упомянут Григорий Беляков, брат жены Тандетникова. Нам знакомо это имя. Мы с братом не раз слышали от нашей недавно скончавшейся матери о Белякове, который был боевым соратником нашего отца Александра Пархоменко, начдива 14 в Первой Конной армии. Они и погибли вместе, в одном бою против махновцев.

Имя Белякова лишь изредка мелькает в литературе. А в романе Вс. Иванова «Пархоменко» он назван почему-то Беляевым.

Нам кажется, что жизнь этого героя гражданской войны заслуживает того, чтобы о ней рассказали подробней.

Полковник запаса Евгений Пархоменко.
Москва-центр. Чистые пруды, 12, корпус 4, квартира 91».

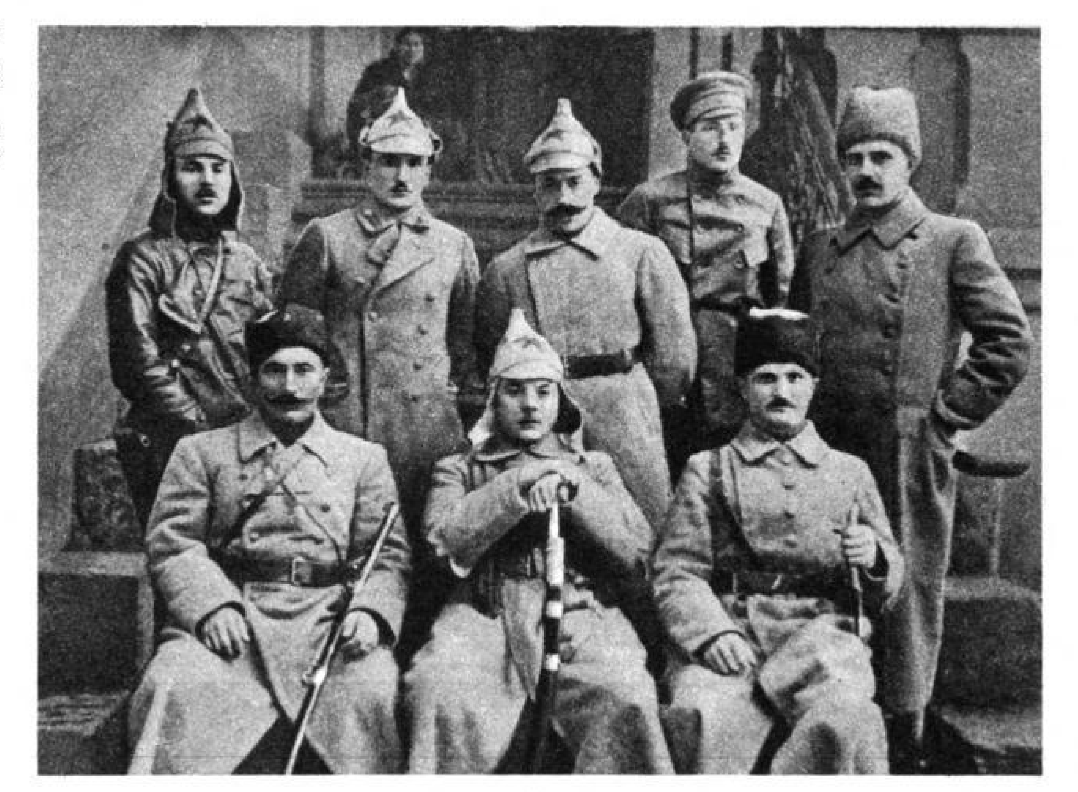
Чтобы выполнить просьбу полковника, мне нужно было повидаться с семьей Белякова,

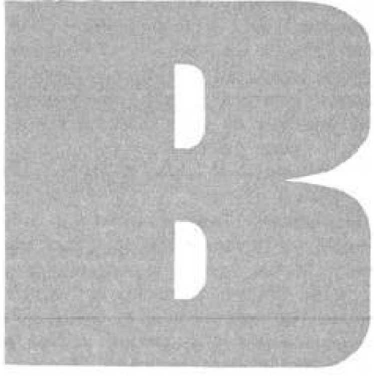
* См. «Огонек» № 44, 1967 г. и № 4, 1968 г.

Этот снимок сделан весной 1920 года в Ростове-на-Дону.

Сидят (слева направо): С. М. Буденный, К. Е. Ворошилов, Е. А. Щаденко.

Стоят: И. С. Лакотош, Г. Ф. Беляков, Н. К. Щелоков, С. Н. Орловский и Г. К. Сиденко.

его женой и дочерью, которые — я знал это — живут где-то в Москве. Узнать их адрес было делом несложным. И вот он уже в моем блокноте: Чистые пруды, 12, корпус 1, квартира 74. Да-да, Пархоменко и Беляковы — соседи, живут, оказывается, в одном доме, только в разных корпусах. И не ведали об этом, никогда не встречались. Более того, Харитина Григорьевна, вдова командира 14-й дивизии, и Зинаида Андреевна, вдова комиссара той же дивизии, состояли долгие годы в одной партийной организации при райсобесе, бывали наверняка вместе на собраниях, рядышком, может, сидели и не были знакомы. Случается вот так в жизни, случается...

Снова сижу, слушаю, записываю — такая уж у меня служба.

— По документам, мы прожили с мужем пять лет. Но собрать все дни (а часто не дни это были, а часы), когда мы виделись,— года не наберется. Дочка у нас, Таня, родилась в Москве на пятый день революции, 30 октября. Девочке десяти месяцев не было, а я собралась с ней к мужу под Царицын. Сейчас и подумать страшно: с такой крохотулей — с рук нельзя спустить — в действующую армию, в бои, можно считать. Только безрассудная молодость способна решиться на подобное. Мать так и говорила мне: «Безумная! Ребенка погубишь... И где ты там в эдаком пекле Григория своего разыщешь?»

Разыскала. Он служил в политотделе 10-й армии. Армия не выходила из сражений. Политотдел — оперативные его работники — неотступно с армией. А мы — за политотделом, точнее, с его канцелярией, в некотором отдалении. Мы — это несколько жен, приехавших к своим мужьям. Они, мужья, ворчали на нас, конечно: зачем-де явились в разгар боев. Но не прогоняли... Да мы и не сидели без занятий. Даже я с девчонкой на руках делала что-то в политотделе по финансовой части, поскольку закончила коммерческое училище. Между прочим, мне и оружие было выдано, наган. И однажды я его чуть было не пустила в ход. Не помню, на какой это случилось станции под Царицыном, они все перемешались в моей памяти: Великокняжеская, Котельниково, Сарепта, Ремонтная, Торговая. По-моему, наши где-то на Ремонтной дрались с белыми. А возможно, Торговую отбивали... В политотделе — никого из мужчин. Остались мы вдвоем с Голубевой, у которой был в ведении сейф с документами. Постарше меня, тоже из Москвы к мужу приехала... Сидим, значит, вдвоем, нет, втроем, третья — Танечка моя. Ужасная капризуля и крикунья — в Москве, здесь, в прифронтовой обстановке, когда мы почти все время были на колесах, она вела себя претихонечко, не плакала, не повизгивала даже, словно понимала, куда ее завезла мать. Вот и сейчас поела молча и мигом уснула. Я уложила ее на политотдельский диванчик и вышла на улицу. Да это, собственно, не улица была, а самая окраина железнодорожного поселка. Домишко, в котором временно разместилась наша канцелярия, стоял на отшибе, в поле уже... Время летнее, день солнечный, видно далеко-далеко. И я увидела вдруг на другом конце поля фуражки казачьи над высокой травой и пики. Глаза были молодые — разглядели. Много фуражек и много пик. И все это стремительно неслось, прямо-таки летело над полем. Конница! Я рванулась в дом, кричу Голубевой: «Белые!» Мы обе к окну, я показываю ей, а она не видит, близорукая была. Но вот и она увидела: казаки скачут. В направлении к нашему домику. Может, узнали от своей разведки, что тут политотдел. Голубева сунула куда-то поглубже ключи от сейфа, мы заперли дверь, забаррикадировались, наганы вытащили. Я, должна сказать, хорошо стреляла. Меня Григорий научил еще перед самой революцией, когда мы боевой дружиной собирались в Кускове под Москвой и тренировались в стрельбе... Вытащили мы, говорю, с Голубевой наганы и приготовились палить по белым, если сунутся в дом. А на диванчике чуть слышно посапывала во сне малышка... Всадники проскакали мимо. И были то не белые, а наши, отряд красных казаков.

Но раз угодила я и в настоящую переделку. Вместе со всей нашей женской компанией. Вместе с ребятишками; ребята ведь были и у других, только постарше моей Танечки. Высадились мы все на станции Великокняжеской. Вы уже знаете, мы двигались вслед за политотделом, а он был с передовыми частями, которые продвинулись дальше Великокняжеской. Но где-то там впереди белые потеснили наших, и они отступили обратно к Великокняжеской. Вот и получилось: мы вылезли из эшелона, а навстречу — наши. И за ними — враг. Представляете, обстановочка! Тут же на станции у нас на глазах — бой. Бьют пулеметы. Ребята ревут. Я прижала левой рукой дочурку к груди, в правой — наган. Раз, другой мелькнул перед глазами Гриша. Вот как свиделись мы в тот день с мужем — в бою. Самой-то мне не пришлось стрелять, не понадобилось. Белые быстро откатились, погнали их с Великокняжеской... В той схватке на станции ранило одну из наших женщин. И был приказ по армии: жен по домам. И покатили мы с Танечкой восвояси, вернее сказать, на пароходе поплыли. Гриша провожал нас на Царицынской пристани...

Так съездила я к мужу в первый раз. Во второй — через год, на другую осень. Поехала потому, что перестали вдруг письма приходить. Ни почты, ни оказии. В Сокольническом райкоме партии, откуда Гришу направили в армию, говорят: «Давно уже не имели никакой информации». Документ мне выдали на дорогу, мандат от райкома. Чтобы не просто мужней женой ехать, а по официальному делу... Дочка подросла, и ее можно было оставить с бабушкой. Отправилась я не одна — со Степой, младшим моим братишкой, которому исполнилось 17 лет. Он учился в Строгановском художественном. Рвался на фронт. И поехал со мной, имея тайную надежду остаться там. Он даже солдатскую шинель купил себе на базаре, а в пути прибавил к ней шапку с красной звездой.

Я знала, что Гриша был комиссаром Вольской дивизии. А уточнить, где она сейчас, эта дивизия, в Москве не удалось. Но раз Вольская, значит, рассуждала я, формировалась в Вольске. А это близ Саратова. Я и взяла билеты до Саратова... На вокзале там, в комендатуре, предъявив райкомовский мандат, узнала: в Вольске дивизии нет. Где она? Толком не ведают, кажется, где-то под Царицыном. Я обрадовалась: в тех местах была уже, сориентируюсь... Поездом добираться не советуют: банды кругом, налетают на поезда... Степа пошел за пайком, я — на пристань. Пассажирских пароходов не видно. Грузовой стоит под парами. Я к капитану, мандат на стол. А он, старичок, на документ не глядит, на меня смотрит. Смеется. «Мы,— говорит,— таких молоденьких и хрупких не грузим». И добавляет серьезно: «Пассажиров, ни мужского, ни женского полу, не берем. Запрет!» «А вы,— говорю,— занесите меня в список команды». «Какая,— говорит,— команда, какой спи-

сок? На каждой пристани сбегают, новых кличем. Таких башибузуков набираем — ужас! Стоишь на мостике и боишься, что вот-вот за борт скинут!..» Уговорила я его, упросила. «Ладно,— сказал,— у меня старпомовская каюта свободная. Закрою вас на ключ — и до Царицына». Хожу по палубе, рада, что взяли, брата жду. Я не сказала о нем капитану, боялась, что двоих-то он уж нас никак не возьмет. Думала, прибежит Степка, юркнет как-нибудь на пароход и затеряется в команде. А пароходу отчаливать пора, капитан — на мостике. Гляжу, высматриваю Степу, нет его и нет. Сейчас трап начнут поднимать. И вижу: бежит по причалу, буханки хлеба в руках. Машу ему, кричу. И капитан слышит, как я кричу. «Все! — думаю,— прогонит с парохода». И вдруг с мостика в рупор: «Молодой человек, сюда, сюда! Живей! Не задерживайте парохода...» Вот какой хороший оказался старик. И зря своими башибузуками пугал. Очень вежливые были матросы. И пока мы плыли, Степка тоже был матросом в боцманской команде на палубе. А плыли долго, ко многим причалам подходили разгружаться.

В Царицыне на пристани — раненые, раненые, раненые. На санитарных повозках, на простых телегах, а кто и на земле — на носилках. Я шла вдоль лежащих, заглядывала в лица, а если лицо было накрыто шинелью или одеялом, приоткрывала тихонечко — я Гришу искала. Не нашла... Старичок капитан свел нас со Степой в штаб армии, а может, фронта, не знаю. В штабе говорят: «Беляков? Есть такой. Правильно, комиссар Вольской дивизии. Она все время в боях. Штаб у них сейчас в селе Красное. Это до станции Иловля ехать...» «Я поеду!» — говорю. «Вы быстрая,— говорят.— Как вы туда поедете? На чем? Обычные поезда в ту сторону не ходят». Я подумала: отговаривают, видно, с Гришей неладно. «Он живой? — спрашиваю.— Правду скажите». «Вчера был живой. Вот донесение, подписанное им вместе с начдивом...» «Ну так отправьте меня к нему. Я только увижу его и сразу обратно». «Но, право же, нам не на чем вас отвезти. Бронепоезд стоял — укатил...» В комнату вошел какой-то гражданский, высокий, болезненного вида. Прислушался, говорит: «Я Белякова знаю... Могу вас взять с собой. Ночью прицепимся к санпоезду, утром в путь». Это был товарищ Трейвас, начальник литературного вагона, который назывался так потому, что развозил по фронту литературу, брошюры, газеты, плакаты. В Вольскую дивизию было с десяток пачек. Я на них и спала.

Иловля — прифронтовая станция, пальба слышна. Я выскочила из вагона: заморозки. А на мне легкое пальтецо, открытые туфельки. На площади перед вокзалом — шарабан, два красноармейца кормят лошадь. Я к ним: «Как попасть в Красное?» «Мы из Красного, а вам туда зачем?» «У меня муж... Беляков». «Это ж наш комиссар. А вы его женка?» «Подвезите». Оглядели сочувственно мою одежку. «Путь неблизкий — замерзнете». «Я привычная»,— говорю. «Ну давай... Сеном укроем». «Я не одна — с братом». «Давай заодно и брата». Бегу, в вагон влетаю, а в вагоне — Григорий. От неожиданности, от растерянности даже не поцеловались. Стоим, какие-то глупые слова бормочем. «Это ты?» «Я... А это ты?» «Я». Вот такой разговор... Каких-нибудь четверть часа, и мы бы разминулись, я бы укатила в Красное. А он с вечера на станции, у него вызов в Цека. Он писал мне, но письма не дошли. Был слух, что бандиты нападают на военную почту. Перестал писать, дожидаясь оказии. Но никто не уезжал: бои, бои... А теперь вот сам — оказия, едет в Москву. И сумка набита письмами, которые надавали ему боевые товарищи. А в литературный вагон зашел последние газеты полистать... Вы знаете, я совершенно не помню, ну, просто выпало из памяти, как мы выбрались из Иловли, и смутно помню дальнейший маршрут. Кажется, мы очутились както в Астрахани, а дальше вроде бы пароходом... И еще не помню: остался ли Степа в тот раз на фронте или приехал с нами в Москву и Гриша, возвращаясь в дивизию, взял его с собой...

Григорий еще раз приезжал, получил новое назначение: в Первую Конную. А потом я к нему ездила. В третий раз — в Ростов.

И в четвертый...

Это уже в самом конце двадцатого. Новый год я встретила в пути... В Москву на съезд Советов приезжала большая делегация от Первой Конной. Но из дивизии Пархоменко, из 14-й кавалерийской, где комиссаром был мой муж, прислали только одного человека. Дивизия была как раз в горячем деле, с Махно билась, каждый боец на счету, и на съезд смогли делегировать лишь одного. Помню имя: Петя. Помню в лицо: красавец блондин... Тут как-то смотрела я по телевизору передачу. Выступали участники гражданской войны. Генерал говорил, бывший когда-то конармейцем. Другой генерал, сидевший рядом с ним, назвал его по имени: Петр. И мне почудилось вдруг, что это тот самый Петя, ставший генералом. Я всматривалась в него, и мне все больше и больше казалось, что это тот... Мои друзья разыскали генерала, расспросили его. Я ошиблась, это был другой человек. Но он служил в 14-й дивизии, знал Гришу... Я отвлеклась, я ведь начала про свою четвертую поездку к мужу. Приехавший на съезд Петя привез мне письмо от Григория. Оно, как и остальные его письма, не сохранилось у меня, все пропали в последнюю войну, во время эвакуации. Письмо было совсем коротенькое — записка, и я ее помню почти дословно: «Войну кончаем, вот добьем Махно, и — баста! Скучаю по тебе, хотелось бы увидеться. Но когда выберусь в Москву, трудно сказать. Может быть, ты приедешь в Екатеринослав с нашими ребятами, которые будут возвращаться со съезда? К тому сроку мы уже наверняка покончим с бандой...» Петя, принесший мне эту записку, сказал: «Я говорил с начальством. Разрешают вам. Поедете с нашим поездом».

Выехали, значит, в канун Нового года. Поезда, даже вот такие — спецназначения, ходили медленно. Четвертого января мы еще только к Харькову подъезжали. Соседка моя по купе собиралась сойти там. Это была тоже молодая женщина, направлявшаяся к мужу — военному. Милая, приветливая и очень уж говорливая. А я была как-то грустновато настроена, не знаю, почему, повода для печали вроде бы и не было: скоро Гришу увижу. А что-то невесело было на душе, и непрерывно звеневший голосок моей соседки начинал уже раздражать меня. И я обрадовалась, когда она, собрав вещички, вышла в тамбур. Я осталась одна, взяла какую-то книгу, но чтение не шло, и я заснула...

Приснилась комната, обыкновенная, жилая, наверно, но пустая, если не считать стоящего посередине ее небольшого стола, накрытого белой, свисающей до полу скатертью. Комната квадратная, стол такой же. И вдруг они становятся все уже, все длинней, вытягиваются, вытягиваются, и стол растет быстрее комнаты, которая превратилась в коридор, стол всю ее заполнил. Вот упрется в дверь, такую же белую, как скатерть, и высокую-высокую, до потолка, и впечатление такое, что она даже выше потолка, заканчивается где-то над ним. Дверь раскрывается, входит человек, он обычного роста, но вырастает так же быстро, как все вокруг, на нем прекрасно сшитый костюм неопределенного цвета, а вот воротничок той же сверкающей белизны, как скатерть и дверь. Человек идет, приближается ко мне, и непонятно, как это ему удается, потому что стол заполнил комнату, не оставив проходов, соединился со стенами, а человек все равно идет, идет молча, но рот его раскрыт, и видны белые-белые зубы. Красивое загорелое лицо не выражает никаких чувств: ни веселости, ни злости, ни любопытства. И не то чтобы оно равнодушно, оно не по-земному спокойно, и это особенно пугает меня, я кричу, кричу и просыпаюсь с сильным сердцебиением, вся в поту, хотя ничего страшного не приснилось: комната, стол, дверь и незнакомый мне красивый человек со спокойным лицом...

Поезд стоял. Но было непривычно тихо для стоянки на такой большой станции, когда люди шумно снуют туда-сюда по вагону. Я вышла в коридор — никого, заглянула в одно купе, в другое, в третье — пусто. И Пети не видно. Он ехал в соседнем вагоне, то и дело забегал ко мне с приятелями, а на остановках непременно уж кипятком снабжал. Нет Пети, не несет кипятку. Я вернулась к себе в купе, присела, расслабленная странным сном. Дверь в коридор открыта. Я услышала шаги, выглянула. Шел знакомый мне военный, человек всегда веселый, разговорчивый. Понурый он сейчас шел и, увидев меня, посмотрел как-то напряженно, приостановился, словно хотел что-то сказать, да не решился, мимо прошел. И еще появились люди. Шли, тихо переговариваясь между собой, и кто-то отделился от проходивших, приблизился ко мне, взял за руки: «Мужайтесь, Зиночка! Григорий Федорович...» И не договорил: на пороге купе стоял Петя. Они встретились взглядами, и Петя сказал: «Это ошибка, Зинаида Андреевна... Убит другой Беляков, из разведки... Я вам чайку принес горячего, попейте...» Славная душа, хотел, чтобы я не сразу узнала о случившемся, хотел отдалить удар. Но по тому, как он произнес эти слова: «Чайку вам принес...», я поняла, что убит не другой Беляков, убит мой Беляков, мой Григорий... Поезд, наверное, тронулся, я не заметила его движения, и он, наверно, пришел в Екатеринослав, раз я оказалась в этом городе и ходила, наверно, по его улицам и где-то жила, наверно. Все в какой-то размытости, смутности, в тумане. Мимо сознания. В мозг, в душу било только одно: убит.

О гибели Пархоменко и его четырех товарищей рассказывали и рассказывают по-разному. И то, что я знаю, может оказаться неточным. Никто, правда, не видел, как они погибли. Их было пять. И больше никого. Отряд конармейцев прискакал, когда все было кончено: изрубленные тела. И можно было лишь вообразить, как бились эти пятеро с неожиданно налетевшей на них ватагой... Они выехали рано утром на разведку, как говорят одни, или, как утверждают другие, в соседнюю дивизию, чтобы договориться о решающем бое против махновцев. Выехали на двух тачанках. Почему на колесах, а не верхом? Все ведь были прекрасные кавалеристы. Говорят, что одного из командиров, Богенгарда, незадолго до этого ранило в ногу. Он не мог верхом. И поехали на тачанках. На первой Пархоменко и Беляков, на второй Богенгард, Мурзин, Сергеев. Они так и лежали, порубленные, рядом — Пархоменко и Беляков,— спина к спине. Так, верно, и отбивались от бандитов до последней секунды вместе, спина к спине...

Степан, братишка мой,— помните его? — воевал в 14-й дивизии. Он был среди первых, прискакавших к месту гибели Пархоменко и четырех командиров... Степа говорил мне потом, что узнал Григория только по зубам: у него были удивительно красивые белые-белые зубы. Мертвым я его не видела. Погибших привезли в Екатеринослав. И гробы стояли в клубе закрытые. Можно было раскрыть гроб. Но Степа сказал «Не надо, Зина, не надо... Ты его не узнаешь... Запомни Гришу живым...»

Такой была моя четвертая поездка к мужу на фронт. Таким было наше последнее свидание с ним...

Как жила я все эти годы? А стóит ли про то? Жила... Много лет работала в Наркомате Обороны. Танечка наша, Татьяна Григорьевна,— инженер-химик на заводе эндокринных препаратов. Две внучки у Григория Белякова: Наташа, бухгалтер, и Ирочка, школьница...

...А письма идут, идут...

Вот только что передали мне конверт с почтовым штемпелем: «Tanger». Танжер, Марокко... Пишет русский человек. Прочел в нашем журнале о Померанцеве, о Тандетникове. Вспомнились молодость, Москва, предоктябрьские дни, заседание Московского Совета, горячая речь какого-то солдата в поддержку большевиков. В письме просьба: нельзя ли установить фамилию солдата и разыскать его речь, которая была опубликована, кажется, в газетах «Известия» или «Социал-Демократ» «между 10 сентября — 10 октября 1917 года». Автору письма нужно это, судя по всему, для мемуаров или какого-то исторического исследования.

Но кто он, этот участник Октябрьских событий в Москве, живущий ныне в Марокко? Ничего я пока о нем не знаю, кроме имени и адреса. А жизненный путь, судьба у него, должно быть, любопытные...

И похоже, что поиск мой продолжается.

Валентина Васильевна Метревели снова едет к больному.
Фото автора.

СЕРДЦЕ, ОТДАННОЕ ЛЮДЯМ

Ясное, солнечное утро обещает Москве знойный день. Доктор Валентина Васильевна Метревели собирается воскресенье провести на даче, но звонит телефон: ее больному стало хуже. И вот уже забыта тенистая дача. Доктор спешит туда, где нужна ее помощь, где человек изнемогает в борьбе с недугом.

Валентина Васильевна закончила Ленинградский медицинский институт в 1940 году. Во время войны молодого врача назначили в лечебное учреждение штаба Московского фронта. Валентина Васильевна сразу приступила к работе, и в первое же дежурство — воздушный налет. Тревожно завыли сирены, ночное небо рассекли косые лучи прожекторов. Задребезжали стекла от залпов зенитных орудий, установленных возле Могэса.

Срочный вызов к пострадавшим. Валентина Васильевна мчалась на санитарной машине по затемненным улицам. Осколки зенитных снарядов барабанили по крыше автомобиля. Заглушая артиллерийскую стрельбу, тяжело охнул разрыв фашистской бомбы — упала совсем недалеко.

Так началась «вахта» Валентины Васильевны на страже здоровья советских воинов. Не оставила она этого поста и по сей день. Сотни военнослужащих обязаны ей не только здоровьем, но и жизнью. Всегда внимательная к больным, Валентина Васильевна отдает им не только свои большие знания и опыт, но и чуткое, отзывчивое сердце. И недаром в день своего рождения Валентина Васильевна получает поздравления и от сослуживцев и от своих бывших пациентов из многих и многих городов Советского Союза.

А. АЛЕКСЕЕВ

Первый заместитель начальника Штаба Гражданской обороны СССР, генерал-лейтенант Д. И. ШУВЫРИН

Двадцатый век внес разительные перемены в военное дело. Стали применяться авиация, подводные лодки, атомные и термоядерные бомбы, ракеты. Кроме войн на суше и на море, которые знало человечество ранее, началась война в воздухе, а в настоящее время возможны боевые действия и в космическом пространстве.

Качественно изменился сам характер войны. Вооруженные силы становятся все более технически оснащенными. Если империалистам удастся развязать войну, то ударам с воздуха подвергнутся прежде всего крупные административно-политические и промышленные центры. Война втянет в свое горнило не только крупные города, но и населенные пункты сельской местности.

В Великой Отечественной войне наши фронт и тыл жили по одним часам. Напряжение сил было одинаковым как в бою, так и в труде. На временно оккупированной врагом территории тоже не прекращалась борьба, целые фашистские дивизии вели бои с партизанскими отрядами и соединениями.

Гитлеровцы подвергали бомбовым ударам не только боевые позиции, армейские части. Более тридцати тысяч налетов сделали фашистские люфтваффе в глубь нашей территории, гитлеровцы сбросили на советские города около шестисот тысяч фугасных и более миллиона зажигательных бомб. Особенно яростным воздушным атакам подверглись Ленинград, Москва, Киев, Севастополь, Минск, Одесса. На Москву, например, был совершен 141 налет. И от этих варварских бомбардировок пострадало главным образом гражданское население.

Буржуазные исследователи указывают, что если в первую мировую войну из общего числа погибших на долю гражданского населения падало лишь 5 процентов, то во вторую мировую войну — уже 48. А во время агрессии США в Корее — 84 процента.

А ведь сейчас наша армия и армии ведущих империалистических государств располагают сокрушительным ракетно-ядерным оружием. В результате агрессивного курса внешней политики США накопление этого оружия идет непрерывно. Если за всю историю человечества в войнах было взорвано всего лишь 10 миллионов тонн боеприпасов, то сейчас, по данным ученых, в мире накоплено ядерных боеприпасов общей мощностью 440 тысяч мегатонн, что составляет по 100 тонн тротила на каждого жителя нашей планеты. А существующие средства доставки могут поразить мощным ядерным зарядом любую точку земного шара.

Поэтому ракетно-ядерный век потребовал создания иной, более совершенной оборонной организации по защите людей от оружия массового поражения.

Вооруженные Силы страны Советов располагают мощной боевой техникой. Они способны разгромить любого агрессора. Однако, укрепляя армию и флот, мы не должны забыть и о защите людей и материальных ценностей от оружия массового поражения.

Воздушные бомбардировки мирных городов еще в первую мировую войну поставили вопрос о защите населения и промышленных объектов. Возникла необходимость создания государственных органов, ответственных за безопасность населения тыла. У нас в СССР в тридцатые годы для этой цели была организована местная противовоздушная оборона (МПВО). В Великую Отечественную войну, во время ожесточенных воздушных налетов, бойцы МПВО — рабочие, служащие, студенты, домохозяйки — самоотверженно боролись с пожарами, разбирали обломки зданий, спасая пострадавших, ликвидировали результаты бомбежек. И наша местная противовоздушная оборона, зачастую ценою больших жертв, хорошо выполняла стоящие перед нею задачи: было потушено 10 тысяч пожаров, устранено 32 тысячи аварий, оказана помощь сотням тысяч советских граждан. Однако во вторую мировую войну защита населения городов требовалась только в зоне, досягаемой для авиации противника. Теперь защита населения и создание условий, обеспечивающих устойчивую работу предприятий народного хозяйства, должны быть предусмотрены в масштабе всего государства. Силы, средства, материально-технические возможности организации, взявшей на себя заботу о такой защите, должны соответствовать характеру ракетно-ядерной войны. Этим у нас в стране занимается Гражданская оборона. Для нее защита людей, ликвидация последствий нападения противника с целью спасения населения и поддержания деятельности промышленных центров в условиях современной войны явятся делом огромной государственной важности.

Значение Гражданской обороны состоит в том, что она может первой оказаться перед необходимостью вступления в борьбу за спасение миллионов советских людей.

Следует отчетливо себе представить, что, какой бы поражающей силой ни обладало современное оружие, от него можно защищаться, если хорошо усвоить способы и приемы защиты, а также правила поведения на зараженной территории.

Главное в подготовке населения — добиться такого положения, чтобы каждый человек научился умело и разумно применять способы защиты от оружия массового поражения в условиях нападения противника, знал, как оказывать помощь себе и своему товарищу, мог ликвидировать последствия нападения на своем предприятии, колхозе или совхозе.

Работники Гражданской обороны обучают все население страны защите от оружия массового поражения, подготавливают необходимые формирования, способные действовать в любой обстановке. Гражданская оборона заботится о создании коллективных и индивидуальных средств защиты, организует надежную систему оповещения и связи, а также принимает меры по защите продовольствия, животных, растений и т. д.

Нельзя представлять дело так, что только в штабах Гражданской обороны решаются все эти задачи. Ведь штабы — это центры, планирующие, разрабатывающие и проверяющие различные мероприятия по подготовке страны к защите от оружия массового поражения. Укрепление Гражданской обороны — дело всенародное. Председатели исполкомов Советов депутатов трудящихся являются одновременно и начальниками Гражданской обороны городов, районов, областей. На предприятиях и в учреждениях за ее состояние несут ответственность директора. В Советском Союзе создаются службы и формирования Гражданской обороны: медицинские, противопожарные, противохимические и т. д. Подготовленность, боеспособность служб и формирований проверяются на учениях, в которых они действуют в обстановке, близкой к реальной.

Организованно проходит подготовка формирований на московском заводе «Серп и молот», станции Белгород-1, Астраханском заводе стекловолокна, Окуловском целлюлозно-бумажном комбинате Новгородской области, совхозе «Заря коммунизма», Подольского района, Московской области, совхозе «Декабрист», Саратовской области...

Ныне все рабочие, колхозники, служащие, студенты, учащиеся обязаны хорошо знать способы и приемы защиты от оружия массового уничтожения. Словом, надежная гражданская оборона может быть создана лишь при непосредственном участии всех советских граждан.

А. ГОЛИКОВ
Фото А. Бочинина.

ВНИМАНИЕ! ТРЕВОГА!

Пронзительный вой сирены врывается в просторные цеха, заглушая гул станков. На московском заводе «Салют» объявлена учебная воздушная тревога.

Сразу же вступает в действие боевое расписание, и мы вслед за начальником гражданской обороны объекта, директором завода Иваном Ивановичем Пудковым отправляемся на пункт управления. Толстые стальные двери герметически закрываются за нами. По гулким лестничным маршам спускаемся глубоко под землю. Опять стальные двери, и за ними пункт управления.

Начальник штаба Николай Сергеевич Юрков уже здесь. В соседнем помещении собираются начальники служб гражданской обороны: инженерной, медицинской, противопожарной...

Пункт управления — сооружение фундаментальное, с собственной телефонной станцией, радиоузлом и даже водоснабжением — глубокой артезианской скважиной. В условиях атомного нападения он может существовать и действовать совершенно автономно, не нуждаясь ни в чем извне. Воздух поступает сюда очищенный, через специальные устройства.

На пункте управления — тишина. А на поверхности километрах в двух от завода сейчас вырос... черный гриб «ядерного взрыва». Взрывная волна могла разрушить здания, тепловое излучение — вызвать пожары, радиация — отравить воздух. Отрядам гражданской обороны предстоит в первую очередь спасать людей и материальные ценности.

Чтобы установить, где помощь нужна в первую очередь, Иван Иванович Пудков дает команду выслать разведгруппу. Разведчики в защитных костюмах и противогазах уходят на задание. В их распоряжении мотоциклы, радиостанция. Скоро выясняется, что «ядерный удар» наделал немало бед. «Полностью разрушены» несколько цехов, есть «пострадавшие»...

Мы поднимаемся наверх, чтобы видеть ход учения. Пожарные упругими струями воды бьют по бушующему пламени. Бульдозеры расчищают проезды. Спасатели осторожно «откапывают пострадавших», а санитары тут же оказывают им первую помощь.

— Перед Отечественной войной я участвовал в учениях МПВО,— говорит заместитель начальника штаба гражданской обороны завода Борис Яковлевич Кабаров.— И когда начались налеты немецких самолетов на Москву, все это очень пригодилось... Я уже знал, как надо действовать. Служил-то в частях МПВО. Своими глазами видел, какие потери несло гражданское население. Погибали женщины, дети, старики. Спасая их, многие бойцы противовоздушной обороны действовали героически.

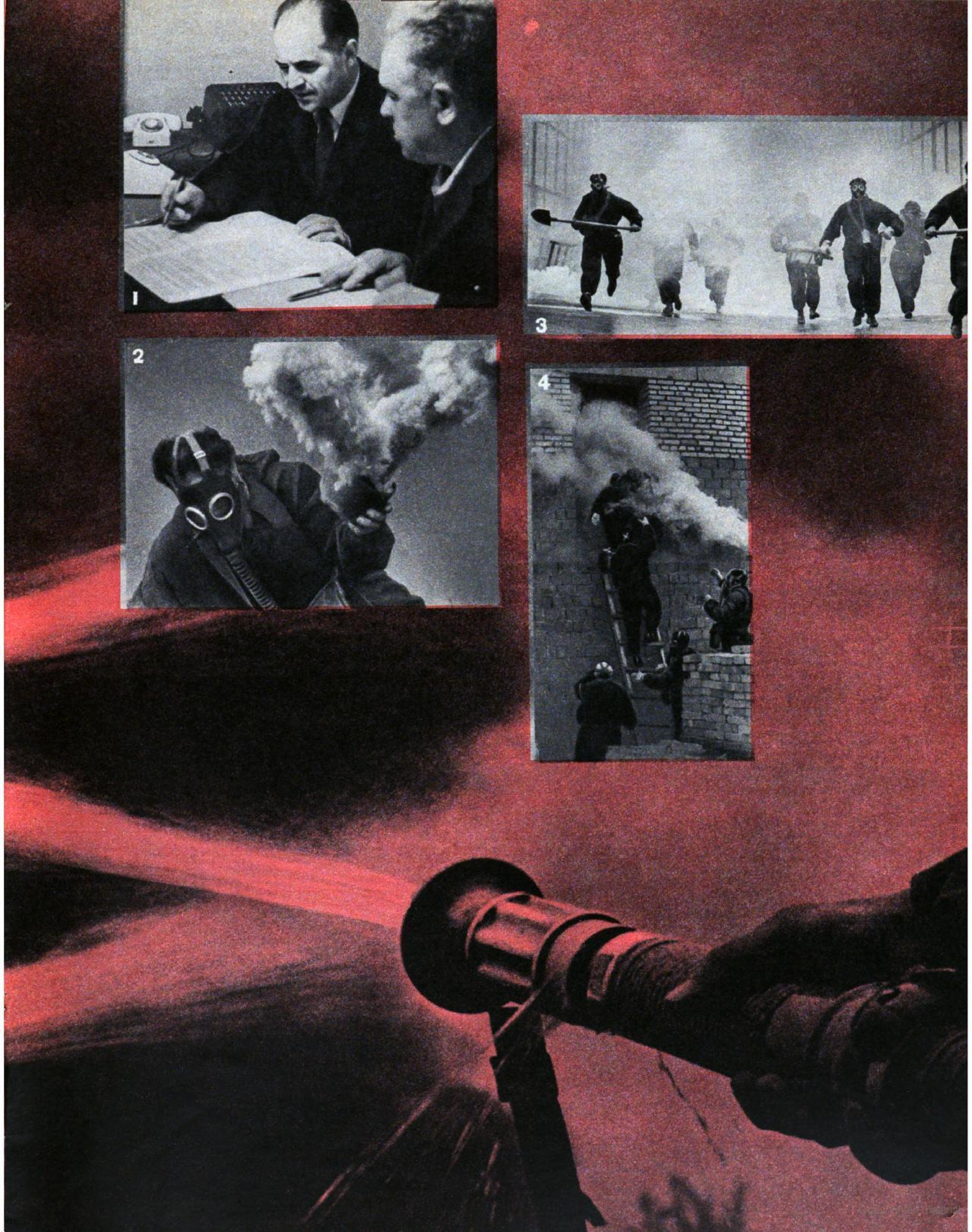
Наконец, «пострадавшие» спасены, «пожары» потушены, проезды расчищены от «завалов», начался разбор учений. А завод работает, идет обычный трудовой день. Все «разрушенные» и «сгоревшие» цеха дают продукцию. Но завод готов и к обороне, к дням тревожным и грозным. Гражданская оборона «Салюта» на учениях получила положительную оценку.

1
Начальник гражданской обороны завода «Салют» Иван Иванович Пудков (слева) и начальник штаба Николай Сергеевич Юрков.

2
Тяжело в учении...

3
Тревога!

4
Спасатели за работой.

Мелодия Родины

М. СОКОЛЬНИКОВ,
заслуженный деятель искусств РСФСР

Русская сердечность, широкая, открытая душа, светлый порыв чувств всегда отражались в искусстве народных мастеров Подмосковья. Питала его своей поэзией и ласковая, задушевная природа. А в самой глубине их творческих исканий лежали традиции величавой истории русского народа, его героических подвигов.

Вот почему в работах мастеров декоративно-прикладного искусства Подмосковья чувствуешь ту мелодию Родины, о которой так хорошо сказал поэт и художник Павел Радимов:

О, милый край! Зеленые просторы
И перелесков синь!

Показ произведений декоративно-прикладного искусства московских областных художников всегда сопровождается повышенным вниманием зрителей и превращается в праздник. На республиканских, зональных и всесоюзных выставках раздел их творчества вызывает неподдельный восторг перед фантазией мастеров, оригинальностью замысла и красотой технического исполнения.

К сожалению, из-за недостатка места такие смотры часто не дают полного представления о богатстве этого искусства. Мы обычно показываем творчество народных мастеров обедненно. Пожалуй, на международных выставках экспозиция работ умельцев Московской области приобретает гораздо больший размах. В Монреале, например, их искусство было показано очень широко.

Можно утверждать, что только на недавно прошедшей выставке «Подмосковье мое» декоративно-прикладное творчество художников Московской области впервые было так объемно продемонстрировано. Этот раздел выставки подкреплял всю в целом интересную экспозицию, придавал ей праздничный вид, звучал как жизнеутверждающий аккорд. И не случайно он получил самую восторженную оценку у зрителей. «Ходим, как в сказке... Как хочется окружить себя этим чудом красоты... Какие дивные, чарующие мастера...»

По красочности, пожалуй, более других выделялись подносы жостовских мастеров. Никогда мы их не видели в таком блеске творческого выражения, какая смелость и свобода в этом кистевом мазке, какая звучность и красота цвета, какие богатые узоры композиций! Такие подносы хочется видеть не только в бытовом применении — «к столу», но и висящими на стенах.

Говоря о живописи мастеров Жостова, надо бы назвать имена почти всех ее мастеров, но это невозможно. Можно только отметить общий высокий творческий строй произведений этого коллектива подмосковных художников, их поиски новых решений.

У лаковой миниатюры федоскинцев свои приемы письма, свои мотивы композиций, отличные от Палеха, Мстеры или Холуя. Тут меньше фантазии, сюжеты приобретают повествовательный, эпический характер. Техника росписи на папье-маше маслом, а не темперой создает свою красочную поверхность.

Мастера федоскинцы — отличные жанристы и певцы родного подмосковного пейзажа. Приятно отметить, что за последний год они имеют серьезные достижения в создании историко-революционных тем и сюжетов, посвященных жизни и деятельности Владимира Ильича Ленина. Эти их работы отличаются глубоким идейным замыслом и решены на большом художественном уровне. Более других запоминаются «Ходоки у Ленина», «За власть Советов», «Солдаты революции».

...Когда в 1910 году группа русских художников посетила мастерскую великого Огюста Родена, он подошел к окну, взял богородскую игрушку «Кузнецы» и, обращаясь к присутствующим, спросил: «А много у вас есть людей, способных творить так прекрасно? Народ, который создал эту игрушку,— великий народ».

Смотришь изделия из дерева богородских резчиков и словно погружаешься в мир народных пословиц, сказок, басен. Какое огромное, верное чувство понимания народной жизни, ее характерных черт, юмора, смекалки! Игрушка с «действиями», веселой, уморительной выдумкой сочетается с тонко проработанными скульптурными композициями. Традиционное искусство богородчан живет и развивается, старается не отстать от современности и через образы человека и зверей привносит новые темы. Чего стоят забавные игрушки с изображением медведей, готовых лететь в космическое пространство!

Среди работ богородчан на выставке выделяется целый ряд произведений, свидетельствующих о внимании их к серьезным композиционным решениям. Посмотрите, какая народная мудрость в группе Н. Максимова «Кому на Руси жить хорошо», какое тонкое пластическое выражение сюжетов у В. Зинина — в его «Мужичок с ноготок», в тройках и свадьбах. Зинин создал также глубокую по художественной выразительности работу на тему о Ленине и народе: «Разговор о земле».

Много прелести в последних работах мастеров точеной деревянной полированной игрушки. Значительно обогатились по цвету и формам их обычные веселые пирамидки. А сколько прибавилось новых видов этих художественных изделий! Такие игрушки выделяются лаконизмом своих скульптурных решений, умением через локальные цвета и их контрасты создать острые пластические образы.

Можно утверждать, что точеная полированная игрушка Подмосковья сейчас выдвигается на одно из первых мест и несет черты новаторства и современности. Ну разве не покоряет деревянная игрушка В. Клабукова «Мы красные кавалеристы»? Или фигурки физкультурников М. Таллако, затейливые вещи А. и Б. Столяровых?

Прекрасно выглядело на выставке и искусство мастеров резьбы по дереву Загорска и Хотькова, хотя стоит сказать, что здесь мало новых решений. Среди продукции загорчан более привлекательны мелкие сувениры и менее интересны тематические шкатулки с раскраской и выжиганием. Из работ хотьковских мастеров истинное художественное удовольствие вызывают деревянные ковши В. Ермилова, С. Валяева и, конечно, как всегда, многообразные работы темпераментной Т. Альхимович. Сам материал и техника его обработки в духе кудринско-ахтырской резьбы обворожительны.

Фарфор Дулевской фабрики был показан в центре большого зала Манежа и по праву пользовался вниманием публики. Его экспонаты свидетельствовали о творческих исканиях коллектива талантливых мастеров, руководимых горячим, увлекающимся П. Леоновым. Помимо чайной посуды, привлекали отлично исполненные дулевцами столовые сервизы. После некоторой замедленности в творческом движении мастера Дулева сейчас снова полны новыми художественными замыслами.

Можно пожалеть, что на выставке «Подмосковье мое» совершенно не были показаны работы художников фарфора из Вербилок. Высокое качество их искусства и давние традиции хорошо известны в обиходе.

Работы художников Гжели останавливали стилистической выразительностью фарфора. Их искусство полно самобытности и перекликается со старыми традициями. Затейливые по форме кумганы, кувшины и чайники, квасники, мелкие вещицы для стола вроде подставки для яйца, солоницы — во всех этих вещах много смелых, широких сюжетных и орнаментальных решений.

Совсем по-своему воплощает богатые творческие замыслы Л. Азарова. У нее отличное чувство скульптурной пластики. Произведения Азаровой блещут фантазией. Но темы ее не отвлеченные, а связанные с наблюдениями окружающей жизни. В неумирающие традиции Гжели она смело вводит мотивы современности.

Мне нравится и артистичность художественной манеры Азаровой, свободное, ненатруженное владение кистью. Ее скульптура «Чаепитие» несет содержание целой большой картины. Как улыбчив азаровский самовар с чайником и особым краником, как хорошо угаданы движения рук пьющих женщин! А кот внизу такой озорной и кокетливый...

Волшебные павловские платки... Около них зрители стояли, словно завороженные. Сколько в этих кашемирах с ручной набивкой великолепного чувства цвета, радостного, беспредельного восторга перед миром природы, какое богатство форм и композиций! Трудно назвать всех мастеров этого пленительного искусства Подмосковья, но хочу, чтобы запомнились имена Е. Регуновой, Л. Шаховской, Е. Штыхина.

Выставка «Подмосковье мое» явилась настоящим праздником русского декоративно-прикладного искусства, она показала нам Московскую столичную область как край богатейших народных художественных промыслов и мастеров декоративно-прикладного творчества.

Л. Токарева. Кукла «Русская».

О. Чеснокова. Кружево, браслет, бусы.

Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА.

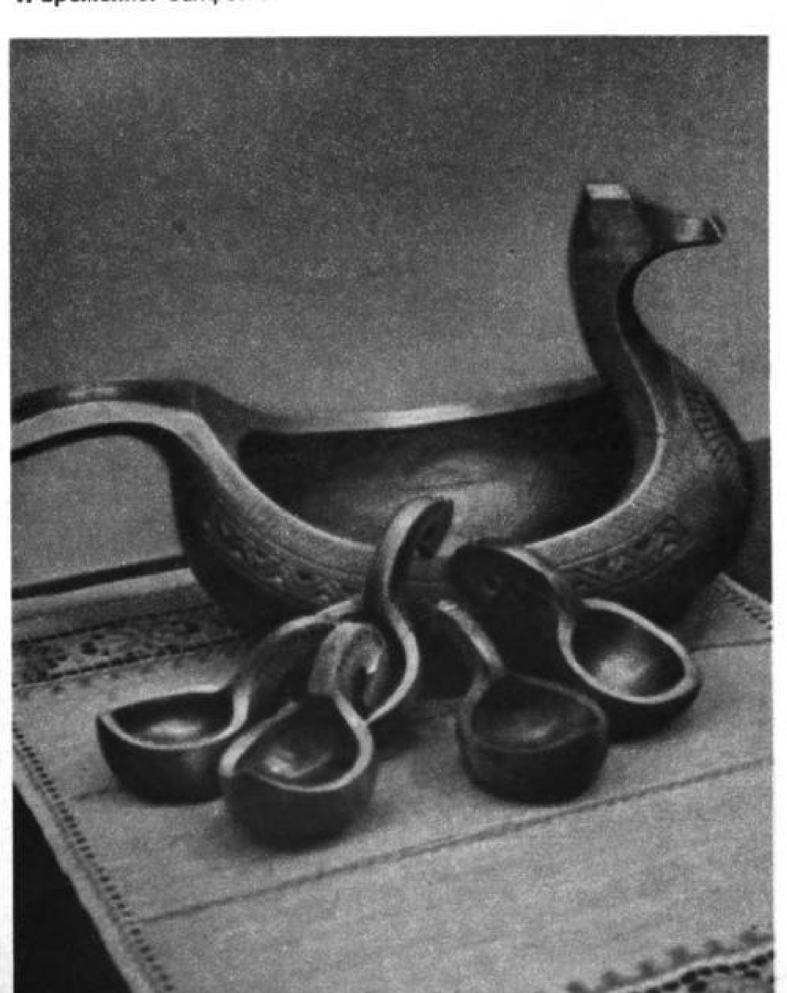

В. Ермилов, С. Валяев. Ковши.

Т. Еременко. Салфетка.

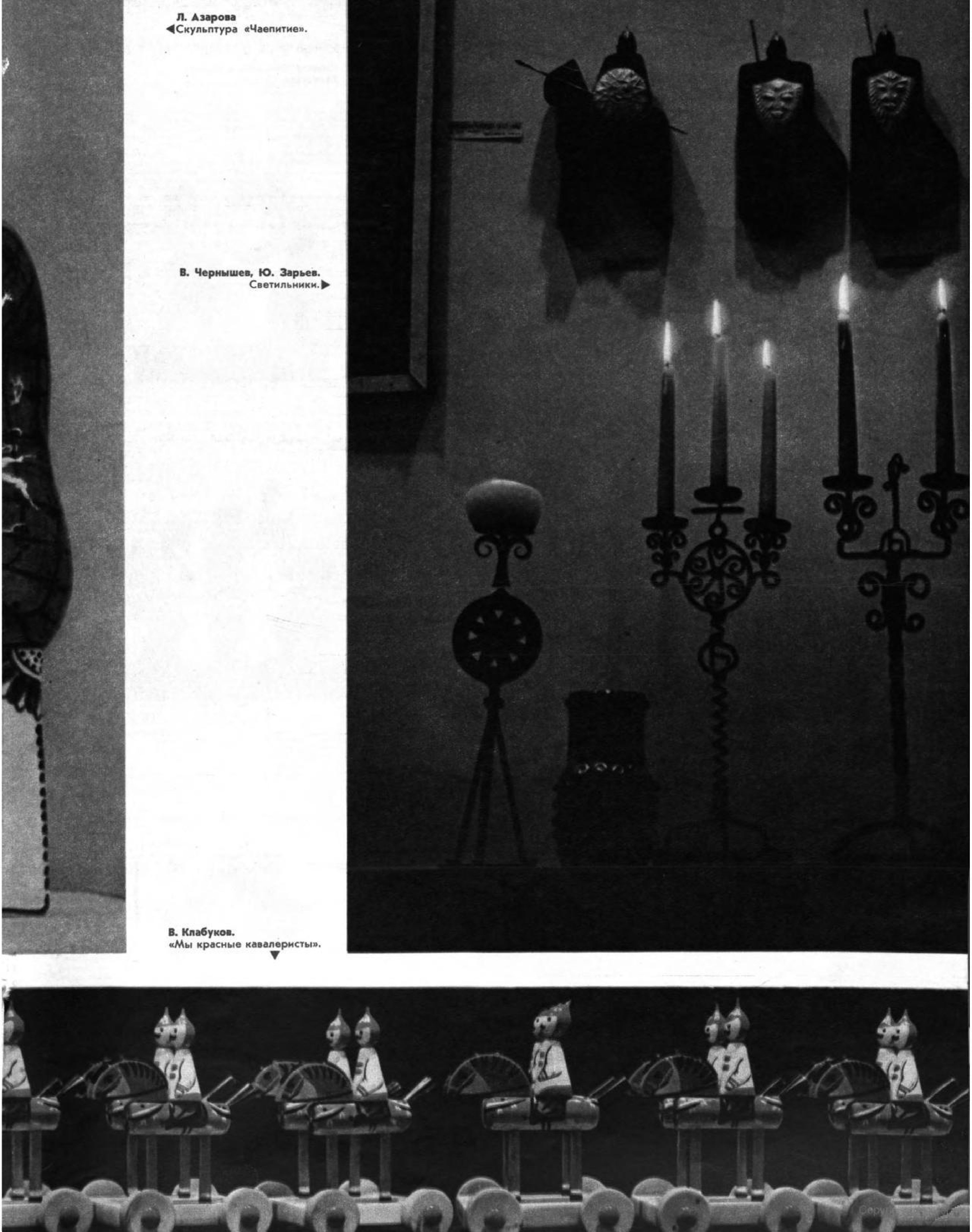
Н. Матушевская. Блюдо «Конек-Горбунок».

Н. Ганф, Е. Жигалкина. Кувшин с кружкой.

Л. Азарова
◀Скульптура «Чаепитие».

В. Чернышев, Ю. Зарьев.
Светильники.▶

В. Клабуков.
«Мы красные кавалеристы».
▼

Ювелирные украшения.

◀ **А. Голиков.** Браслеты и кольцо.
Л. Васильева. Серьги.

Л. Титова. Игрушка «Тигренок».

Н. Максимов. «Кому на Руси жить хорошо». Богородская резьба.

А. Столяров. Деревянная точеная игрушка.

МЕДАЛЬ ЗА ГОРОД БУДАПЕШТ

Среди материалов, присланных на конкурс, есть объемистая посылка. Она пришла из города Батайска, Ростовской области. Ребята школы № 9 прислали на конкурс большой альбом. «Братской Венгрии посвящается» — выведено золотом на его обложке, рядом с силуэтом Будапешта. Чуть ниже написано: «Отряд следопытов Октября имени Джона Рида». В этом альбоме собран богатый материал по истории советско-венгерской дружбы.

«Помня о том, что следопыт должен быть пропагандистом результатов своих поисков, мы решили провести вечер, приурочив его к первому Дню провозглашения Венгерской советской республики 1919 года,— пишут ребята из Батайска.— Участие венгерских интернационалистов в Октябрьской революции и провозглашение в Венгрии Советской власти — два звена одной и той же цепи. Рассказывая об этих событиях, нам удалось показать братскую дружбу по оружию, рожденную 50 лет назад». На вечере каждый рассказывал об одном венгре-интернационалисте, а ведущая Надя Фокина читала стихи венгерских поэтов.

К альбому приложена магнитофонная пленка. На ней — запись другого вечера. Узнав, что один из отрядов 4-го класса школы № 9 носит имя Николая Шевцова, погибшего в 1945 году при освобождении Будапешта, следопыты провели в этой школе вечер, посвященный 23-й годовщине народной Венгрии. Следопыты разыскали посмертный наградной лист на имя гвардии старшины Николая Григорьевича Шевцова. В альбоме наклеена копия наградного листа.

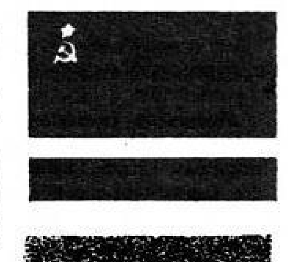
«В наступательных боях за город Будапешт, 1 января 1945 года, при продвижении стрелковых подразделений гвардии старшина Николай Григорьевич Шевцов возглавил группу бойцов и выдвинулся с ними до обороны противника, забросал его гранатами. Своим дерзким поступком он посеял панику среди противника, чем воспользовалась наша пехота, которую товарищ Шевцов смело повел в бой и первый с возгласом «Гвардейцы, вперед!» пошел в атаку...»

Батайские ребята обратились к венгерским друзьям с просьбой отыскать могилу их земляка. Недавно они получили письмо из Венгрии: «Дорогие следопыты из батайской средней школы № 9! После долгих розысков нам удалось найти могилу гвардии старшины Николая Шевцова на старом кладбище, в районе Обуда. В этом письме мы посылаем две фотографии этой могилы. Фамилия вашего земляка стоит первой на мемориальной доске. На могиле всегда живые цветы. Жители Обуда свято чтят память своих освободителей — советских людей, которые отдали жизнь за наше освобождение от немецко-фашистских захватчиков».

Почетным членом отряда имени Джона Рида является Сергей Нестерович Мельников. В составе 773-го артиллерийского полка 317-й стрелковой дивизии он участвовал в боях за Венгрию, был ранен в горах Вэртэшхедьешет, награжден медалью «За взятие Будапешта». В альбом включены и страницы его военных дневников. «Пусть дети наши знают правду о тех суровых днях. Зная прошлое, они будут лучше ценить настоящее,— пишет Сергей Нестерович.— У меня мирная профессия. Я учитель, работаю заместителем директора по учебной части в средней школе № 9 города Батайска, Ростовской области. И мне очень хотелось бы, чтобы мои воспитанники никогда не испытывали ужасов войны, чтобы мои дети росли для созидания, чтобы дружба венгерских и советских детей еще больше сближала наши страны».

КОНКУРС ЧИТАТЕЛЕЙ

БРАТСКАЯ ДРУЖБА

TESTVÉRI BARÁTSÁG

ПОСЫЛКА

Шестнадцать лет я работаю педагогом. Несколько лет был директором Дома пионеров в Сомбатхее. Хорошо помню, как мы провели первый месячник венгеро-советской дружбы. Он начался встречей советских и венгерских пионеров. В концерте приняли участие оркестр Дома пионеров, декламаторы и танцоры. Выступали и находившиеся в нашем городе будапештские артисты. Сомбатхейские пионеры исполняли произведения советских авторов на русском языке. Потом наши ребята начали переписываться с советскими школьниками. Не проходило недели, чтобы кто-нибудь из детей не показывал бы мне с гордостью письмо, полученное из Советского Союза. Ребята собирали марки, которые были наклеены на приходивших из Советского Союза нарядных конвертах. Это помогало им знакомиться с географией, историей Советского Союза, узнавать страну, построившую социализм. Особую привлекательность придавало всему этому то, что переписка велась на русском языке. Члены музыкального кружка читали лекции о советской музыке пионерам из литературного кружка, а те, в свою очередь, рассказывали им о советской литературе. Географический кружок сделал

Янош Домонкош.

для гургатомайорской начальной школы карту Советского Союза. Драматический кружок поставил «Молодую гвардию» по роману Фадеева. Авиамоделисты изучали жизнь летчиков — героев Великой Отечественной войны, особенно жизненный путь Маресьева. Когда «Настоящий человек» был в нашей стране, ребята собрали все статьи о нем, выступления самого Маресьева и сделали специальный альбом.

Впоследствии встречи пионеров Венгрии и СССР, начатые по инициативе нашего Дома пионеров, стали проводиться ежегодно. Очень интересными получились выставки, на которых наиболее усердные в переписке ребята показали письма, полученные ими от советских школьников.

За вклад в укрепление венгеро-советской дружбы президиум Общества венгеро-советской дружбы наградил меня почетным дипломом и золотым значком.

Разумеется, я тоже веду обширную переписку с советскими друзьями, храню много дорогих мне писем из Советского Союза. Я несколько раз побывал в стране социализма. От этих посещений у меня осталось много прекрасных воспоминаний.

Сейчас я преподаю венгерский язык и историю. Веду литературный театр. В честь годовщины Великой Октябрьской социалистической революции мои ученики с успехом показали «Главную улицу» Демьяна Бедного.

Свои связи с пионерами я не порываю. В свободное время хожу в детский клуб Дома культуры имени Дюлы Дерковича. Ежегодно детский клуб организует встречи венгерских и советских пионеров. Особенно удалась встреча зимой этого года. Она была посвящена полувековому юбилею Великой Октябрьской социалистической революции. Советские и венгерские пионеры подготовили интересные программы. Ребята играли, беседовали, обменивались значками. Звено имени Терешковой записало советских пионеров в свой отряд.

Воспитание молодежи в духе дружбы наших народов, под знаком любви к Советскому Союзу является почетной и воодушевляющей задачей для нас, педагогов.

Д-р Янош ДОМОНКОШ.
Сомбатхей.

Вместе с этим письмом в редакцию прибыла большая посылка. Когда мы ее открыли, из конвертов посыпались значки, письма, открытки, фотографии. Наши друзья из венгерского города Сомбатхея прислали на конкурс часть своей коллекции. Чувствуется, что все это собрано с большой любовью. Каждый экспонат этой коллекции, каждое письмо из Советского Союза, которое берегут как память о близком друге,— маленькое, но искреннее свидетельство крепкой дружбы, связывающей Венгрию и Советский Союз.

В ОДНОМ СТРОЮ

В 1944 году меня во главе десантного отряда выбросили на территорию Чехословакии. Вскоре наш отряд развернулся в крупное партизанское соединение. Когда войска Советской Армии завершили окружение Будапешта, соединение располагалось южнее чехословацкого города Брезно. Разведчики сообщили, что немцы выводят от Лученца через Зволен и Брезно на запад части венгерских войск. Мы приняли решение сорвать эту операцию. Срочно выделили специальные группы, в состав которых вошли партизаны, знающие венгерский язык. Группы возглавили: десантник венгр Эрнст Вайс, словаки Александр Шимко, Кляйн, бывший венгерский пограничник, перешедший еще осенью на нашу сторону, Франц Иосиф. Группам были вручены листовки на венгерском языке с призывом к солдатам армии Салаши переходить на сторону партизан или просто уходить в горы. Такие же листовки мы дали руководителям словацкого коммунистического подполья Горегронья — Яну Демьяну и Ондрею Клокочу с тем, чтобы их подпольщики распространили на пути отхода венгерских солдат.

Группы партизан вышли на перехват колонн венгров. Вскоре из района Цинобани они привели в штаб первые десятки венгерских солдат из рабочего батальона. Многие из них сами изъявили желание идти агитировать своих земляков. Число агитгрупп росло. Мы смогли расставить их во многих пунктах на пути следования венгерских войск.

Уже несколько сот венгров было собрано в горах Словенского Рудогорья. Штаб приступил к формированию венгерской партизанской бригады. Ее возглавил опытный десантник венгр Эрнст Вайс, комиссаром был назначен Александр Шимко. Вскоре венгерская бригада приняла участие в крупных боях на подступах к Черному Балогу и Брезно. В этих боевых операциях особенно отличились братья Кун, Шимко, Веспреми.

После войны Ференц Кун закончил Ленинградский университет, защитил диссертацию и сейчас в Будапеште преподает марксизм-ленинизм; его брат руководит в одном из будапештских районов госпартконтролем; товарищ Веспреми — заместитель председателя Союза бывших партизан в Будапеште.

Дважды после войны ездил я в Будапешт, и самым волнующим событием были встречи с бывшими партизанами нашей венгерской бригады.

Из Будапешта я увез сувенир — статую партизана, сделанную одним из наших друзей и подаренную мне Союзом бывших партизан. Эту скульптуру я передал экспедиционному клубу искателей «Неунывaки». Ежегодно этим символом дружбы награждается лучший отряд «Неунывак».

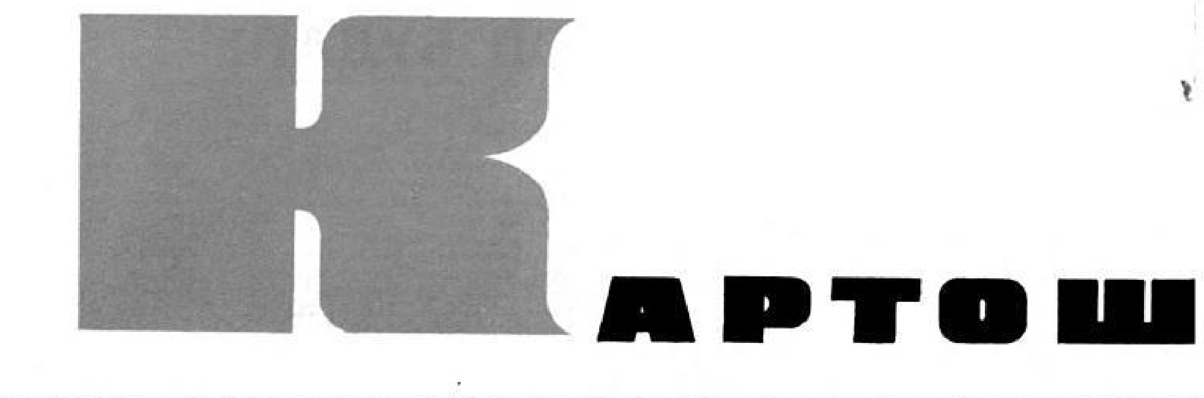
А. САДИЛЕНКО,
бывший командир соединения партизанских бригад Горегронья в Чехословакии.

Липецк.

Родион РЕБАН

Рассказ

Рисунок Л. СМЕХОВА

Матвейка смотрел в окно.

В конце недавно зазеленевшей улицы с петлями подсыхающих тропок верхом на срубе сидел Акиндин и рубил топором угол. До Акиндина было недалеко, глазом все видать, как Акиндин подхватывал топор, заносил и опускал, и — тук, тук — подрагивало оконное стекло, за которым сидел Матвейка.

Угол сруба побрызгивал щепками. Будто Акиндин бил обухом по светлой воде. Рука у него одна, левая, плохо слушалась и мешала другой, бил он не силясь, а с умом, с оттяжкой топора на себя и при этом привставал, как на стременах. Сидеть ему на ветру весело.

— Матюш, ты дорогу на пасеку помнишь? — спросила мать Матвейку. Она стрекотала на машинке, шила сыну новую рубаху.

— Помню,— навострился Матвейка.— А что?

— Да так. Делай уроки.

— Ты послать меня хочешь к деду, да?

Мать на это ничего не ответила.

Вот нет этого, чтобы без всяких послать Матвейку, раз сама не может, раз уж ей так надо каждый день быть на ферме. Дедушка на пасеке один сидит и не знает, что война кончилась. Кто ему там об этом скажет?

— Мамк,— позвал Матвейка.— Я туда дорогу запомнил. А что тут запоминать? И нечего. Надо все время идти вдоль речки, и все. Как дошел до реньки, так все по берегу, по берегу. И все. Правда, мамк?

— Правда, правда.

— Тогда испеки мне две картошки, я их с собой возьму. Дорога-то неблизкая.

— Учи знай. Не перейдешь во второй класс, что мы отцу скажем, когда он домой вернется?

Акиндин врубил топор в бревно, полез в карман за куревом. Он с кем-то разговаривает, тот стоит внизу, задрав голову. Отец Матвейки, возвращаясь с войны домой, тоже вот так остановится у сруба и поговорит с Акиндиным.

«Ну как там,— спросит он,— сын мой Матвей Егорыч перешел, нет во второй класс?

Акиндин долго помолчит — ат зараза, бумага запрела от поту,— потом плюнет с высоты на сторону.

— Не хочу тебя огорчать, Егор Макарыч, а надо...»

И Матвейка думает о себе уже совсем как не о себе, а в третьем лице, со слезами обиды и горечи на этого другого Матвейку...

— А дедушка и не знает, что война кончилась,— подумал он о дедушке. Вслух подумал.

Мать молчала. Крутила ручку старой, ободранной машинки. Машинка стрекотала, стрекотала, стрекотала... Матвейка зевнул.

— Сидит на пасеке и не знает даже, что войны уже целый день как нету.

— Ну-ка,— сказала мать,— прикинь.

Матвейка надел рубаху с белыми швами и повесил голову на грудь.

— Ну какой ты вареный! Руки подними! Повернись!

Мать большими ладонями пригладила на спине прохладную материю, отчего глаза у Матвейки сами собой закрылись, и он привалился к этим рукам. Мать сняла с него рубаху и снова стала стрекотать.

Матвейка дошел до сруба, еще немного прошел и, когда улица стала полем и тропки в ней совсем потерялись, обернулся. Мать по-прежнему стояла на крыльце, она не помахала ему, а просто стояла и смотрела. Матвейка отвернулся и пошел дальше. Ветер с поля дул еще холодный, Матвейка открыл рот и стал его глотать.

На дороге лежала пыль, совсем не тронутая ни ногами, ни колесами, только неожиданный ветер, притаившийся до того неподвижно у дороги и оврага, вскочил спросонок и поднял пыль.

Матвейка похлопал ладошками по новой рубахе и поскорей ушел от этого места, где терпеливо лежал ветер и поджидал прохожих.

Матвейка посмотрел на солнце, чтобы определить время и узнать, успеет ли он до вечера дойти до пасеки, но солнце вспыхнуло у него в глазах, и Матвейка не понял, сколько времени.

Дорогу он помнил хорошо с прошлой осени, когда они с матерью ходили к деду, только тогда меньше было вокруг видно из-за листвы, а теперь видно больше и дальше сквозь леса, и это ему мешало помнить и рождало тревогу.

Впереди Матвейки стояли обветренные горы. Они дрожали, как бы испаряясь, или это дрожала тайга на их склонах, или, может быть, это казалось оттого, что от глаз Матвейки до гор было столько разного воздуху: стоячего и текучего, горячего над пахотой и холодного над разливами.

Он дошел до реки, которую надо было одолеть, а потом идти вдоль нее выше и выше по берегу, к тем местам в горах, где она берет свое начало.

Река была с травяными берегами и с травяным дном, вся зеленая, так что и не сразу приметна была издали.

На берегу травяной реки сидел солдат и студил ноги в воде. Пыльные сапоги его стояли рядом.

Матвейка подошел поближе и увидел серое лицо солдата и на сером лице такие глубокие глаза, что от них до сердца было, наверное, совсем близко. Он их открыл на минуту, чтобы только разглядеть мальчика, и Матвейка увидел в них тепло и медленное биение сердца, какое бывает в бездумном отдыхе. Солдат опять закрыл глаза: они хотели тоже отдыха во тьме.

Матвейка снял ботинки, сел на берег, спустил ноги в воду, встал и пошел по траве, над которой текла вода. Трава и вода были холодные. Снег стаял недавно весь, а в глухих сиверках и распадках еще держался, хотя и там росла трава сквозь снег. Матвейка перешел реку, сел напротив солдата и стал обуваться.

— Ты-то сам куда идешь? — спросил солдат.

— Да тут... Надо сказать одному, что война вчерась кончилась.

— Не заблудишься?

— Еще чего.

— Так ты быстрей иди. А то вон ночь уже прошла, и день идет, а тот все еще думает, что война продолжается. Как же это, так нельзя. Иди скорей.

— Ты тоже иди скорей.

— Ладно, я только маленько еще посижу. Ты иди, не оглядывайся, я сейчас пойду.

— Ну, гляди сам.

Солдат смотрел вслед мальчику и стеснялся остановить его и спросить, не сын ли он будет ему, Егору Макаровичу. Но это было совсем уже невозможно, чтобы сын: не мог же трехлетний ребенок за это время вырасти в мудрого старичка, перед которым он почувствовал робость. Да и не поэтому даже не мог он быть его сыном, а нельзя же так в конце концов, не может быть в мире такой сказки, в мире, где было столько безобразного, никогда не устающего зла, работы смерти. Война убивает в человеке веру в сказку.

После реки с травяным дном Матвейка очутился посреди покатистого простора с сухими дудками, которые не мог повалить снег даже вдвоем с ветром. Дудки со сломанными верхами, полые внутри, осторожно пели на многие голоса. Молодая трава молчала, она была занята работой, чтобы расти, а мертвые дудки жаловались и вспоминали прошлое лето. Возле Матвейки в дудку залетел шершень и стал греметь от возмущения в мертвой темноте.

Матвейка подошел и приладил к дудке ухо, но у него от этого загудело в голове. Он пошел дальше, почесывая ухо.

«Ишь какой,— неодобрительно стал он думать о солдате, студившем ноги в реке.— Сидит, и горюшка ему мало. Он вот о том не подумал, что его ждут. Я своего отца вот как жду! Он, если домой будет идти, нигде не сядет».

Здесь недавно лежал снег, и горячий ветер не мог одолеть его сразу, а выдувал в торосистых сугробах длинные ветвистые колеи, и сейчас эти колеи хорошо угадывались по ручейкам и наносам черной земли. Пахло этой землей очень остро и сильно.

И остро и сильно пахло сырым дымом, мокрыми гнилушками; запах этот приносил в себе незнакомый, нездешний ветер. Так же пахло и сырое облако, спустившееся с гор, где оно долго настаивалось на месте давнего пожара.

У залитых водой лозин Матвейка увидел белую лошадь. Лошадь желтыми губами собирала с лозин забухшие почки и медленно трясла плоской, как доска, головой. Матвейка тоже почувствовал во рту клейкую горечь, но головой не стал трясти, а подумал, что лошадь эта, должно быть, приблудная или задичавшая за зиму вместе с лосями или маралами и, значит, надо ее увести к людям, чтобы люди пахали на ней.

— Эй! — позвал он.— Ты чего тут?

Лошадь кинула к нему голову и дрогнула в его сторону острыми ушами.

«Такая пришибет к черту копытом, и не понюхает потом»,— поостерегся Матвейка.

— Ты, дармоед,— сказал он белой лошади,— люди вон землю пашут, а ты тут без дела гуляешь. Ишь!

Он остановился и стал думать. Без узды ее не взять.

— Серко, Серко, нах, нах, нах,— стал он подзывать лошадь, обманывая ее щепотью, в которой ничего не было.

Лошадь вытянула шею и стала принюхиваться издали. Но от маленького человека совсем ничем не пахло, и лошадь затрясла головой и сухой кожей.

Матвейка снова задумался. Он представил себе, как приведет лошадь в колхоз. У него ладошки зачесались, и в пальцы толкнуло от такой мысли.

«Ну вот что, бабоньки,— скажет он женщинам голосом Акиндина.— Значит, так, хватит надрываться, вот вам лошадь. Ну, правда что некормленая, так вы расстарайтесь уж, бабоньки, ради такого дела...»

Он не заметил, как из-за кустов к нему вышла не то девочка, не то женщина с детским лицом. В руках она держала седло.

— Тебе чего от лошади надо?—строго спросила она.

Женщина-девочка была в широких сапогах, из которых тонкие ноги росли, как из кадки.

— А чего она тут,— сказал Матвейка,— шатается!

КА С МЕДОМ

— Она не шатается. Она вон сколь прошла, пусть отдыхает. А вот ты чего тут шатаешься, в диком месте?

— Я тоже не шатаюсь, я на пасеку иду. На пасеке деда не знает еще, что война кончилась.

Женщина перестала вдруг быть девочкой. Она уронила седло, и тонкие руки ее повисли вдоль тела.

— Ну, чего смотришь? — сказал Матвейка.— Глазищи-то вон выпучила. Разве не веришь?

— А ты правду сказал? — тихо спросила женщина.— Ты не врешь?

— Здрасте,— обиделся Матвейка.— С чего мне врать-то. И не из чего.

Женщина опустилась на седло, сделалась вся маленькая и заплакала. Лошадь крупным, решительным шагом подошла к ней и положила голову на плечо женщины.

Матвейка хотел убежать от женщины, которая посмотрела на него мокрыми глазами; в них полыхнул непонятный огонь смятения и радости, но вместо этого он взмахнул рукой и отпугнул лошадь.

— Ну-ка, дылда такая! — сказал он с укоризной.— Не видишь, душа у человека померзла!

Он еще постоял перед женщиной и пошел помаленьку, догадавшись, что ничем не может помочь человеку, у которого так стремительно начало оттаивать сердце, но он хорошо почувствовал, какая при этом может быть боль.

«Эк ведь как закоченела,— думал он, шагая своей дорогой.— Ну ничего, отойдет».

Он не оглянулся на маленькую женщину и белую лошадь.

Скоро он подумал, что идет по чужому месту и что, куда бы теперь он ни повернул, везде будет такое же незнакомое, чужое место и не выпустит его от себя домой.

Но повернуть ему можно было только назад, потому что перед ним текла широкая мыльная вода и трясла тонкие березки. Осенью никакой такой воды не было, а было высохшее русло ручья, белое от потрескавшегося камня.

Матвейка сел перед мыльной водой на корточки, сцепил на животе пальцы и стал думать. Но думать одному было страшно, хотелось идти поскорей к деду, чтобы он покормил его картошкой с медом, как в прошлую осень.

Вода с переливным звоном шла и шла мимо его глаз, так что хотелось закрыть их теплыми веками.

Матвейка встал и пошел вдоль воды. Сейчас на землю нельзя ложиться и спать на ней долго, а то засыреют кости. Если лежать на весенней земле долго, из тела в нее прорастут корни, и их больно будет после рвать, и всю жизнь будешь болеть желанием врасти в землю и слиться с ней. Это Матвейка знал хорошо, и он не хотел жить с землей и в земле, а хотел жить сам по себе.

Тут он догадался, почему плотник Акиндин сидит на срубах и оттуда разговаривает с людьми, а на земле ходит редко и ходит на ней слабо, почему его и на войну не взяли. Он боится памяти по весенней земле, на которой спал в молодости. И бок у него оттого и рука от того бока хилые, он только цигарку той рукой держит, а топор держит не во всю силу, раз ее нету, этой силы.

А ему там хорошо, наверху, он еще там долго поживет, он еще всех переживет, позавидовал Матвейка. Только бы он не так тосковал по земле и поменьше пил самогон, а то упадет в таком месте, где люди не ходят.

«Надо председателю сказать, чтобы следили за Акиндиным,— решал про себя Матвейка.— Чтоб он не заснул нечаянно где-нибудь. А то теперь нам много новых домов понадобится. Теперь людей много народится, и их не надо будет на войну провожать».

«Нет, не туда я совсем попал»,— увидел он вдруг в страхе.

Перед ним у самой кромки воды стояла черная изба и насмешливо, как бы вовсе из сказки вышедшая на своих курьих ножках, смотрела на него подслеповатыми бельмами окон, омытых теплым туманом от просыхающих стен.

Матвейка опять присел на корточки, чтобы посмотреть, где изба прячет ноги, но увидел между свай только длинные деревья, толпившиеся за избой.

— Ты откуда здесь? — спросил Матвейка

шепотом избу.— Тебя здесь в прошлом году не было.

И он не испугался, а рассердился оттого, что мир получился такой путаный.

Он оглянулся на шаги и увидел объездчика Мастакова. Мастаков вышел к нему из малорослого ельника давно, а Матвейка его не видел, пока был занят своими мыслями. Объездчик нес в руках черную мертвую птицу и ружье и тоже отсюда увидел свой дом, и сразу же дом посветлел окнами и улыбнулся Матвейке и хозяину.

Мастаков с виду был совсем не такой, каким Матвейка представлял себе объездчика. Объездчика он представлял себе большим и тяжелым, немного даже проваливающимся в землю от своей тяжести и силы, а на мир он должен был глядеть лицом красным, в черной бороде, и нож у него кривой на боку. А как Матвейка на Мастакова посмотрел, так сразу увидел, что в слабой груди Мастакова давно живет трудный, большой, мохнатый кашель и ворошится там, мучает изнутри, а Мастаков терпит и не кашляет, но на лице все равно все это видать хорошо, как он терпит и не кашляет, а смотрит на мир добрыми и едкими глазами. Словно он злился оттого, что люди ищут счастье, а сами в этом счастье бредут — иные по грудь, иные по макушку, а иные так и с ручками.

— Ты зачем тут? — спросил он.— Ты кто такой?

— Я никто, я Матвей Егорыч,— сказал Матвейка.

— Ну?

— Я на пасеку к дедушке иду. Он еще не знает, что войны нет, а я, видать, заблудился, раз в прошлом году избы не было, а теперь есть.

— Макар пасечник-то? Ты, что ли, ему внук?

— Дедушка Макар, ага.

— Ну, брат, ты совсем не туда зашел. Тикай обратно до большой воды, а это, брат, не та вода, это приток. Там перебредешь и поднимайся берегом выше, пока не увидишь, как в ту воду другая, чистая пойдет. А там овражком вверх и прямо в пасеку упрёсси.

Матвейка слушал невнимательно; в руках объездчика был, наверное, тетерев — с красной бровью, с красной ягодкой запекшейся кровинки в клюве, а весь он черный, затвердевший, и какой острый прищур и безразличие в затягивающихся тусклой пленкой глазах, а горячее, потное перо его от страстного весеннего напряжения драки и любви успело уже остыть в лиловую окалину. Матвейке очень хотелось притронуться рукой к красной брови и ягодке, к вороненой ее окалине, но Мастаков уже пошел домой, к ожидавшей его избе.

Вдруг Мастаков остановился и бросил на землю и тетерева и ружье и издали посмотрел на Матвейку такими глазами, от которых тому захотелось заслониться рукой. И Матвейка заслонился.

— Ты что там про войну сказал? — спросил Мастаков.— Ты что сказал про войну, а?! Не слышу!

Матвейка и другую руку поднял и заревел.

Мастаков подошел к нему, взял за плечи и крепко тряхнул.

— Не реви,— приказал он.— Ты мужик, а не баба. Верно я говорю?

— Верно,— согласился Матвейка толстым голосом.

— Значит, ты не реви. Это верно, что война совсем кончилась?

Теперь страх в Матвейке сменился гневом.

— А ты не знал? Вчерась кончилась, все теперь знают, ты только один не знаешь. Тоже мужик!

Мастаков выпрямился, размотал на шее шарф и снова замотал его. Он не знал, что делать. Мастаков никогда, наверно, не умел плакать, и теперь накопившееся в нем смятение отразилось на шершавом, побелевшем лице страданием. Ему хотелось сейчас не противиться слабости, раз в жизни поддаться ее зыбкой власти и стать на колени перед мальчиком, но Мастаков смутился такому желанию и отошел.

Он пошел не к дому, а обратно, откуда пришел, в мелкий ельник, откуда, как из зазябших щербатых волн, вырастали березы.

— Дяденька, ты куда? — окликнул его Матвейка.— А ружье?

— Какое ружье? — глянул быстро Мастаков.— А, ружье... Я в Акутьево пойду, там же, может, не знают про это... А? Как ты думаешь? — спрашивал он с быстрым нетерпением.

— Я не знаю,— сробел опять Матвейка.

— Ну вот... Вдруг не знают. Ружье ты снеси в избу. И птицу. Ты ее на пол брось, а дверь закрой. Мне далеко иттить, рысь туда может заглянуть, изба, вишь, на ветру, человечий дух не держит. Ступай! Ступай! Стой... Ну ступай!

И когда Матвейка поднял птицу и ружье и оглянулся, он уже не увидел объездчика, точно того поглотили зеленые волны.

День ли кончался, или воздух так загустел от дышавшей теплой земли, но вокруг Матвейки скоро наступила слабая, дрожащая темнота. Где-то Матвейке показалось, что у него под ногами резвый легкий гром прокатился, но так и не выбрался на свет, пропал, не кинул от горы к горе летучее эхо.

Матвейка дошел до светлой воды, о которой говорил Мастаков, и теперь увидел многое, чего не помнил и что вспомнил теперь, когда увидел.

Он увидел растянутый скат горы, заросший синь-травой, но сейчас вовсе не синей, а молодой, осыпанной как бы легким пеплом; а осенью вся эта гора была нестерпимо синяя вся, текучая теплая эта синь, как размягченная краска, стекала вниз в овраг и волновалась там над султанами степной травы дымным угаром. Он вспомнил и резкий подъем вершины над этим синим полем, и темное обрамление поля в черной тайге, вот он и пришел, вот она и пасека, там, перед резким подъемом.

Однако Матвейка хорошо знал, что до тайги далеко, хоть она и вот она, рукой, кажется, подать.

А уж и темнело как-то очень быстро, хотя Матвейка никак не мог уловить движения темноты.

Прошло какое-то время — и вот уже то, что было вдали и было вполне понятно, стало теперь непонятно и страшно.

Вот только что лес за оврагом был пустой и понятен, а теперь там кто-то есть, и не то деревья стали перебегать с места на место, не то еще кто-то, прячась от Матвейки, ходил от дерева к дереву. А потом там стало так плотно и черно, что прятавшимся стало тесно, и стали они карабкаться из черноты наружу к Матвейке, где еще было малость светло.

Потом и этого света не стало. Вдруг Матвейка натолкнулся на улей и пошатнул его. Внутри улья прошумели потревоженные пчелы. Тогда он увидел впереди, и сбоку, и сзади такие же ульи. Ему стало радостно на душе, и он пошел скорей к домику с привалившейся к горе крышей. Теперь он был не один, и, чтобы еще раз убедиться в этом, он на ходу задел рукой улей, и сразу же ему ответили коротким шумом.

Он не постучался в дверь, а открыл ее внутрь и при свете керосиновой лампы увидел деда, спящего на нарах.

Он постоял над его родным, старым лицом. Его удивило, что дед стал меньше лицом и ростом и как бы помолодел, что-то в нем было сейчас детское, чистое и понятное, словно он устал притворяться взрослым и вернулся к детской простоте.

Матвейка задыхался сначала от быстрой ходьбы, а потом — все больше и больше — от радости, что дед сейчас узнает новость.

Дед дышал ровно и руку держал на груди; теперь у него рука мерзла и тянулась ближе к теплу и осторожному биению сердца. Над ним летели минуты, еще те минуты, военные минуты, и мальчик все больше задыхался от страшной, безобразной несовместимости, неестественности жизни деда в войне, в то время как войны этой уже не было. Это было так страшно, что Матвейка не выдержал больше и в испуге вцепился в деда.

— Дедушка! Не надо, не надо спать, война кончилась! — закричал он, плача.

— Ктой-то? — прямо, колом сел дедушка и дико глянул Матвейке в лицо.— Ты что, зачем!..

— Дедушка, больше не спи! — судорожно кричал Матвейка, стараясь обхватить деда руками и защитить его от чего-то и самому защититься.— Миленький, не надо больше, не на-а-до-о-о...

Дед привлек дрожащую, измученную голову мальчика к своей груди и прижал ее покрепче руками, чтобы успокоить его и свой испуг.

— Кончилась, значит, окаянная? — спросил он и шаркнул рукой по глазам.

Матвейка кивнул ему в грудь. Дед хотел погладить его по голове, но Матвейка уже успокоился и теперь стыдился своей слабости и был сердит.

— Сынок мой, Егор, батька твой... Нету еще? Не вернулся?

— Не. Ты уж захотел сразу. Погоди маленько, не всех сразу, поди, пускают.

— Будем тогда ждать. Дождемси теперь-то уж. Вон сколь ждали. Ужели один пришел?

— А чего, я дорогу помню.

Старик отпустил Матвейку, вышел за дверь и стал там сморкаться.

— Сча-ас мы с тобой, знаешь, печь затопим. Во! — говорил он оттуда и опять сморкался и не шел.— Печь затопим, картовь сварим. С медом картовь будем есть.

И все не шел, не шел. В избе пахло воском, сухим деревом и томившейся под полом землей. На полу стояли берестяные туески с сушеной ягодой, а над головой Матвейки на шестке, связанные в пучок, висели дымари и накомарники.

Дед вошел и бросил у печки дрова.

— Эх, Матвейка, печь мы с тобой затопим, во!

— Ну давай,— сказал Матвейка,— затопим.

— Как там у вас, живы-здоровы? Мать не хворат?

— Некогда ей хворать,— сказал Матвейка.

Он забрался на топчан, где было тепло от дедушкина тела, и стал смотреть, как огонь сначала облизал поленья, потом остервенился и стал пожирать их с урчащим ревом.

— Ты ж, поди, не ел ничего за день,— сказал дед.— Так мы сча-ас. Картовь сварим. В мундире.

— А чего еще ее чистить? — согласился Матвейка.

— Чего ее чистить, помыл — и все.

— Так в ней витаминов даже больше останется. Знаешь витамины?

— Но дак. Без корки-то все кто куда расползутся. Корка-то их держит внутре.

— Но...

Матвейка закрыл глаза и стал ждать так. Ноги его были горячие и тукали.

«Зачем дедушка швейную машину в печку затолкал? — удивился он.— Она там сгореть может. Мама ругаться будет. Надо бы сказать... Ишь, стрекочет».

Старик варил картошку и разговаривал по привычке с картошкой, с огнем и с внуком, и его совсем не удивляло его молчание. Он уже давно привык разговаривать с вещами и не ждать ответа.

Он отлил воду, встряхнул в чугунке вареную картошку и поставил обратно на огонь, чтобы она подсохла и стала под корой рассыпчатая, плотная и сухая, открыл боковушку, куда вели три ступеньки в полуподвал, пошарил там бочки, снял с одной крышку и черпанул ковшом меду.

— Матюш,— позвал он.— Давай картошку с медом поснедаем. Э, брат, заснул!

Он поднял его, посадил за стол и подержал немного голову в руках, чтобы она крепла и не падала больше обратно в сон.

Матвейка посмотрел липкими глазами на дымящуюся картошку, прозрачный мед с соринками поверху и четкими крапинками на дне ковша, но его это уже не волновало.

— Ешь,— приказал дедушка.— Поешь, тогда спать будешь.

Матвейка поколупал картошку, обмакнул ее в мед и стал жевать.

— Ну, теперь ничего,— вздохнул дед.— Теперь хлеба нет, а скоро будет. Ты чего картовь во рту держишь, не ешь?

— Не хочу,— сказал Матвейка набитым ртом.— Я сегодня уморился, у меня живот зажался и не пускает.

— Ну ладно. Тогда завтра.

Матвейка, заплетаясь, дошел до топчана, упал на него, подвернув руку, и моментально заснул.

Старик, поев и постучав палкой угли в печке, фукнул в стекло лампы, лег рядом с мальчиком и, по опрятной прохладе и запаху определив, что на нем обнова, снял с него рубаху.

Матвейка не проснулся при этом.

Валентин ВОЛКОВ

Лирика

* * *

Я порой захожу в мой последний год,
В мой последний глоток дыхания,
И, спиной обращаясь к тому,
Чтó ждет,
Через всю мою жизнь устремляю сознание.

Голубое пространство прожитых лет!
Замираю в нем,
Как в музейном зале.
Хочется тронуть каждый предмет,
В который уже не веришь глазами.

Почуяв морщины,
Мужает дух.
С высот его,
Щурясь провидческим оком,
Учу себя,
Если где-то вдруг
Робею, бросая оружье до срока.
Я жизнь свою вижу во всю длину,
Она — как дорога — передо мною.
Я знаю, что будет, если сверну
У правды ее и пойду стороною.

Хочу не идти,
А лететь вперед,
Чтоб свет увидали мои желания.
Вдруг завтра нагрянет последний год,
Вдруг завтра —
Последний глоток дыхания.

* * *

Восход любви —
Как солнечный восход.
Пока она еще за горизонтом,
Всю душу алым заревом займет,
Неведомое окаймляя золотом.

Когда в короне льющихся лучей
Она взойдет —
Великая!
Святая! —
Все тайны распахнутся перед ней,
Названия и формы обретая.
Ей нет предела.
Ей отказа нет.
Она разбудит мир — и день начнется!
И вместо зарева
Спокойный, теплый свет
По жизни до заката разольется.
Не верьте тучам,
Хлынувшим по ней.
Что тучи?
Соберутся — и растают.
А после них
Лучи ее играют
Еще стремительнее и сильней.

Пробьют часы.
И сумерки опять
Охватят воздух.
И закат начнется...
Но долго будет зарево стоять
Над жизнью, умирающей без солнца.

* * *

Опять светло зазеленели дни.
О музыка облиственного края,
Разлей меня
На все пространства мая
И снова к родине
Живым верни!

Я человека и весну пою.
Когда от счастья
Вспыхнет, как зарница,
Он в кожу не вмещается свою.
Он рад тем счастьем
С миром поделиться.

Как реки — шумом,
Как боры — смолой,
Как птицы — голосом,
Добро — молвою,
Так я хочу повеять над землею,
Хочу повеять над землей
Собою.

Я столько лет в безвестии молчал,
Пока на свет однажды не родился.
Никто успеха мне
Не завещал,
Но все хотели,
Чтобы сам добился.
И я живу в предчувствии его,
Иду к нему сквозь тяжкую усталость.
Глядишь порой —
Готово торжество,
Проснешься —
Ничего и не осталось.

Растерянный, скрываешься в тени,
Построенные корабли сжигая...
Но вдруг опять
Зазеленеют дни
И разольют на все пространство мая.

Желанья вырастают, как во сне.
То в людях я
С их праздниками редкими,
То, словно куст,
Стою, качаясь ветками,
И листья развиваются на мне.
Да, я еще, как маленький росток,
Что красоту свою
Хранит в бутоне.
В какой-то час,
В какой-то верный срок
Он зерна высыплет на чьи-нибудь ладони.

* * *

Листья падают не только осенью,
Листья падают
С самой весны.
...Паутинки тревожной проседи
У тебя на висках видны.

Что так рано?
Какие сети
Победила в пути своем?
Ты в разведку не шла на рассвете.
И, зажмуриваясь от смерти,
В снег не падала под огнем.

Ты не знала войны и голода,
Не теряла в бою родных.
Что ж так рано повяла молодость
На высоких висках твоих?

Притихаешь под взглядом пристальным,
Опадая глазами вдруг,
Улыбаешься,
Шутишь издали,
А сама —
Как натянутый лук.

Так обидны
И так мне дороги
Трудной воли твоей следы.
О, спасибо, что веку пóд ноги
Не сдалась,
Не упала ты!

Он грохочет,
Рыцарь, доспехами,
Он спешит,
Пропотевший, злой.
Столько сбито его успехами,
Столько смешано им
С землей!

Он идет, как завоеватель,
Так,
Что гонит планету в дрожь.
Перед ним
Не выставишь рати
И за Невским послов
Не пошлешь.

Но хочу я звериного мщенья
Тем,
Кто вьется пред ним, как уж.
Перебросилось пламя сраженья
На поля человеческих душ.
Мы бойцы.
От бойцов родились.
Где родились,
Там и сгодились.
И для нас навеки чужой,
Кто без родины за душой.

Ты уходишь,
И мне — в дорогу.
До свиданья!
Спасибо тебе
За большую твою тревогу,
Друг по Родине,
По борьбе.

РУССКАЯ ПЕСНЯ

Сердце горит и немеет в зуде,
Когда предо мною,
Рядом со мной
Люди разных укладов и судеб
Звонко споются в песне одной.

Тихо согласны, как птицы в стае,
В этот глубокий,
Забывный час
Как широко они притихают
Лицами, памятью,
Цветом глаз!

Отгородившись от мира голосом,
Странной вольностью рады они:
Быстрыми белками падают пó лесу,
Чуткой травой холодают в тени.

С Ванькой-ключником
В княжьих палатах
Смотрят сторожкие, сладкие сны.
Плещутся утками на перекатах,
Блещутся рыбами из глубины...

Грубые, нежные, юные, старые,
Все необычно светлы и добры.
О, как сегодня понятнее стали мне
Их неразведанные миры!

Потому что люблю...

«...ПИШИТЕ НАМ, НЕСОГЛАСНЫЕ,— ПОСПОРИМ, И СОГЛАСНЫЕ, ТОЖЕ ПИШИТЕ: ПОДУМАЕМ ВМЕСТЕ О ТОМ, КАК МОЖЕТ ЖИТЬ И КАК ДОЛЖНА ЖИТЬ МОЛОДЕЖЬ В СОВРЕМЕННОЙ ДЕРЕВНЕ».

Так заканчивался репортаж «Потому что люблю...», опубликованный в № 12 «Огонька» за этот год.

И пошли письма, много писем. Мы публикуем некоторые из них. И приглашаем читателей продолжить дискуссию.

Пусть тебя разбудят птицы

Я родился в деревне Карамишкяй, Шакяйского уезда, Литовской ССР. Там пробежала моя молодость. Фармацевтическое образование получил в большом городе Красноярске. Отработал в городе Красноярске три года. Хотя мне предлагали работу по специальности в Красноярске, а также в Вильнюсе, но я поехал в деревню, в небольшую аптеку.

Деревня потянула. Ведь в городе нет той красоты природы, нет свежего воздуха, нет таких птиц, которые бы песней будили тебя по утрам. Нет соловья. Нет аиста, украшающего своим гнездом дома и деревья. В городе нет такого восхода солнца и захода. Разве все перечислишь! Я счастлив, что могу помогать людям, труженикам деревни, хлеборобам. И нет счастливей минуты, когда люди прямо с колхозных полей заходят в аптеку и говорят: «Спасибо, лекарство, которое вы мне приготовили, помогло».

Нет, в деревне я нужнее, чем в городе. В деревне я родился, в деревне и проживу всю жизнь. У нас сейчас хорошо. Есть Дом культуры, каждый день можно смотреть кино. Часто к нам приезжают самодеятельные коллективы из соседних колхозов, часто бывают и профессионалы-артисты из городов. Скучать некогда. Наши ребята-колхозники в Доме культуры вечерами учатся танцевать, репетируют постановки, берут уроки пения.

Часть молодежи учится в вечерней школе, а директор соседнего совхоза И. Римкус в этом году заочно окончил Литовскую сельскохозяйственную академию.

Нет, не скучают в деревне.

Кестутис БАЛЬЧЮНАС,
заведующий аптекой д. Кведарна,
Шилальского района, Литовской ССР

Мы собираемся в дорогу

Мы из «согласных», как вы пишете. Я сама родилась и выросла в городе, а муж — в деревне. После армии он стал горожанином. Я не берусь агитировать убежденных горожан, любящих город, переезжать в деревню.

Знаю, молодежь стремится в город за знаниями, тянет их темп современной жизни. А почему бы этот темп не перенести в деревню? Ведь мы, как матери родной, вскормившей нас своим молоком, обязаны всей жизнью своему родному краю. Любовь ко всей стране — это более широкое понятие. Но кто обижает родной край, бросает его в поисках более легкой жизни, тот и страну обижает. Да к тому же колхозник и рабочий совхоза сейчас, пожалуй, живут материально получше, чем иной горожанин.

Так давайте же, товарищи, те, кто уехал учиться, принесем эти знания и молодые руки туда, где больше всего в них нуждаются. А будет молодежь в деревне, будет и жизнь веселей, и то, чего недостает в деревне, создадим сами.

Нам с мужем по 27 лет. У нас сын. Ему 2 года 7 месяцев. Я по профессии учительница. Муж умеет водить трактор. Мы страстно желаем устроиться на жительство в деревне. О работе мы не беспокоимся. А вот как с жильем да с ребенком быть?

В августе у меня отпуск, а его не отпускают в это время, чтобы нам вместе съездить и там на месте решить нашу проблему. Но во что бы то ни стало мы приведем задуманное в исполнение.

С глубоким уважением к вам
Владимир и Зоя СКОТНИКОВЫ

Как разобраться во всем?

В октябре 1966 года я был призван в армию. До армии некоторое время работал в колхозе, затем ушел из него и стал работать на производстве, работал шофером в автохозяйстве. Работа мне нравилась. Кроме автошколы, я окончил сельское профтехучилище, в общем, механизатор широкого профиля, слесарь. Возникает вопрос: почему же я ушел из колхоза?

Во-первых, из-за низкой оплаты труда. Во-вторых, в страдную пору, да и вообще в колхозе очень часто не бывает выходных. В городе все совсем иначе. Механизатору там работать гораздо легче: теплые гаражи, технические мастерские. В селе зимой очень трудно запустить двигатель на морозе, без вспомогательных средств. Дороги зимой часто заносятся, и километры даются с трудом, с боем.

Было такое время, что молодежь в массовом порядке стала перебираться в город, в настоящее время уже часть молодежи остается в селе. Культура села стала расти, строятся там новые клубы, появилось больше кружков художественной самодеятельности. Заработки колхозников повысились. Благотворное влияние на жизнь колхозов оказал мартовский Пленум ЦК КПСС: повысились закупочные цены на важнейшие сельскохозяйственные культуры.

Все это создало твердый бюджет колхозов. И еще гарантированная оплата.

Что, мне кажется, надо еще сделать в ближайшее время? Механизация погрузо-разгрузочных работ, применение транспортеров при погрузке зерна, создание межколхозных строительных организаций — все это облегчит труд сельских тружеников. Тяжелый труд и длинный рабочий день — одна из причин ухода молодежи из деревни.

В статье ставится вопрос о сменной работе, об уменьшении рабочего дня — тоже очень правильно.

Будет ли все то, о чем я говорю, или нет? Как разобраться во всем? Вот я и думаю, как же мне поступить? Так ли, как поступил Владимир Родин, вернувшийся после воинской службы в колхоз, или же устроиться в городе?

Анатолий ГОЛОВИН

Воспитание с пугалом

Мне не очень-то верится, что таких колхозов, как «Красный маяк», о котором написано в «Огоньке», много у нас.

Приведу в пример свой родной колхоз «Дружба», Сасовского района, Рязанской области. Вся молодежь после окончания школы (у нас восьмилетка) уходит учиться в город. Почему так получается? Думается, что одна из причин — воспитание. Мало кто в деревне думает о воспитании у сельской молодежи любви к земле, к отчему краю. Я знаю родителей некоторых ребят, которые с детского возраста твердят сыновьям: «Если плохо будешь учиться, останешься в колхозе свиней пасти!» Да не только от родителей можно услышать такое! Иногда даже кое-кто из педагогов применяет такой метод подстегивания отстающих. И у юноши или девушки с детских лет создается пренебрежительное отношение к труду в колхозе. Более того, иногда даже запугивают колхозом.

А ведь совсем неплохо было бы, если бы председатель колхоза, скажем, пришел в школу и поговорил с ребятами о сельском хозяйстве, рассказал бы, кто какую пользу может принести селу. А иногда создается такое впечатление, что ребята и не нужны никому на селе.

С сердечным матросским приветом,
старший матрос Иван ГОРЮНОВ

Юр. ЗУБКОВ

Камень на пути ближнего

«...Мы живем в эпоху, глубоко, небывало, всесторонне драматическую,— писал А. М. Горький в начале тридцатых годов,— в эпоху напряженного драматизма процессов разрушения и созидания. Но понимают это только те, кто делает, а мы все еще живем и действуем в окружении солидного количества людей, соблазненных пошлостью безделья, среди зрителей, которые созерцают и наблюдают для того, чтоб критикой ошибок действия оправдать свое бездействие и умилиться невинностью своей, ибо они никого не трогают до поры, пока им не представится возможность безопасно и безответственно подставить ножку ближнему или положить камень на пути его...»

Они живы и сегодня, эти горьковские слова! Живы по отношению к искусству. По отношению к театру и драматургии.

Театр наш с первых же своих шагов утвердил себя как убежденный борец, провозвестник и глашатай нового мира. Не только запечатлевать время, героические деяния народа, но и воспитывать идейную убежденность у зрителя, развивать чувство сердечной связи с народом и временем, с идеалами коммунизма — вот цель, которая освящает полувековую дорогу нашего театрального искусства.

В те же тридцатые годы А. Н. Толстой, выступая на 1-й всесоюзной режиссерской конференции, сравнивал наше искусство с серебряными трубами, которые поют и зовут в наступление: «Всякая сосна своему бору шумит»,— говорит пословица. Трубы поют о том, что в сердце у каждого, поют о самом лучшем и высоком, поют, равняя шаг. Серебряные трубы зовут на высокие дела! В словах этих содержится высокая оценка творений советского театра, воспевающих революцию, социалистическое творчество народа.

Окидывая мысленным взором весь полувековой путь нашего театра, мы обнаруживаем эстафету, бережно передаваемую одними поколениями художников другим, стремление искусства всегда быть на уровне самых передовых идей времени, находя для них образное, художественное воплощение.

Однако знакомство с **сегодняшней** театральной афишей во многом огорчает.

Для того, чтобы пели «серебряные трубы» со сцены, они непременно должны петь в душе художника. Но вот поют ли они — «серебряные трубы» нашего времени — в душе тех художников, которые, не замечая созидательной поступи народа, заняты, по словам Горького, только «критикой ошибок действия»?.. Видя в жизни лишь одни негативные ее стороны,— такие явления, которые мешают людям жить,— эти художники не замечают характеров крупных, значительных, а связывают все свои надежды с людьми, уныло плетущимися по обочине жизни, далекими от дел и интересов общества, строящего коммунизм. Они словно не замечают, что все, что делается в нашем обществе, делается для человека и ради человека, а видят лишь противоречия, которые существуют между некоторыми людьми и обществом, государством. Больше того, всячески раздувают эти противоречия.

Постановка пьесы В. Войновича «Хочу быть честным», осуществленная на сцене Московского драматического театра имени К. С. Станиславского режиссером М. Резниковичем, внешне правдоподобна. Прораб Самохин — его играет Ю. Шерстнев, как и его подруга, врач Клава (Л. Савченко), остро страдают от неправды и несправедливости, и поначалу они кажутся людьми, выхваченными из самой действительности. Театр не скупится на бытовые подробности и краски, создавая галерею разнообразных лиц. Здесь и бездушный начальник участка Силаев (Л. Сатановский), который знает одно — план да показатели, иначе сгорит премия! Ему дела нет до людей, которые потом будут въезжать в недоделанные квартиры!.. Здесь и криводушный, дрожащий перед начальством, всех обманывающий снабженец Богдашкин (И. Козлов). Здесь целая группа рабочих, каждый вроде бы на свой лад, но все на одно лицо: норовят поменьше сделать, побольше получить...

Все эти фигуры, повторяю, внешне вполне достоверны. Но, как ни странно, напоминают они уголовников из пьесы Н. Погодина «Аристократы». Напоминают равнодушием к людям, стремлением «словчить», обмануть ближнего. Только «аристократы» под влиянием труда к концу спектакля изменяли свой внешний и внутренний облик, а про этих вполне можно сказать словами песни: какими были — такими и остались!..

Между правдоподобием и правдой — дистанция большого размера. Известно, что иные люди множеством мелких полуправд, вызывающих доверие, стараются скрыть большую неправду. Так вот и здесь — внешняя бытовая достоверность оборачивается серьезной социальной неправдой.

Суть в самой постановке вопроса. Самохин хочет быть честным. Кто же препятствует? Люди наши, отвечают автор и театр, действительность наша. Сама система взаимоотношений в нашем обществе. Система, якобы основанная на лжи и равнодушии, ибо «сверху», над Самохиным, находятся карьеристы и себялюбцы, а снизу — ловчилы, «леваки», шабашники. И свое стремление «быть честным» Самохин осуществляет ценою... инфаркта. За инфарктом же следуют признание прессы, благодарность от начальства, цветы от подчиненных. И все это должно подтверждать показную, лицемерную мораль, якобы определяющую нравственный облик общества!..

Но почему вдруг сравнительно молодого человека Самохина настигает инфаркт? Больное сердце? Да! Ведь тут такая для него нагрузка! Возмущенный равнодушием рабочих — шабашников и «леваков», Самохин тащит на седьмой этаж тяжеленный баллон с газом: на стройке нет ни подъемных кранов, ни современной строительной техники...

В жизни, в практике строительных организаций есть и недоделки и недостатки. Но возводить их в степень **художественного обобщения** неправомерно, нельзя! Возведенный в степень обобщения частный факт всегда оборачивается грубой неправдой, искажает действительность...

Конфликт человека с современным ему обществом развивается и в ряде других пьес и спектаклей.

В том же Театре имени К. С. Станиславского идет пьеса Л. Зорина «Серафим, или Три главы из жизни Крамольникова», поставленная режиссером Б. Львовым-Анохиным.

До чего же нещадно бьет здесь жизнь милого, незащищенного, чистого чудака, незадачливого фотографа Серафима Крамольникова! Вот он было шпиона поймал, а это, оказывается, его любимый писатель Толстов, чьих детективных романов Серафим начитался! Бросается Серафим спасать ребенка, а вытаскивает из огня куклу. Мечтает о женщине, столичной кинозвезде, а она — увы! — совсем иная, чем он думал, да и любит другого... Это современный Дон Кихот. Таким его и играет молодой актер Г. Бурков. А кроме Серафима, в заштатном городишке нет рыцарей добра и справедливости, как, впрочем, нет их — это явствует из пьесы и спектакля — и за пределами городишка...

В Московском театре имени Ленинского комсомола до недавнего времени шел спектакль «Аттракционы», поставленный Ф. Берманом по киносценариям А. Володина. В первой части представления рассказывалось о молодом, талантливом зубном враче Чеснокове. Приехав в небольшой город, он удаляет зубы без боли. Талант! Классик своего дела! Пациенты от него без ума. Но не спит интриганка Ласточкина,— завидует успехам Чеснокова, строчит кляузы. И вот уже комиссия «сверху» в составе трех громовержцев старается обнаружить криминал в работе Чеснокова. Грозные обвинительные акты предъявляются ему. И меркнет человеческий талант,— торжествуют зависть и равнодушие!.. В центре второй части — Фокусник, тоже талантливый человек, незадачливый и одинокий. И его тоже не понимают люди, смеются над ним... Жестока жизнь, холодна и несправедлива!..

Смотришь один спектакль за другим, и складывается впечатление однотонности, тусклости, бесцветности жизни. Не потому, что тусклы и бесцветны спектакли, что режиссерам и актерам не хватает фантазии, изобретательности. А потому, что такова задача, которую они ставят перед собой.

Звучит на этих спектаклях и

смех. Но смех невеселый, ибо создатели спектаклей уверяют нас, что в жизни господствуют только подлецы, карьеристы, да и сама она, жизнь, состоит преимущественно из недостатков.

Беда здесь опять-таки не в том, что недостатки, существующие в действительности, вытащены на всеобщее обозрение. А в том, что ничего, кроме недостатков, театром не увидено. Ни самое лицо страны, в корне преобразованное за десятилетия, ни люди, которые преобразовали страну.

«Аттракционы», «Серафим» и другие, подобные им пьесы красовались не один сезон. И хоть широкого распространения по театрам страны они не получили, влияние их—как «столичного примера», столичного «эталона» — очевидно.

Во многих театрах пошла пьеса В. Собко «Сохрани мою тайну» («Далекие окна»). Некоторым режиссерам и актерам удалось преодолеть присущий пьесе модный мелодраматизм ситуаций, надуманность коллизий, подчеркнуть светлое начало в жизни и в душах героев. Но в большинстве спектаклей этого не произошло. По сцене мечется одинокая, озлобленная девушка-героиня. Ее детство прошло без отца, она уверена, что отец бросил семью. Она не знает, что этот человек, отец ее — герой войны. Потеряв на фронте обе руки и обе ноги, он не хочет быть бременем, обузой для близких...

Широко идет пьеса В. Тура «Больше не уходи». Ее тоже населяют люди с несостоявшимися судьбами. За исключением одной пары в этой пьесе нет ни одной благополучной семьи. Лена уходит от Виктора, не найдя в нем романтики. Надя изменяет мужу, ища развлечений. Сергей бежит от Светланы из лихости...

Кто они, герои этих пьес и спектаклей? **Обыкновенные люди.** Но ведь счастье обыкновенного человека, его судьба, его благо и есть средоточие всех помыслов и действий нашего социалистического общества! Рисуя людей подряд несчастными, недовольными, обездоленными, авторы искажают картину жизни, смещают акценты, приглушают краски.

Столь же неверно утверждение, что человек, занимающий в нашем обществе более или менее высокое положение, будто бы достигает этого положения лишь ценой неправды, лицемерия, равнодушия к людям. А ведь подобный взгляд и определяет расстановку сил в иных пьесах и спектаклях.

На сцене театра «Современник» идет пьеса А. Володина «Назначение». И постановщик спектакля О. Ефремов и занятые в спектакле актеры отдали своей работе немало труда и сердечного жара. Постановка звучит искренне, взволнованно. Однако самый замысел автора, его взгляд на действительность таковы, что, чем искреннее, талантливее спектакль, тем более далеким оказывается он от правды жизни, от решения главной своей задачи: воспитывать зрителей в духе коммунистической идейности.

«Сколько на земле горя!..» Эти слова одной из героинь пьесы составляют отправной пункт авторских размышлений... Разные люди собраны автором в канцелярии некоего учреждения, где происходит действие пьесы. Тут снова выросший без отца, ущемленный жизнью Саня; больной и одинокий Егоров; Люба, постоянно мучимая мыслью об изменах мужа; Нюта, сменившая уже не одного любовника... Все они стараются убежать с работы в середине дня для устройства своих личных дел. Старый начальник канцелярии Куропеев, жестко требовавший с подчиненных, получает повышение; его место занимает Лямин, служащий канцелярии, «необщественный человек»,— как он сам про себя говорит. Лямин чуток и добр: он предоставляет своим подчиненным полную свободу действий — хочешь, сиди на работе, хочешь, уходи по личным делам. И вот тогда происходит «чудо»: все с энтузиазмом берутся за дела! Бездарности оказываются талантами. Планы внезапно выполняются и перевыполняются! Вот что значит чуткость, жалость к человеку, говорят автор и театр зрителю. Вот подлинный стиль руководства!

Чуткость к людям — качество действительно необходимое. Но можно ли путать его с жалостью? Видимо, чувствуя шаткость своей позиции, А. Володин заставляет «жестокого» Куропеева воровать чужие мысли: Лямин пишет за Куропеева статьи...

«Назначение» — постановка не новая. Но вот тот же театр и тот же режиссер поставили пьесу В. Розова «Традиционный сбор». И хотя театр проделал значительную работу над текстом, всячески стараясь выявить и подчеркнуть в пьесе что-то светлое, авторская концепция все равно отчетливо просматривается в спектакле. А состоит она в том, что честные и чистые, порядочные люди, такие, как Лидия Белова и Максим Петров, стоят в самом низу общественной «лестницы». Наверху же находятся лицемеры, рутинеры, карьеристы... Вот профессор химии Тараканов; в детстве он у товарищей деньги воровал, а теперь студентов своих не любит, сына не понимает. Зато по вывеске профессор!

Настойчивое повторение «идей», которые определяют смысл таких спектаклей, как «Назначение», «Традиционный сбор», говорит о том, что сами эти идеи для коллектива театра «Современник» отнюдь не случайны. Взгляды на нашу действительность, на важные проблемы развития советского общества у театра противоречивы, а порою просто путаны. Так стоило ли газете «Комсомольская правда», поместившей на своих страницах интервью с О. Ефремовым, безоговорочно соглашаться с теми высокими оценками, которые были даны в интервью направлению и идейному содержанию деятельности театра «Современник»? «Идейность — компас нашего творчества!»; «Мы ни на йоту не отступили от того, с чего начали!»; «Сегодня мы особенно чувствуем себя на переднем крае идеологической борьбы!»... Тут со многим можно поспорить! Далеко не все спектакли подтверждают слова главного режиссера.

«Современник» — талантливый, ищущий коллектив; помочь ему преодолеть идейную нечеткость, укрепиться в тех идеях и чувствах, которые он развивал в своих первых спектаклях: «Продолжение легенды», «Два цвета» — задача критики.

В этой связи не могу не заметить, что наша театральная критика далеко не всегда помогает театрам и драматургам верно оценивать произведения с точки зрения коммунистической идейности, интересов страны и народа. Больше того, иные критики **способствуют утверждению слабых сторон**, неверных тенденций в творчестве. Такую роль сыграл, например, критик А. Анастасьев по отношению к режиссеру А. Эфросу, когда А. Эфрос возглавлял Московский театр имени Ленинского комсомола, критик А. Аникст — в отношении Театра на Таганке... Но это к слову.

Из драматургии и театра сейчас почти полностью ушла тема рабочего класса. Почти не представлена на сцене жизнь современной колхозной деревни. «Суджанские мадонны» Ю. Нагибина и Ц. Солодаря в Московском театре имени Ленинского комсомола остаются исключением. Поверхностно, часто примитивно показывается деятельность людей науки, их творческий поиск. Не получает сценического отражения борьба нашего государства за мир. Иными словами — общественная жизнь народа, его исполинский созидательный труд, великая роль в событиях, развертывающихся на планете, остаются за пределами сценических подмостков, уступая место «чуланным драмам», рождаемым недомолвками и недоразумениями.

Когда театр затрагивает проблемы общественной жизни, он чаще всего оказывается не в состоянии подняться до выражения интересов общегосударственных, общенародных. И здесь не всегда проявляют зрелость политического мышления не только драматурги, но и режиссеры. Ставя «Варшавскую мелодию» Л. Зорина на сцене Театра имени Евг. Вахтангова, Р. Симонов **вступил в спор с автором.** Все свои усилия режиссер направил на создание спектакля о высокой, облагораживающей любви — пусть даже не состоявшейся, но одухотворившей всю дальнейшую жизнь двух людей. Но далеко не везде подобное стремление, подобная идея вдохновляли режиссеров, обратившихся к пьесе.

В Киеве, на сцене Театра имени Леси Украинки, в спектакле, поставленном Э. Митницким, звучит тема «вины» государства перед советским парнем Виктором и польской девушкой Геленой. Самыми сильными, впечатляющими сценами в спектакле оказались те, в которых Геля (роль эту играет актриса А. Роговцева) в бессильной ярости кричит гневные слова, проклиная тех, кто разлучил ее с любимым.

В спектакле, идущем на сцене Горьковского театра драмы (режиссер В. Самойлов), наблюдаем процесс постепенного нравственного «распада» героев, особенно Виктора, которого В. Самойлов с самого начала представляет человеком легким, поверхностным в отличие от глубокой и содержательной Гели. Распад порожден все теми же принципами и обстоятельствами—государственного, общественного характера...

Верностью интернационалистскому долгу Советский Союз утвердил свой авторитет в глазах трудящихся всего мира. Так можно ли, берясь за столь ответственную и острую тему, решать ее в отрыве от конкретных исторических обстоятельств, забывая, что не кто другой, а именно наша армия, наши солдаты защитили Родину от фашистского нашествия, спасли жизни и судьбы миллионов людей.

Забвение важнейших тем жизни народа привело к тому, что личности, неспособные к активному патриотическому, общественному деянию, потеснили на сцене подлинного героя наших дней. Героя в горьковском понимании этого слова. В качестве основного критерия человеческой ценности авторы некоторых пьес и спектаклей утверждают некую отвлеченную «порядочность», независимую якобы от той пользы, которую человек приносит обществу и государству. Такой человек замкнут в круге узколичных переживаний, лишен связей с обществом и государством, а порой противопоставляет себя и обществу и государству... Думая о людях, подобных Чеснокову и Фокуснику из «Аттракционов», Серафиму из одноименной пьесы, невольно вспоминаешь Бориса Волгина из пьесы А. Афиногенова «Чудак». Какие же они разные, эти «чудаки» — тогдашние и теперешние! Энтузиаст социалистической стройки Волгин не хныкал и не жаловался. Он знал, что борьба за новую жизнь может требовать от него жертв, и шел на них сознательно и добровольно... Нынешние чудаки — мелковатые люди, они совсем иной породы. Особенно ясно дает себя знать это измельчание — как и самый конфликт «чудака» с обществом — в пьесе Э. Радзинского «Обольститель Колобашкин», поставленной в Московском драматическом театре А. Эфросом.

Современный «чудак» — вот это и есть «обольститель Колобашкин». Это он врывается в тихую обитель молодого ученого-археолога Ивчикова, вытаскивает его из пыльного кабинета, дарит ему встречу с женщиной, любовь, полеты на кибернетической машине времени... Но ничего не нужно бескрылому мещанину Ивчикову! Тем более что он и в «прошлых временах» встречает таких же, как он, обывателей.

Жизнь, однако, такова, что блаженствуют на свете Ивчиковы и другие, такие, как он. А яркий, дерзкий Колобашкин в финале вынужден торговать мороженым да фотографировать отдыхающих.

Пьеса написана автором и поставлена театром как злая, несправедливая пародия на наше общество, на нашу современную действительность, насмешка и издевательство над ними. И такой спектакль значился на московской, **столичной** афише!..

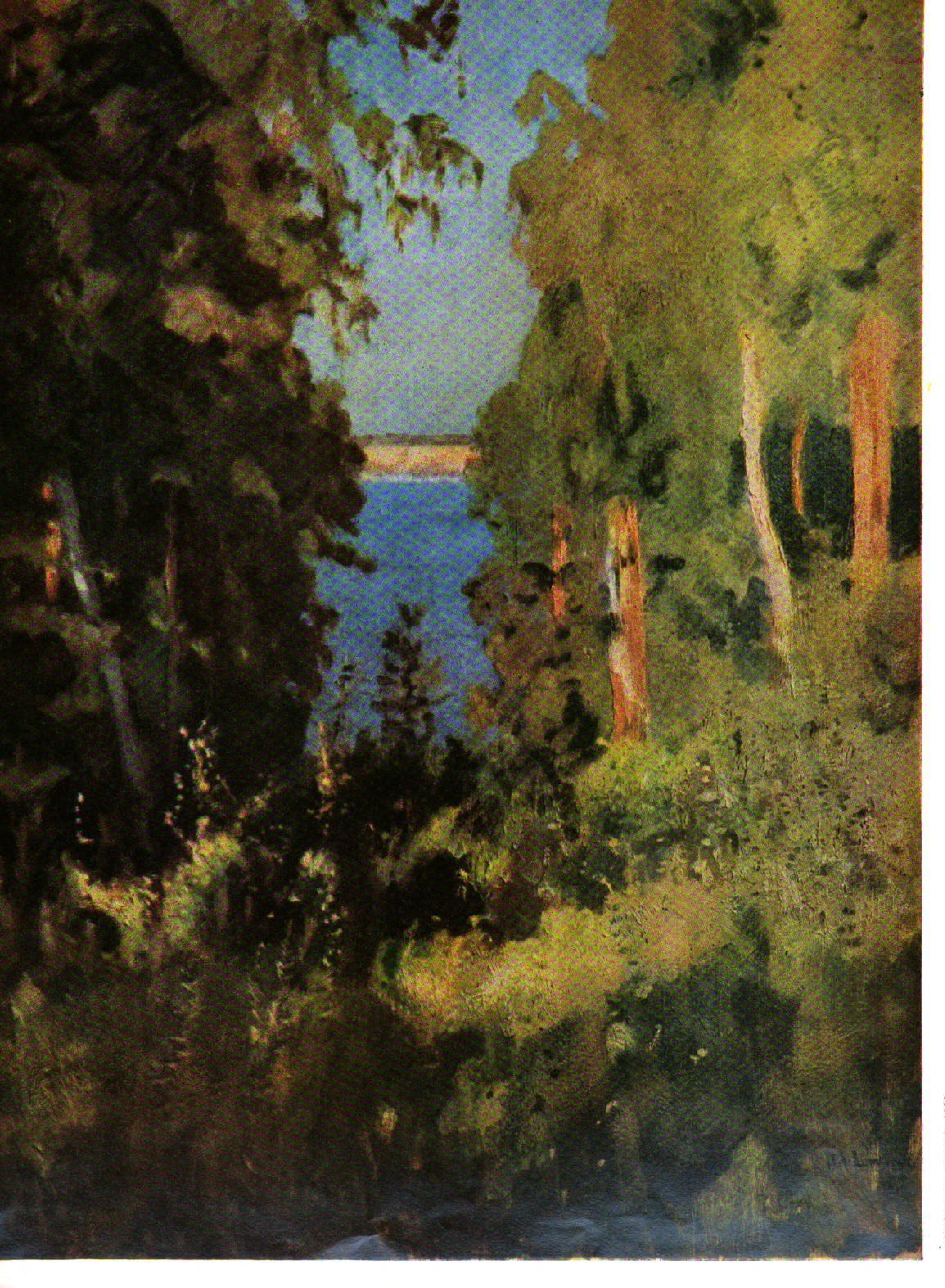
...Наша драматургия, наш театр ярко запечатлели победоносный путь народа, встретив многими талантливыми пьесами и спектаклями о революции, о замечательных свершениях страны полувековой юбилей Советского государства.

К сожалению, далеко не всегда можно это сказать о пьесах и спектаклях, посвященных современности.

Верно заметил выдающийся общественный деятель, замечательный советский писатель Александр Корнейчук, что очень важно, чтобы и на праздниках народа и в обычные дни звучал на сцене и в зрительном зале веселый, радостный смех! Нам есть чему радоваться! И над нашими недостатками мы можем весело смеяться! Потому что мы били и бьем эти недостатки с позиции завоеванных страною и народом высот. **С позиции нашего завтрашнего дня.**

И. Левитан. ЛУННАЯ НОЧЬ. ДЕРЕВНЯ. 1897.

РАННЯЯ ВЕСНА. 1898.

И. Левитан. ОВРАГ. 1898.

В 1960 году Вторая конференция солидарности народов Азии и Африки, проходившая в Конакри, объявила 26 июня Днем международной солидарности с народами Южной Африки.

Все прогрессивные люди присоединяются сегодня к требованиям «Хартии свободы», принятой Африканским национальным конгрессом: ликвидировать расизм и расовые привилегии, возвратить земли их владельцам, вернуть народу Южной Африки награбленные богатства!

В связи с Днем свободы Южной Африки мы попросили выступить одного из советских африканистов В. Г. Солодовникова, юриста-международника Ф. И. Кожевникова, члена Африканского национального конгресса Южной Африки Сипо Макана и ответственного секретаря Советского комитета солидарности стран Азии и Африки А. С. Дзасохова.

ПОЗОР РАСИЗМУ!

В. Г. СОЛОДОВНИКОВ,
член-корреспондент АН СССР, директор Института Африки АН СССР, член Советского комитета защиты мира

ВОПРОС. Как вы расцениваете значение борьбы за свободу южноафриканского народа?

ОТВЕТ. До тех пор, пока Южная Африка не свободна — а под ней надо понимать не только Южно-Африканскую Республику, а весь расистский и колониальный юг, включая Родезию, португальские колонии Мозамбик и Анголу и Юго-Западную Африку, захваченную ЮАР,— до тех пор нельзя говорить о полностью свободной Африке. Ибо этот юг представляет собой опасность для всего континента. Южноафриканский блок расистов и колонизаторов, который весьма справедливо назван «союзом нечестивых», ведет экономическую экспансию в соседних странах — Малави, Лесото. Но этот блок опасен и в военном отношении. Об этом хорошо знают народы, ведущие вооруженную борьбу с угнетателями. Причина живучести расизма и колониализма на юге Африки известна: помощь со стороны империалистических держав. Они поддерживают активные торговые, экономические и политические отношения с расистскими правителями этого района, вкладывают туда огромные капиталы. Удар по расистам ЮАР — удар по всей империалистической системе. Вот почему борьба за свободу народов в ЮАР — в политическом плане проблема номер один для всей Африки.

ВОПРОС. Расистскую политику ЮАР называют апартеидом. Что означает это слово?

ОТВЕТ. Апартеид по-английски означает «разделение». Политика и практика правительства Претории основываются на разделении рас. Исходя из этого положения, коренное население переводится в особые территории — бантустаны, своего рода концентрационные лагеря. Но экономика ЮАР не может существовать без африканской рабочей силы. Получается так: жить африканцы должны на отдельных территориях, а работать могут там же, где белые. Приезжая на работу на территорию белых, африканцы лишаются даже тех куцых политических прав, которые они имеют дома. Так коренные жители Южной Африки стали иностранцами на собственной родине.

Профессор Ф. И. КОЖЕВНИКОВ,
заслуженный деятель науки, член Советского комитета защиты мира

Несколько дней назад весь прогрессивный мир отметил День свободы Южной Африки, выражая тем самым свою солидарность с национально-освободительным движением в ЮАР. Жестокие репрессии и неслыханное глумление над элементарными человеческими правами коренного населения возведены в Претории в ранг государственной политики. Налицо омерзительное попрание общепризнанных принципов и норм современного международного права, нашедших свое подтверждение в многочисленных международных актах.

Под влиянием идей Великого Октября, борьбы Советского Союза и других социалистических стран Устав ООН торжественно провозгласил требование уважать права человека и основные свободы для всех, без различия расы, пола, языка и религии.

Этот международно-правовой принцип был подтвержден 10 декабря 1948 года во Всеобщей декларации прав человека, двадцатилетие которой отмечается ныне всем прогрессивным человечеством. Решением Генеральной Ассамблеи ООН 1968 год объявлен Международным годом прав человека.

Принципы Всеобщей декларации прав человека получили затем свое дальнейшее развитие в ряде специальных международных конвенций, в частности о предупреждении преступления геноцида и наказании за него, об упразднении рабства, работорговли и институтов и обычаев, сходных с рабством. Особое значение имеет историческая декларация о предоставлении независимости колониальным странам и народам 1960 года. Необходимо отметить затем конвенцию о ликвидации всех форм расовой дискриминации, принятую в 1965 году, а также пакт о гражданских и политических правах и пакт об экономических, социальных и культурных правах. В настоящее время эти пакты 1966 года уже подписаны многими государствами, в том числе СССР.

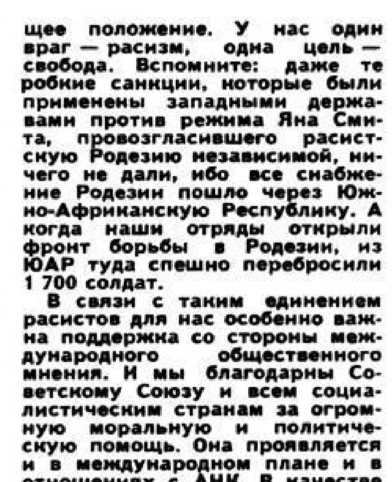
Эти международные документы создают ныне прочную политическую, моральную и юридическую основу для того, чтобы основные права и свободы человека соблюдались всеми без исключения государствами. Но ЮАР, этот «всеафриканский жандарм», держится на ногах лишь благодаря той преступной поддержке, которую оказывают ему империалисты США, Англии, ФРГ и их сообщники.

Однако всем империалистическим агрессорам необходимо еще раз напомнить: времена теперь не те. Злодеяния против человечности не могут оставаться безнаказанными. Высокие принципы гуманизма, демократии, права и справедливости восторжествуют! А виновные в преступных действиях против основных прав и свобод человека, против международного мира будут привлечены к суду мировой общественности и пригвождены навечно к позорному столбу!

Сипо МАКАНА,
член Африканского национального конгресса Южной Африки

У коренного населения нашей страны есть только одна организация — Африканский национальный конгресс Южной Африки, основанный еще в 1912 году. В то время конгресс защищал права цветного населения, исходя из доктрины ненасилия. Мы и сейчас предпочли бы отстаивать свои взгляды мирным путем. Но с 1960 года АНК был запрещен южноафриканскими властями. Наша организация перешла в подполье. У народа не осталось ни одной легальной партии или организации, защищающей его интересы. Поэтому мы решили готовиться к вооруженной борьбе. Вместе с патриотической организацией Зимбабве мы уже начали вооруженную борьбу против расистов Родезии. Ведь у африканцев Родезии и ЮАР общее положение.

У нас один враг — расизм, одна цель — свобода. Вспомните: даже те робкие санкции, которые были применены западными державами против режима Яна Смита, провозгласившего расистскую Родезию независимой, ничего не дали, ибо все снабжение Родезии пошло через Южно-Африканскую Республику. А когда наши отряды открыли фронт борьбы в Родезии, из ЮАР туда спешно перебросили 1 700 солдат.

В связи с таким единением расистов для нас особенно важна поддержка со стороны международного общественного мнения. И мы благодарны Советскому Союзу и всем социалистическим странам за огромную моральную и политическую помощь. Она проявляется и в международном плане и в отношениях с АНК. В качестве примера я могу сказать, что всего несколько дней назад я защитил диплом экономиста в Московском государственном университете. Надеюсь, что смогу отдать свои знания своему народу.

А. С. ДЗАСОХОВ,
ответственный секретарь Советского комитета солидарности стран Азии и Африки

В этом году советская общественность широко отметила День свободы Южной Африки — символ международной солидарности с патриотическими устремлениями и героической борьбой южноафриканского народа против расизма, против апартеида. Борьба народов Южной Африки, которую вот уже многие годы возглавляет ее испытанный авангард — Африканский национальный конгресс,— знает много славных страниц. Патриоты ведут ее в особо суровых условиях разгула расизма в социальной, экономической, культурной, не говоря уже о политической жизни общества. За последние десять лет исключительно по расистским обвинениям подверглись преследованиям четыре миллиона африканцев. В настоящее время две тысячи пятьсот лучших сынов южноафриканского народа, избравших путь борьбы, находятся в заключении.

Для советских людей дело помощи патриотам Южной Африки не однодневная кампания. Советский Союз помогает патриотам, с оружием в руках сражающимся в португальских колониях, в Родезии, в Юго-Западной Африке. Волна митингов прошла в нашей стране в связи с судебным преследованием лидеров АНК — Уолтера Сисулу, Нельсона Манделы, Раймонда Млаба и других. Советский комитет солидарности оказывает помощь Африканскому национальному конгрессу, направляя в его адрес продовольствие, медикаменты. Десятки молодых людей южноафриканцев учатся в СССР.

Советский комитет солидарности активно поддерживает идею дальнейшей консолидации мирового общественного мнения вокруг проблемы расизма, апартеида и выступает за проведение в этом году широкой международной конференции, которая, по нашему мнению, явилась бы новой вехой борьбы с политикой расизма — частью политики и идеологии империализма.

НЕУТРАЧЕННЫЕ СЛОВА

К 60-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ БОРИСА ГОРБАТОВА

Устами комсомольца Сергея комсомолец Борис Горбатов провозгласил в романе «Мое поколение» своеобразную декларацию молодого советского человека и заявил, что главное для него труд, что он готов работать любую работу, так как «в каждой из них своя прелесть, своя поэзия, свое счастье».

Природа наделила его незаурядным умом, художническим зрением, чуткой душой, неукротимой волей. Возмужал он в том возрасте, когда иные из его сверстников пребывают обычно в школярском бездумии. В свои 14 лет Борис Горбатов стал профессиональным журналистом-непоседой, сотрудником рабочей газеты с приятным его слуху названием «Кочегарка». В неполные 16 лет он один из организаторов донбасского литературного союза «Забой», в двадцать — автор повести «Ячейка», взбудоражившей умы советской молодежи и давшей автору доброе писательское имя.

Друзья Бориса Горбатова никогда не видели его в состоянии покоя или самодовольства, он вечно куда-то стремился, боялся отстать от своего времени и нередко принимал, как казалось другим, неожиданные решения. Семнадцатилетний юноша, избранный в секретари Всероссийской ассоциации пролетарских писателей, он вдруг слагает с себя лестные для многих литераторов полномочия и торопится в Краматорск. Тут он поступает на завод подмастерьем, а по ночам при тусклом свете лампешки сочиняет на чердаке книгу о многотрудной жизни шахтерской молодежи.

Став позже корреспондентом «Правды» и не без основания прослыв среди журналистов знатоком индустрии и рабочего быта, он, только что возвратившийся из поездки не то в Донбасс, не то на Урал, как говорится, с ходу устремляется в дальний северный перелет и остается в полярных снегах на зимовку.

Край «белого безмолвия», своеобразный быт обитателей северной фактории навевают Горбатову величавые романтические образы в духе Джека Лондона; не терпевший в жизни шаблона, неизменно чураясь истоптанных литературных большаков, он создает свою прекрасную «Обыкновенную Арктику», уже самим ее названием показывая, что советские люди пришли на далекий Север не в поисках романтики и наживы, а для того, чтобы основательно его обжить, сделать более гостеприимным, а ледовые пути и недра обратить на пользу человека.

На зимовке Борис Леонтьевич никогда не терял присутствия духа, исполнял любую тяжелую работу, в часы досуга выпускал листок «Подзатыльник» и в то же время продолжал лелеять свою излюбленную мечту о том, какую прекрасную книгу напишет не об Арктике, а о Донбассе, родной, милой земле, давно обжитой, обильно политой рабочей кровью и потом и любовно преображаемой трудом человека.

Его звал и привораживал родной край, ему хотелось поэтизировать труд шахтера, строителя, инженера, а жизнь предписывала ему иные обязанности и маршруты. Приходилось откладывать рукопись о Донбассе в сторону, надевать солдатскую шинель и уходить на фронт — то в снега Карельского перешейка, то в опаленные войной Приднепровские степи, донецкие города и поселки...

Он взывал к отмщению извергам, погубившим в дьявольских печах Майданека миллионы жизней. Став депутатом Верховного Совета РСФСР, он в Москве — доброволец-ходатай по делам разоренного немецким нашествием Брянского края.

И все-таки мечта писателя осуществилась. Он создал роман «Донбасс», который мнением читателей был справедливо выделен как бесспорная удача писателя, совершенно новое самобытное слово о рабочем классе.

Этот роман Борис Леонтьевич, будучи уже лауреатом Государственной премии, писал с большим напряжением, безжалостно отвергая целые главы, переписывая каждую страницу по многу раз, не давая себе ни малейшей поблажки, а когда встала на очередь работа над вторым томом романа, он еще более усложнил его сюжет, раздвинул хронологические рамки повествования. Его требовательности к самому себе уже не стало предела, его романтические мальчишки из дремотного украинского села, приехавшие когда-то в Донбасс в чаянии легкой славы, успели пройти за минувшие с той поры годы сложный, порой мучительный путь, и он теперь тревожился, как бы не измельчились их души, как бы не погас в них священный пламень трудового подвижничества, как бы не смалодушничали они в жестоких бурях, не сплоховали перед самым трудным испытанием — испытанием славой. И с отеческой озабоченностью примерял к ним то одну профессию, то другую, подыскивал, прослеживал, выверял, выправлял возможные их судьбы. За поступки своих героев он тревожился еще и потому, что жизненные биографии кое-кого из них напоминали ему его собственную жизнь, полную и светлых мечтаний, и творческих побед, и мучительных раздумий. Воинствующе честный на протяжении всей предыдущей своей жизни, он в эту пору все философичнее вглядывался в облик мятежного века, не выносил ни малейшей фальши и требовал от писателей, художников, артистов и от себя прежде всего правды, только правды.

Незадолго до его кончины я, беседуя у него дома на Беговой улице в Москве, спросил, по-прежнему ли самой удачной из своих книг он считает «Обыкновенную Арктику». Ведь после той книги написаны и проникнутые духом национального достоинства и свободы «Непокоренные», и тревожные,–точно зов военной трубы, «Письма товарищу», и, наконец, превосходная книга — роман «Донбасс». Борис Леонтьевич задумался, помолчал с минуту, потом сказал без малейшей рисовки:

— Я все свое считаю недоделанным.

К счастью, судьбы книг не зависят от того, что думали или говорили о них сами писатели. Честный голос Бориса Горбатова не затерялся в гуле уходящего времени, не потускнело, не утратило своей силы его животворное слово.

Алексей ИОНОВ

ПРОДОЛЖЕНИЕ РАЗГОВОРА

МЫТАРСТВА ШАРИКОВОЙ РУЧКИ

«Пишу вам карандашом не потому, что так лучше. Не нашел шариковой ручки в магазинах нашего города»,— откликнулся на статью «Мытарства шариковой ручки» («Огонек» № 16, 1968 год) один из наших томских читателей.

Среди полученных откликов есть несколько писем от работников торговли. Им в первую очередь приходится принимать претензии тех, кто не смог приобрести в том или ином магазине хорошую авторучку. «Министерство торговли СССР рассмотрело статью «Мытарства шариковой ручки» и отмечает, что в ней правильно поставлены вопросы, связанные с увеличением объема производства шариковых ручек, расширением ассортимента и улучшением их качества, а также необходимостью специализации производства». Это строки из письма заместителя министра торговли СССР С. Семичева. Министерство торговли СССР, как и Министерство торговли РСФСР, заинтересованно рассмотрело выступление журнала и сообщает, что делается для более четкой торговли этими товарами. С интересным вопросом обращается в редакцию заместитель министра торговли РСФСР С. Саруханов: «Спрос на шариковые ручки повысился, а промышленность не удовлетворяет заявки на них торговых организаций. Но необходимо заметить, что не менее остра в настоящее время также проблема перьевой автоматической ручки. Особенно мало производится перьевых авторучек для школьников, причем именно эти авторучки особо невысокого качества. Автоматическая ручка с хорошим, упроченным иридием пером может служить много лет. К сожалению, школьные авторучки вечными назвать никак нельзя. Изготовляемые сейчас перья для авторучек недолговечны, плохо скользят по бумаге, дают неравномерную линию. Пластические массы, применяемые для изготовления перьевых авторучек, однообразны, тусклой расцветки и повышенной хрупкости».

Позволим себе прервать письмо тов. Саруханова, чтобы процитировать строки из ответа редакции заместителя министра химической промышленности СССР В. Юницкого. Вот что он, в частности, пишет: «Пишущая паста для предприятий Главоргтехники выпускается в соответствии с согласованными техническими условиями, в том числе и по оттенкам цветов. Поставки пластмасс для шариковых авторучек со второго полугодия 1967 года осуществляются по плану, предусматривающему выпуск пластмасс различных цветов по эталонным образцам, которые утверждаются в НИИ технической эстетики».

Как это согласовать с сообщениями министерств торговли? Но вернемся снова к письму тов. Саруханова. Он бьет тревогу и по такому поводу — чернила: «На многих предприятиях они все еще изготовляются по разной рецептуре и технологии, качество чернил низкое, они содержат повышенный процент сухого остатка и примеси, приводящие к быстрой порче авторучек.

Все это серьезно волнует Министерство торговли РСФСР, и мы неоднократно ставили вопросы перед соответствующими министерствами и предприятиями об увеличении выпуска шариковых и перьевых авторучек, стальных перьев, о резком улучшении качества товаров».

О шариках для авторучек сообщает нам начальник главного управления по производству подшипников Министерства автомобильной промышленности СССР П. Подложенов. Министерство обязано обеспечить изготовление и поставку шариков из нержавеющей стали диаметром 1 миллиметр 1-й степени точности. Подготовка к выпуску таких шариков завершена, пишет тов. Подложенов.

Обстоятельное письмо редакция получила из Ленинграда, от главного инженера специального конструкторско-технологического бюро автоматических ручек А. Федулова. С огорчением замечает он: «Спрос рождает предложение. И не случайно сегодня около 50 предприятий «пекут» шариковые ручки. Созданный при Главоргтехнике производственно - технический совет рассмотрел модели более 250 авторучек (и шариковых и перьевых) и выпуск около 100 из них был вынужден запретить».

Автор указывает, что Министерство просвещения планирует с 1970 года перейти во всех классах школ на пользование шариковыми ручками,— это, конечно, еще более повышает требования к ним. Между тем нет пластмасс ярких, сочных тонов с высокими прочностными характеристиками (это тоже комментарий к письму тов. Юницкого), нет в достатке шариков для ампул большого объема, все еще плоха паста. Предприятия — поставщики этих материалов пока пребывают все в той же позиции.

Тов. Федулов затрагивает еще одну сторону проблемы: недостаточна существующая конструкторско - исследовательская база, слабо поставлено художественное конструирование. Ведущие художественно-конструкторские организации, сделав попытку разработать новые авторучки и не получив в короткие сроки удовлетворительных результатов, от дальнейших работ отказались.

Специалистов по авторучкам не готовит ни одно учебное заведение. Ленинградское конструкторско-технологическое бюро создано три года назад, но мытарства «организационного периода» еще не прекратились.

* * *

Как видно из публикуемых здесь писем, взгляд на одну и ту же проблему различен в разных ведомствах. Может, есть смысл собраться вместе работникам предприятий и торговли, химикам и представителям автомобильной промышленности, собраться на большой совет, который помог бы маленькой шариковой ручке?

ЗА ШИРМОЙ СИОНИЗМА

Юрий СЕРГЕЕВ

В Израиле крупным тиражом издается иллюстрированный журнал «Хаолам Хазе». Его покупают по разным мотивам: одних интересуют статьи, других — регулярно публикуемые фотографии обнаженных девиц.

26 ноября 1966 года, к немому ужасу израильских правителей, жалующих этот журнал за упомянутые фоторепортажи, «Хаолам Хазе» поместил материал под заголовком «Опасность войны! Американцы требуют атаковать Сирию». За шесть месяцев до военной авантюры Израиля журнал «Хаолам Хазе» в чеканно четких выражениях рассказывал об истинных ее причинах.

«Израильское правительство намерено превратиться в лакействующего сателлита иностранной державы. Эта иностранная держава требует от правительства действий, целиком противоречащих национальным интересам страны... Попытка переворота в Сирии провалилась. Это была последняя попытка ЦРУ США «спасти» сирийское государство от того, что ЦРУ квалифицирует как первый шаг по пути превращения Сирии в народную республику в рамках советского блока... Если бы в Сирии победила контрреволюция, не было бы необходимости использовать Израиль. Но после провала предпринятой попытки США сделали ставку на интервенцию извне. Выбор пал исключительно на Израиль».

Из-за откровенно буржуазной природы «Хаолам Хазе» израильские власти при всем желании не могли охарактеризовать его выступление как «коммунистическую пропаганду»... Даже для вымуштрованной просионистской части израильской общественности сложно было бы в этом вопросе свести концы с концами. Поэтому дело с публикацией «Хаолам Хазе» постарались замять и одновременно увеличить средства на пропаганду фальшивых оправданий агрессии, продолжающейся по сей день.

В материале, опубликованном «Хаолам Хазе», есть лишь одна неточность: израильские правящие круги, независимо от перетасовок в правительстве, уже давно являются «лакействующими сателлитами иностранной державы» — США. Этот статут израильской верхушки определяется ее положением младшего партнера в международной сионистской корпорации, базирующейся в Нью-Йорке. Старшими партнерами являются финансовые воротилы США и других стран, объединившиеся по так называемому расовому признаку.

Именно эти силы стремятся превратить Израиль в империалистического хищника на Ближнем Востоке и одновременно в инструмент идейного и политического контроля над еврейским населением разных стран, вернее, над той его частью, которая в силу своей отсталости еще способна воспринимать сионистскую ложь.

У сионизма, вопреки всем утверждениям его пропагандистов, нет иной КАПИТАЛЬНОЙ цели, кроме сохранения и укрепления позиций международного империализма. Об этом свидетельствуют не только дела, но и откровенные признания самих сионистских лидеров. Ознакомимся хотя бы с двумя публичными заявлениями виднейших сионистов. Первое принадлежит крупному идеологу сионизма Науму Соколову, который, характеризуя организационное оформление сионизма во Всемирную сионистскую организацию и Еврейский колониальный трест, писал:

«Все великие победы Британии в ее мирных (?) завоеваниях, начинавшиеся с учреждения фонда или треста, явились для сионистов примером. Сесиль Родс, начинавший всего с одного миллиона фунтов стерлингов, создал Родезию, простирающуюся на 750 тысяч кв. миль. Британская компания по освоению Северного Борнео обладала капиталом в 800 тысяч фунтов стерлингов, а сейчас она господствует на территории в 31 тысячу кв. миль. Британская восточноафриканская компания, овладевшая 200 тысячами кв. миль, начинала свою деятельность с той же самой суммы денег, что и учрежденный (сионистский) Еврейский колониальный трест».

Второе высказывание принадлежит секретарю Теодора Герцля — первого президента Всемирной сионистской организации — Якову де Хаасу, который проговорился о другой тщательно маскируемой стороне деятельности международного сионизма.

«Настоящая организация,— заявил он,— не бравирует по поводу и без повода своими действительными возможностями... Великая сила американской сионистской организации заключалась в неисчислимости ее контактов и связей, в доскональной осведомленности о тех, кто распоряжался людскими ресурсами, являвшимися базой этих контактов. Разве у англичан не возникала необходимость заполучить надежного информатора в Одессе, разве им не был нужен в Харбине довереннейший агент? А когда президент Вильсон потребовал в кратчайший срок представить ему обобщенную информацию в тысячу слов, детально излагающую, какие силы стоят за Керенским, пришедшим к власти в России... Все эти услуги обеспечил нью-йоркский (сионистский) центр, не претендуя ни на что, но получая многое — уважение и расположение деятелей, чьи подписи скрепляли великие дела. Тысячи сионистов работали повсюду и служили верно на своих глубоко эшелонированных позициях...»

В духе высказываний Наума Соколова израильские правящие круги продолжают колониальную политику международного сионистского концерна, пытаясь «освоить» оккупированные ими арабские территории. В духе откровений Якова де Хааса международный сионистский центр стремится раскинуть свои агентурные сети по всему миру.

Активизации этих усилий были посвящены недавно два международных «мероприятия», для проведения которых израильские сионистские лидеры любезно предоставили территорию своего государства. Речь идет о конференции миллионеров еврейского происхождения и конгрессе Всемирной сионистской организации. (На первое сборище съехались истинные хозяева международного сионистского концерна — крупнейшие сионистские дельцы, на второе — исполнители их воли.)

О смысле этих «мероприятий» проговорился генерал Даян. В ответ на вопрос журналистов о том, способен ли Израиль сохранять неизменным нынешнее положение, он с обычной наглостью заявил: «С экономической точки зрения — да. С военной точки зрения — да. С политической точки зрения... здесь ключ в руках американцев. Иными словами, если США захотят, чтобы мы продолжали нашу нынешнюю политику, мы ее продолжим».

Американский журналист Альфред Лилиенталь в своей не так давно опубликованной книге «Обратная сторона медали» свидетельствует об огромном влиянии международной сионистской корпорации, свившей гнездо в США, на внутреннюю и внешнюю политику Соединенных Штатов. (И это понятно. Там, где на деньги можно купить все — от совести до безоткатного орудия,— есть возможность развернуться сионистским гангстерам, обладателям огромнейших средств, бесчестно изъятых из кармана трудящихся.) Поэтому «формулу» Даяна: «если США захотят» — следует читать: если захотят наши старшие партнеры в США — сионистские и прочие мультимиллионеры.

По воле этого «священного союза» толстосумов, вопреки многочисленным решениям ООН, продолжаются бесчинства израильской военщины. Продолжаются и провокации сионистской агентуры в ряде стран с тем, чтобы отвлечь внимание мировой общественности от кровавой трагедии на Ближнем Востоке. Однако расчеты верхушки сионистского концерна обречены на провал, в том числе и в районе Суэцкого канала, сирийских высот, реки Иордана...

Арабы крепят свое единство, свою обороноспособность, свою солидарность с прогрессивными силами Израиля, мужественно борющимися за справедливое и мирное решение всех спорных вопросов, за отвод израильских войск как первый шаг к мирному урегулированию. Народы мира, давно распознавшие хищный оскал клыков сионистов, зорко следят за их непрекращающимися происками.

КАРТЕЖНИКИ ИЗ НАТО

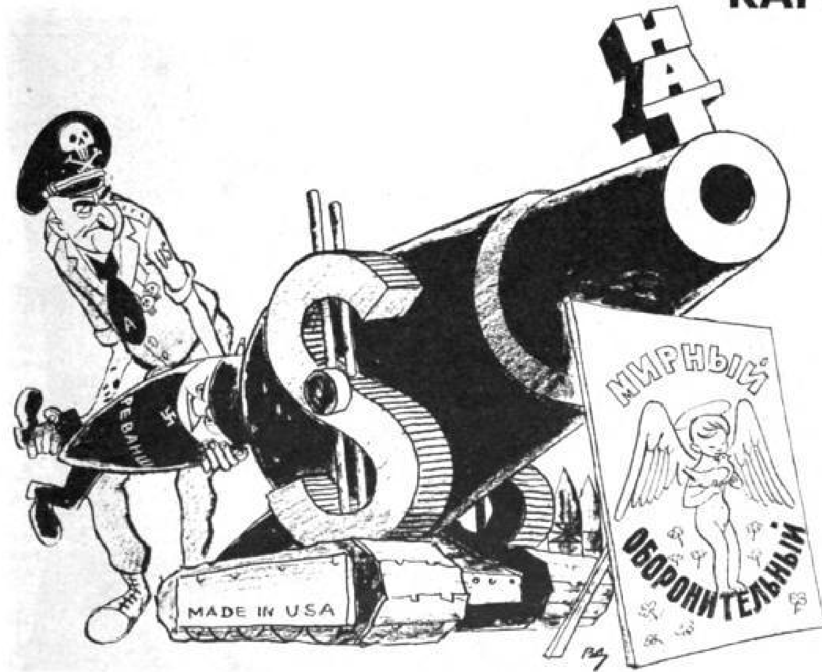

Рисунок В. Добровольского.

Два дня в Рейкьявике сверкали белизной манишки министров, блестели звезды на генеральских погонах и пахло чисто выбритыми джентльменами. И еще пахло порохом. Два дня в исландской столице работала очередная сессия совета Атлантического союза.

Стратеги НАТО, разговорчивые за закрытыми дверьми секретных совещаний, обычно бывают молчаливы на людях. Исключения из правила в Рейкьявике не произошло. Мир узнал немногое: главари НАТО, как и прежде, намерены развивать военный потенциал этого агрессивного блока, как и раньше, западногерманским реваншистам отводится основная роль в рядах агрессивных сил, и снова — в который раз! — в НАТО принимаются меры по «укреплению единства». Вашингтонским хозяевам Североатлантического пакта не впервой приходится ломать голову над тем, как сохранить в натовской упряжке всех пристяжных и заставить их послушно нести груз гонки вооружений.

Но нельзя сказать, что Вашингтон не меняет своей тактики в отношении НАТО. Не так давно в натовском жаргоне появилось новое выражение: «гибкое реагирование». Этими словами обозначаются стратегические принципы новой военной концепции, изобретенной американскими генералами. Кнутом этой концепции предполагается согнать разбредающееся атлантическое стадо.

В комитете по планированию обороны НАТО «стратегию гибкого реагирования» сравнили с игрой в карты. Дескать, у НАТО есть на руках набор всех мастей, и противник должен в страхе опасаться хода с любой карты. А поскольку карты находятся в руках опытных американских игроков, то их партнеры по НАТО должны поддерживать главного разыгрывающего.

Но Европа не ломберный стол, по которому американскому игроку можно разрешить шлепнуть атомным тузом или мелкой шестеркой провокаций. «Гибкое реагирование», представляющее собой совершенствование агрессивных средств и методов, еще раз показывает, что само существование НАТО противоречит интересам мира. И вполне понятен тот размах, который получило на нашем континенте движение широких кругов общественности за европейскую безопасность, за ликвидацию НАТО.

Стефан ЕЖЕВСКИЙ

Рисунки П. КАРАЧЕНЦОВА.

ЧЕЛОВЕК БЕЗ ЛИЦА

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Муха смело мог не докладывать Ковалику о том, что произошло. Поручик догадался обо всем по выражению его лица. Тем не менее он внимательно выслушал доклад, прерывая время от времени замечанием:

— Ближе к делу, сержант, ближе к делу.

Муха как мог пытался уменьшить свою вину. Поручик же решил отложить расчеты с сержантом до более спокойного времени, а всю энергию сосредоточил на том, чтобы разыскать пропавший след.

Было известно, что Бруннер купил билет до Вроцлава, но можно было предположить, что он выберет другое направление путешествия. У Ковалика, правда, была фотография Бруннера, но это немного давало в подобной ситуации. Нельзя ведь размножить фотографию и переслать всем постам милиции с поручением задержать немца, поскольку к этому не было никаких оснований.

Ковалик уже представлял себе мину, которую состроит доктор при известии о потере следа Бруннера, и почувствовал себя не в своей тарелке.

Итак, он вызвал группу своих ближайших сотрудников, роздал им фотографии немца и выслал в различные части города с поручением разыскать пропавшего. Даже сержанту Мухе выделил пост на одном из вокзалов, откуда Бруннер мог выехать во Вроцлав.

Доктор Лах, получив рапорт от Ковалика, сообщил, что он сейчас же выезжает в Лодзь, а тем временем поручик сделал еще одно, не слишком приятное для себя открытие. Оказалось, что в «Гранд-отеле» Бруннер оплатил номер за шесть дней. Это означало, что немец может снова появиться в Лодзи только через шесть дней.

Ковалик осмотрел его номер. Кроме одежды, в багаже Бруннера были только проспекты и образцы кожаной галантереи, среди которых и намордники — предмет телефонного разговора. На пустой коробке от сигарет поручик нашел записанный таинственный знак из второго разговора — ПМ-69.

Исключительно быстро пробежало время для Ковалика в ожидании доктора. Ему казалось, что с момента его рапорта прошло всего несколько часов, когда толстенький доктор вкатился в кабинет. Он приказал вызвать Муху и еще раз выслушал историю побега Бруннера.

— И что вы предприняли, пан поручик?

— Я разослал своих людей по городу с поручением напасть на его след. Что еще я мог сделать?

— А вспомните, дорогой, с кем имел контакт Бруннер во время прошлого пребывания в Лодзи?

— Ах, я идиот! — Поручик ударил себя кулаком по лбу.— Ведь Гражина Масс...

Примерно в это же время Гражина вошла в кафе «Гранд-отеля». Она заметила, что ее излюбленный столик около окна заняли какие-то две женщины, одна из которых имела волосы фиолетового цвета, другая же радовала присутствующих головой цвета морковки. Гражина с явным осуждением оценила эти прически и заняла свободный столик около стены. Она осмотрела зал и внезапно услышала над ухом приятный, слегка хриплый баритон:

— Можно мне занять это место?

Рядом стоял худощавый интересный блондин. Не успела она что-либо сказать, как молодой человек сидел за столиком.

— Я жду жениха,— холодным тоном заявила Гражина.

— И давно уже? — спросил блондин.

— Вы думаете, это остроумно?

— Я думаю, да, потому что я известный юморист, но, возможно, с того момента, когда я потерял из-за вас голову, меня покинуло чувство юмора.

— Вы угостите меня коньяком?

Гражина решилась на такой вопрос, полагая, что таким образом избавится от нахала.

— С наслаждением! Только при условии, что вы мне с этой целью дадите взаймы соответствующую сумму, потому что я, со стыдом должен признаться, в данный момент пуст, как барабан.

У Гражины даже дух захватило от возмущения. Она вспомнила предостережения подруг о том, что рано или поздно появится какой-нибудь предприимчивый молодой человек, который потребует участия в доле.

На всякий случай Гражина ответила достаточно вежливо:

— Мое состояние — всего десять злотых.

— О, тогда я более богатый, у меня в два раза больше. Мы можем отметить наше прекрасное знакомство четвертинкой водки.

— Под взглядами посетителей? Спасибо, последнее время я не пью таким образом. Кроме того, я боюсь, что вы не слишком осведомлены о том, сколько стоит водка в общественных местах...

— Что вы, кто бы осмелился предложить вам

Продолжение. См. №№ 25, 26, 27.

пить под взглядами посетителей? Что касается цены, то вы уж меня извините, но я в этом великолепно разбираюсь. Ясно, что мы не будем пить здесь, мы пойдем в мое скромное гнездышко, где найдется закуска и крепкий кофе...

Разведчик, который принял от коллеги наблюдение за пани Масс, сразу узнал в поклоннике Гражины Ричарда Завадского, славу и гордость лодзинского городского репортажа. Он занимал ближайший столик и слышал каждое слово из разговора Гражины и Завадского.

— Вы, как я вижу, очень ловкий человек, но вы плохо воспитаны. Вы еще даже не представились.

— Простите меня, это потому, что я потерял из-за вас голову. Я Ричард Завадский, репортер.— Журналист поцеловал руку Гражине.— Кроме того, прошу принять во внимание также и то, что скоро я уезжаю в Закопане и должен спешить. У меня там оплачены два места, причем второе все еще свободно.

— Не шутите надо мной, хорошо? А теперь прошу вас исчезнуть, потому что идет мой жених. Вот тот брюнет в дверях, он ужасно ревнив.

— Я жду вас завтра здесь же, в восемь часов вечера, на всякий случай дайте мне, пожалуйста, номер вашего телефона.

— Хорошо, в восемь. Если у вас изменятся планы, позвоните по номеру 29—658.

Завадский поднялся и галантно поклонился.

Брюнет с нахмуренным лицом подошел к ее столику. Он занял освободившееся место и начал что-то шептать Гражине на ухо. Девушка молча встала, брюнет бросил на столик 5 злотых за недопитый кофе, и они вышли из кафе.

Вслед поспешил опекун Гражины, но ему не повезло. Когда он вышел из кафе, то успел только заметить номер машины, которая увозила Гражину и брюнета. Поиски такси были безрезультатны. Тогда он позвонил Ковалику, чтобы сообщить о том, что произошло.

Поручик, выслушав телефонное донесение, выругался, а присутствующий при этом доктор Лах посмотрел на него с неудовольствием.

— Вы должны научиться проигрывать, поручик, и прежде всего не делать детских ошибок. А что там с этим инженером, благодаря которому вы напали на след пани Гражины?

— Она была с ним...

— Ну, прекрасно! У нас сегодня исключительно удачный день. Может, вы будете настолько добры позвонить в Варшаву и вызвать сюда поручика Любича. С огорчением должен отметить, что у него голова лучше варит, чем у вас. Прошу также распорядиться, чтобы разведчик, потерявший след Гражины Масс, стоял около дома инженера, пока тот не вернется. Можете ему даже выдать карманный вертолет, чтобы он больше не потерял из виду этого пана, потому что если он опять его потеряет, то пусть сразу обращается в кассу за расчетом,— хмыкнул Лах.

— Пан доктор, депеша,— доложил дежурный.

Лах быстро прочел шифровку и нахмурился.

— Я должен вернуться в Варшаву,— сообщил он.— Меня вызывает шеф. Замещать меня будет поручик Любич. Уже сегодня он должен быть на месте. Прошу также предпринять все возможное, чтобы разыскать пани Масс. Мне почему-то кажется, что наш немецкий приятель не сегодня-завтра вернется в «Гранд-отель». Итак, прикажите этому знаменитому сержанту, чтобы он им занялся. Он будет отвечать за это даже в том случае, если Бруннер вдруг вздумает улететь на космической ракете. Он должен иметь вторую под рукой. Ну, это пока все. Всего доброго, поручик.

Три часа спустя доктор Лах стучал в двери майора Яруги.

Еще с порога он заметил, что майор в отвратительном настроении.

— Ну, что же вы мне скажете интересного?

— Как вы знаете из донесения, вся Польша ищет так называемого Гурского. Нет сомнения также, что ему сейчас весьма жарко. И не сегодня, так завтра он будет у нас в руках. Вы знаете также, что наш приятель из Бремена прибыл специально, чтобы принять участие в организованной мною слежке.

— Я был бы рад всему этому, если бы руководил следственным отделом. Поимка коварного убийцы не такое уж достижение. Но все дело в том, дорогой доктор, что мне доверили руководить борьбой с контрразведкой противника, и неизвестно, во имя чего я медлю с ликвидированием выявленной шпионской сети. Я терпеливо ждал до сего времени, но любое терпение имеет свои границы. Чужая агентура действует преспокойным образом. И, нравится нам это или нет, может передавать шпионские материалы. Это недопустимо! — Майор прервался на минутку, чтобы набрать воздуха, что и использовал Лах, который никак не мог ввернуть слова.

— Я позволю себе заметить, что благодаря нашей медлительности Бруннер вернулся в Польшу. И что, следя за его шагами, мы сможем раскрыть более важные связи, чем пани Масс или этот инженеришка, не имеющий понятия о конспирации...

— Итак, вы следите за действиями Бруннера? — сладенько спросил майор, из чего Лах тут же сделал вывод, что он уже знает о потере следа коммерсанта из Бремена.

— Бруннеру удалось исчезнуть из-за ротозейства и неопытности одного из наших сотрудников.

— Итак, Бруннер вернулся, несмотря на то, что чувствовал, что мы за ним следим, и совсем не боится этого. Вы что же, полагаете, что он так наивен?

— Бруннер должен был вернуться. Агент, который сбежал, был резидентом, и у немцев не было другого выхода. Он должен был приехать, чтобы вновь организовать работу и любым путем ликвидировать дезертира.

Майор почувствовал, что Лах берет над ним верх силой аргументации. Но, однако, он решил не сдавать свои позиции:

— Бруннер, видимо, принял меры предосторожности. Этого короткого времени, на которое он ухитрился исчезнуть из поля вашего зрения, хватит ему, чтобы сделать свое дело. Когда он вернется, он снова будет невинным коммерсантом из Бремена.

— Позволю себе придерживаться противоположного мнения. Бруннер сейчас может свободно передвигаться только на территории Лодзи. Вокзалы и дороги перекрыты.

— Вы говорите так, как будто он не может доехать трамваем за город и там спокойно сесть в поезд.

Майор попал в слабое место, а Лах к тому же не был уверен, что Ковалик достаточно хорошо перекрыл вокзалы и дороги.

— Послушайте, майор, мое присутствие там, на месте, в Лодзи, совершенно необходимо,— сказал Лах, стараясь говорить спокойно.— Это одна из самых важных операций, которые мы когда-либо проводили. Если в течение недели я не доложу вам о ликвидации всей сети вместе с Бруннером, я подаю в отставку, и вы можете поручить проведение операции другому работнику.

Майор встал из-за стола. Голос его не сулил ничего доброго, когда он сказал:

— Хорошо. Я принимаю ваше заявление к сведению.

Ковалик нетерпеливо ожидал возвращения доктора и одновременно с беспокойством следил за действиями Любича. Поручик расставил своих людей буквально везде: на всех вокзалах, на главных трассах, на конечных остановках трамвая и автобуса, в кафе, в фойе кино и театров. Перед домами брюнета-инженера и Гражины.

Доктор Лах вошел в отделение в тот момент, когда Любич получал первое благоприятное донесение о том, что разыскиваемый инженер вернулся в свою однокомнатную квартиру вместе с Гражиной. Не входя в подробности, доктор приказал:

— Снять пост перед домом Гражины и приказать следящему, чтобы направился к дому инженера. Поставить там на всякий случай две машины.

Через минуту поступило новое сообщение. Бруннер в обществе двух безупречно одетых дам, которые были известны как особы, ведущие легкомысленный образ жизни, развлекался в баре «Гранд-отеля».

Доктор приказал направить туда двух сотрудниц.

Только в девять часов утра Ковалик с мешками под глазами от недосыпания сообщил доктору, что Бруннер после проведенной у одной из его спутниц ночи вернулся в свой номер в отеле.

Следующее сообщение гласило, что Гражина приступила к работе на складе на улице Волчанской, а инженер, как обычно, ровно в половине восьмого появился в проектном бюро своего института. Доктор приказал, однако, не прерывать наблюдения.

Около одиннадцати Гражине позвонил ее вчерашний поклонник Завадский, сообщая, что решил поспешить с выездом в Закопане и что он не видит для себя более приятной спутницы, чем она. Он предложил встретиться в час дня, но не в шумном «Гранде», а в небольшом баре на улице Костюшко. Гражина согласилась на это предложение, после чего тут же позвонила инженеру. Их разговор был записан на магнитофонную ленту.

— Привет, Чарек, это я.

— Ну и что? Говори скорее, ты знаешь, что я не люблю телефонных разговоров на работе.

— Тот тип, с которым я вчера познакомилась, предлагает поехать с ним в Закопане.

— В Закопане? Это очень хорошо. Поезжай.

— Я договорилась с ним о свидании в час дня.

В трубке послышались короткие гудки, инженер не признавал слишком долгих разговоров по телефону.

За встречей Гражины с Завадским Ковалик следил лично. Журналист, вероятно, серьезно воспылал симпатией к девушке, ибо рисовал перед ней заманчивые картины совместного отдыха, а Гражина для приличия притворялась, что сомневается. Наконец они договорились, что выезжают через три дня.

В это время сержант Муха не без гордости звонил из «Гранд-отеля», сообщая о том, что Бруннер явно собирается использовать купленный вчера билет и собирается в дорогу, сообщив, однако, портье, что вернется через два дня.

Доктор Лах решил, что вместе с немцем поедут две сотрудницы.

Вскоре после этого Бруннер занял место в электропоезде на Вроцлав. Сразу после него в то же купе села молодая, элегантная и красивая блондинка, а в соседнем купе разместилась миловидная брюнетка со смешными ямочками на щеках и подбородке.

Почти в то же самое время электропоезд до Варшавы увозил длинную фигуру в порыжевшей шляпе, потому что поступило сообщение, что известный хирург доктор Коницкий заявил в милицию, что именно он оказал помощь разыскиваемому убийце.

Пациент, как следовало из доклада хирурга, с трудом притащился на второй этаж в кабинет доктора. Он просил, чтобы, принимая во внимание ужасное состояние сердца его жены, его не посылали в больницу.

Увидев портрет Гурского, доктор Коницкий без труда узнал в нем своего пациента, который представился как Ричард Кроль, техник-строитель, живущий в Пястове, около Варшавы.

При проверке оказалось, что в Пястове действительно живет техник-строитель Ричард Кроль, у которого два года тому назад был украден бумажник с документами.

В этот день по телевизору еще раз показали портрет убийцы с добавочной информацией, что он может использовать паспорт на фамилию Ричарда Кроля.

На следующее утро это же сообщение поместили все газеты, и уже ранним утром пришла депеша с туристской базы в горах близ Закопане, что человек с паспортом Ричарда Кроля жил там целую неделю. У него была действительно нога в гипсе, но двигался он достаточно свободно. Выехал в неизвестном направлении.

Милиция выяснила, что разыскиваемый выехал поездом в Краков.

Однако розыски в Кракове не дали никаких результатов.

Начали поступать сообщения о Бруннере. Он завязал знакомство со своей спутницей в поезде и договорился о свидании. Прибыв во Вроцлав, сразу поехал на одну из местных фабрик кожгалантереи. Обратил на себя внимание факт, что он не сел в первое стоящее на стоянке такси, а только в восьмое, перед этим внимательно приглядевшись к номеру машины. Такси, в которое сел, имело номер 69. Шофером и владельцем машины был Петр Миллер, пятидесятилетний механик, который три года тому назад бросил работу на заводе. Тогда это вызвало большое удивление среди его знакомых, так как Миллера считали специалистом и он хорошо зарабатывал. Документы говорили о том, что механик родился на Волыни, а во Вроцлаве поселился, вернувшись с принудительных работ в Германии.

Познакомившись с этим донесением, доктор Лах еще раз проверил депешу, которую получил Бруннер именно из Вроцлава в день своего приезда в Лодзь. В ней шел разговор о станке ПН-69.

— Миллера взять под особый надзор,— распорядился Лах,— а мы,— обратился он к Ковалику и Любичу,— поедем отдохнуть в Закопане. Мы заслужили отдых, не правда ли? Выезжаем завтра тем самым поездом, что пани Масс и ее поклонник. Прошу вас сегодня уложить вещи, необходимые для подлинного отдыха в жемчужине Татр. Итак, до свидания в Закопане.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Доктор Лах не любил поездок. Он всегда предпочитал тишину своего большого мрачного кабинета с окнами, задернутыми тяжелыми плюшевыми шторами, и ковром, заглушающим шаги. Однако, когда он вышел из отеля и оказался на улице, он изменил мнение. Ему приятно было идти по залитой потоками солнца улице, когда под ногами хрустел сухой снег, а над головой простиралась ясная голубизна неба. Доктор вдохнул морозный горный воздух и почувствовал легкое опьянение. На какой-то момент он даже забыл, зачем сюда приехал, и ему показалось, что он один из числа беззаботно слоняющихся курортников.

Внезапно Лах услышал знакомый голос:

— Добрый день, пан доктор, вы что, не узнаете старых знакомых?

Перед ним стоял высокий, худощавый блондин в спортивном костюме.

— Ах, добрый день! — улыбнулся Лах.— Конечно, я узнаю вас. Как же мне не помнить хлопот, которые вы мне доставили год тому назад. Хо-хо, вы еще всего не знаете, до конца жизни я вам не забуду репортажа о ночной жизни заграничных туристов. Вы мне чуть не спугнули пташку, за которой я охотился много лет.

Завадский сделал вид, что смутился.

— Я думал, что вы на меня уже не сердитесь.

— Но вы просчитались,— засмеялся Лах.— Ну, а что вы здесь поделываете? Зимний отдых в Закопане?

— Мне удалось вырваться на несколько дней, главный немного возмущался по поводу того, что летом я всегда нахожу себе тему в Сопоте, а зимой обязательно в Закопане, но потом он махнул на это рукой. А вы, пан доктор, тоже на отдыхе?

— Что-то в этом роде,— ответил Лах.— Хотите конфетку? — предложил он, вытягивая из кармана коробку с мятными конфетами.

— За год вы не изменили своих привычек, как всегда, у вас при себе запас мятных конфет?

— Я консерватор,— сказал Лах,— но, откровенно говоря, удивлен, видя вас одного. Насколько помню, я встречал вас обычно в компании каждый раз новой, но всегда очень красивой женщины.

— О, вы можете быть совершенно спокойны! Я тоже консерватор. И как раз бегу в кафе на свидание с одной обаятельной блондинкой. А может быть, вы выпьете с нами кофе?

— Вы знаете, с удовольствием, у меня как раз есть час свободного времени. Итак, идемте на свидание с прекрасной блондинкой. Только у меня к вам одна просьба: чтобы она случайно не испугалась, не представляйте меня как работника нашего министерства. Если вы так сделаете, то я могу заподозрить, что вы боитесь моей конкуренции и используете недозволенные приемы.

Завадский сделал торжественное лицо.

— Слово, что я этого не сделаю. Женщину, которую люблю, я смогу удержать другими способами.

Кафе было переполнено. Клубы дыма висели над столиками. Лах огляделся вокруг, но Завадский схватил его под руку и потянул к окну.

За столиком сидела Гражина Масс.

— Разреши, Гражина, я представлю тебе адвоката Лаха,— сказал Завадский, удобно усажи-

ваясь.— Это мой очень хороший знакомый, мы с ним старые приятели. Эмиль, что вы будете пить?

— Если можно, только чашечку кофе,— ответил Лах, бросая мечтательный взгляд на Гражину, которая в этот момент поправляла ладонью спадающую на лоб прядь. Заметив восхищение во взгляде доктора, она тут же открыла сумочку и вынула пудреницу.

— А долго ли пани собирается еще пробыть в Закопане? — спросил Лах.

— Я еще не знаю, это зависит от Ричарда.

Завадский, который пытался остановить проходящую мимо официантку, повернулся.

— Смотри, Гражинка, я первый раз вижу адвоката в таком состоянии. Мне кажется, ты произвела на него впечатление.

Лах не протестовал.

— Вы очень красивы,— сказал он тихо в тот момент, когда официантка принимала заказ.

Ричард, однако, услышал слова Лаха и громко засмеялся.

— Ну, видишь? Начинается атака по всему фронту, а, насколько я знаю, адвокат холост... Имей это в виду, Гражинка.

Завадский не принимал близко к сердцу достоинства Лаха. Он хорошо знал, что доктор не имеет у Гражины никаких шансов, и, попивая кофе, беспрерывно острил. Лах, казалось, принимал все это за чистую монету и не терял хорошего настроения.

Зачем Гражина приехала в Закопане? Видимо, не только затем, чтобы провести тут несколько дней с Завадским... Похоже на то, что Бруннер выслал ее с заданием произвести разведку в горной курортной местности. Может, Гражина уже напала на след Гурского? Может быть, у нее есть какие-нибудь помощники? Внезапно Лах заметил, что лицо Завадского исказилось гримасой нескрываемого гнева. «Не переборщил ли я?» — промелькнуло у него мысль. Вдруг Завадский взорвался:

— Как ты себя ведешь! Думаешь, я не вижу, что ты посылаешь томные взгляды этому блондину? Можешь это делать сколько тебе нравится, но только не в моем обществе. Я не позволю себя компрометировать!

— Но, Ричард, что ты говоришь! — Гражина положила свою тонкую ладонь на руку Завадского.

— Пожалуйста, не делай из меня идиота,— огрызнулся репортер.— Представьте себе, пан адвокат,— обратился он к Лаху.— Эта особа приезжает сюда со мной и с первого же дня начинает убегать на свидания с каким-то парнем, с которым случайно познакомилась на танцах. Естественно, все это происходит под прикрытием визита к парикмахеру или поездки на лыжах на вершину горы Каспровой.

— Не верьте ему, пан адвокат! — Ладонь Гражины продолжала гладить руку Завадского.— Ричард ужасно ревнивый, и каждый мой шаг кажется ему подозрительным. А я ведь не даю к этому никакого повода.

— Великолепно! А может быть, ты откажешься от того, что, когда ты пошла, как сказала, к парикмахеру, я встретил тебя на Крупувках с тем свинским блондином?

— Ну, и что из этого? У парикмахера было очень много народу, мне не хотелось ждать... Я вышла и на улице встретила этого мужчину, с которым тогда с твоего разрешения танцевала один раз в кафе. Может быть, я должна была и не отвечать ему, когда он подошел поздороваться?

Лах уже успел украдкой присмотреться к сидящему в глубине зала блондину. Не было никаких сомнений, что Гражина встречалась уже не раз с этим незнакомцем с целью, о которой Завадский даже не подозревал.

— Мне очень неприятно,— попробовал он прервать продолжающуюся ссору,— но я должен проститься с вами. У меня назначена встреча, а я не люблю опаздывать.

— Видишь, своим поведением ты вспугнул пана адвоката,— сказала надувшаяся Гражина.

— Я прошу меня извинить, что я позволил себе в вашем присутствии этот взрыв,— засуетился Завадский.— Не уходите, пожалуйста...

— Должен, дорогой, должен. И не из-за этой небольшой стычки между вами. В конце концов милые бранятся — только тешатся,— пошутил Лах, вставая.— А с вами, пан репортер, я охотно встречусь еще раз. Где вас можно найти?

— Я буду здесь завтра, в двенадцать часов. Гражина снова собирается на вершину,— вызывающе ответил репортер.

— Хорошо. Итак, завтра в двенадцать. А вам я желаю приятного спуска,— обратился Лах к Гражине на прощание.

Пробираясь между столиками, он старался пройти как можно ближе около блондина, который явился причиной ссоры. У него была отличная зрительная память: достаточно было увидеть человека один раз, чтобы узнать его через несколько лет.

Выйдя из кафе, доктор направился в магазин подарков и долго выбирал открытки, прежде чем решился купить. Потом вошел в мясной магазин и встал в очередь за консервированной ветчиной. Он стоял, может быть, минут пятнадцать и вдруг вышел на улицу. Именно в этот момент из кафе выходил соперник Завадского.

Не убыстряя шага, Лах пошел за незнакомцем. Прогулка не была продолжительной. Заглянув на почту и в транспортное агентство, блондин повернул в ближайшую улицу и исчез за калиткой одноэтажной виллы.

Лах постоял полчаса на углу, а потом медленно пошел в направлении местного отделения милиции.

Не нужно было много времени, чтобы выяснить, что на вилле, которая заинтересовала доктора, живет отдыхающий, некий Сильвестр Зелинский, проживающий в Варшаве на улице Проектирования, 3.

Одновременно в Варшаву была послана телефонограмма с поручением собрать возможно более подробную информацию о пане Сильвестре.

Вечер Лах провел в своей комнате. Он просмотрел несколько еженедельников, разгадал кроссворд в «Пшекруе», съел при этом почти целую коробку мятных конфет.

Было уже почти восемь часов вечера, когда кто-то начал дубасить кулаком в дверь. Едва Лах успел сказать «войдите», как в комнату аистиным шагом вошел Любич.

Не снимая пальто и шляпы, он уселся на стул и вытянул длинные ноги.

— Приветствую вас, доктор. Как видите, я приехал. Вы себе не можете представить, как переполнены поезда. Всю дорогу я стоял на одной ноге.

Лах с трудом сдержал улыбку при мысли, что человек, столь похожий на аиста, испытывает неудобства от стояния на одной ноге.

— Вы не американский детектив, коллега Любич. Может, вы все-таки снимете шляпу и объясните свое опоздание. Поручик Ковалик уже давно на месте.

Любич посмотрел на доктора взглядом, в котором каждый мог бы прочесть, что симпатия занимала одно из последних мест в его отношениях с представителем министерства. Потом он медленно снял с головы шляпу и ладонью пригладил вихры, торчавшие во все стороны.

— От наших людей, которые выехали в разных направлениях, приходят донесения. Они еще не нашли никакого следа преступника. Начали поступать донесения с окрестных постов и комиссариатов. Тоже ничего интересного. Я должен был отдать соответствующие распоряжения. А уж если говорить честно, пан доктор, то все это мероприятие мне кажется бесполезным. С таким же успехом мы могли бы искать иголку в стоге сена...

— Ваше сравнение не слишком оригинально,— заметил Лах с насмешкой в голосе.

— Я не стремлюсь быть оригинальным, зато у меня достаточно здравого рассудка,— запетушился Любич,— а может быть, я не прав? В таком случае, пан доктор,— слово «доктор» поручик произнес с особым ударением,— наверно, укажет мне на ошибку. Вся страна мобилизована на поиски, а пана Гурского, или Кроля, нет и следа. Я полагаю, что после этого представления в прессе и по телевидению он давно уже смылся за границу.

— Вы забываете, дорогой коллега,— в свою очередь, Лах сделал акцент на слове «коллега»,— что у человека, которого мы ищем, больная нога и он не может свободно двигаться. Он должен пользоваться помощью других людей, что очень облегчает розыски.

— Пока что этого не видно,— буркнул Любич под нос, а потом добавил громче: — Бруннер в Кракове.

Лах сорвался со стула.

— Бруннер в Кракове? Что же вы мне сразу не сказали?

— Потому что вы прежде всего спросили меня о причине моего опоздания. Немец посетил Новую Гуту и провел там несколько бесед на тему о возможных поставках сырья. Кроме того, он был в Вавельском дворце, а ночи он проводит в баре французского отеля.

— Не получал ли он каких-либо писем? Не говорил по телефону с заграницей? С кем встречался на личной почве?

Любич насупился еще больше.

— Никаких писем, никаких телефонных разговоров, никаких встреч, за исключением встречи с некоей Вандой Карпель, которая имела место между двумя и четырьмя ночи в баре.

— Я предполагаю,— сказал Лах,— что Бруннер сидит в Кракове, чтобы находиться в непосредственной близости от своих людей, которые одновременно с нами проводят поиски Гурского. Любой ценой мы не должны допустить, чтобы они нашли его раньше нас. Я даю вам служебное поручение: вы должны пойти выспаться, а завтра явиться отдохнувшим и с хорошим настроением.

Любич молча поднялся со стула и надел шляпу. Только у дверей он задержался и обернулся к Лаху:

— Спокойной ночи, пан доктор, я очень рад, что мне суждено сотрудничать с таким выдающимся человеком, как вы.

Когда за поручиком закрылись двери, Лах начал прохаживаться маленькими шагами по номеру. Он постоянно задевал об угол шкафа или стола. Тесный номер не предоставлял таких возможностей, как варшавский кабинет Лаха, поэтому доктор уже через несколько минут, потирая синяк на бедре, поспешно набросил пальто и вышел на улицу.

Ночной морозный воздух покалывал лицо, а порывы ветра, смешанного со снегом, могли отбить охоту к прогулке у самого заядлого любителя свежего воздуха.

Лах посмотрел на часы. Было около десяти. Единственным местом, куда он мог пойти в такой час, были только закопанские кабачки.

В раздевалке «Ватры» он попал прямо в объятия Завадского. Репортер, уже слегка выпивший, слишком громко начал изъявлять свою радость по поводу неожиданной встречи.

— Приветствую дорогого адвоката в приюте Бахуса и Терпсихоры! Мы должны были встретиться завтра, но судьба хотела, чтобы мы встретились сегодня. Прошу вас к моему столику, тем более что другого свободного вы не найдете, даже показав ваше служебное удостоверение.

Лах уже и не мечтал вырваться из объятий репортера, который, обняв его за плечи, пошатываясь, тянул к столику.

— Смотри, Гражинка, кого я поймал! — орал во весь голос Завадский, махая издалека рукой одиноко сидящей Гражине.

— Пан Ричард, только не забывайте о данном мне обещании,— шепнул Лах на ухо репортеру.— Не распространяйтесь на тему места моей работы, хорошо?

— Ну, хорошо, договорились. Поцелуйте лучше ручку моей богине и выпейте штрафную,— говорил репортер, ставя перед Лахом стаканчик из-под содовой воды, наполненный водкой.

Доктор профессиональным взглядом заметил, что Завадский и Гражина, должно быть, веселятся здесь уже часа два, потому что Гражина тоже была достаточно пьяна и каждую минуту разражалась смехом.

— Ну, за наш успех,— сказал репортер, поднимая рюмку.

Лах одним духом выпил и почувствовал, как приятное тепло разливается по всему телу. Завадский подсунул ему чистую тарелку и открытую коробку сардин.

Намазывая хлеб маслом, Лах оглядывал зал. Внезапно на его лице появилось выражение искреннего удовольствия. Свои утренние планы он мог реализовать сейчас без специальных приготовлений, не ломая себе голову. Он положил сардинку на хлеб и откусил. Завадский как раз наливал очередную.

— Что за темпы,— запротестовал Лах,— через минуту я буду лежать под столом.

Репортер понимающе подмигнул ему.

— Теперь мы выпьем за наш маленький секретик...

Лах молча влил в себя полную рюмку водки, после чего решительно встал.

— Простите, я на минутку выйду.

— Что, вы хотите убежать? Никогда я не допущу этого,— проговорил с трудом репортер, поднимаясь.

Только после горячих уверений в том, что тут нет и речи о дезертирстве и что он мечтает выпить еще несколько рюмок водки в такой приятной компании, Лаху удалось выйти.

Доктор вошел в телефонную кабину около раздевалки и набрал номер пансионата, в котором остановился Любич. Через минуту услышал в трубке голос заспанного поручика:

— Да, слушаю... Что случилось?

— Возьмите машину из отделения и двух милиционеров в форме. Остановитесь на углу около «Ватры» и ждите там дальнейших моих распоряжений. Ага, разбудите также нашего неоценимого Ковалика, он живет с вами в одном пансионате, комната номер двадцать три. Пусть он оденется и ждет меня в отделении.

Когда Лах вернулся к столику, начал играть оркестр.

— Гражинка, потвистуем? — предложил Завадский.

— Я не буду танцевать.

— Почему?

— Но, пан Ричард,— вставил Лах,— не следует принуждать прекрасных дам к тому, чего они в настоящий момент не хотят. Давайте лучше выпьем кофе, и вы увидите, что пани Гражина изменит свое мнение.

В помещении становилось все более шумно и тесно. Официанты с завидным мастерством размещали новых гостей за поставленными в углах столиками. Гражина встала и извинилась:

— Я вернусь через минутку.

Лах остался с репортером.

— Красивая девушка,— вздохнул он,— вам повезло. Но и хлопот, конечно, немало. Вы должны хорошо следить за своей добычей здесь, в Закопане, чтобы ее никто не украл.

— Мне нечего бояться,— загоготал репортер,— у меня верный глаз и неплохой удар справа.

— Как бы вам не пришлось употребить его уже сегодня вечером.— Лах посмотрел сочувственно.— Я обратил внимание, что один молодой человек не спускает с нее глаз.

— Который? — встрепенулся репортер.— Я сейчас ему объясню, что неприлично интересоваться чужими женщинами, находящимися в мужском обществе.

— Не стоит устраивать скандала, пан Ричард, право, не стоит.

— Это который, скажите мне, пожалуйста! В этот момент вошла Гражина и через зал направилась к столику.

— За то, что вы не выдали моего инкогнито, я скажу вам. Это тот блондин, который сидит в углу зала.

— Снова этот негодяй!

— Но, пан Ричард! Успокойтесь, прошу вас,— пробовал задержать его Лах.

Однако репортер рванулся порывистым шагом через середину зала, где столкнулся с идущей ему навстречу Гражиной.

— Куда это ты мчишься?

— Сейчас ты увидишь и услышишь.

Завадский обошел девушку, и через секунду звон летящего на пол стекла смешался с испуганным визгом женщин и проклятиями двух мужчин, катающихся на полу.

Когда Любич вместе с двумя милиционерами появился в зале, Завадский как раз сидел верхом на своем сопернике и молотил его кулаками, в чем ему пытались помешать трое официантов и молодая блондинка с развевающимися волосами. Неподалеку, на приличном отдалении, собралась группа мужчин и женщин.

Однако очень быстро порядок был восстановлен, и уже через полчаса никто в кафе, кроме официанта, подсчитывающего убытки, не вспоминал об этом инциденте.

Только в местном комиссариате милиции были заняты три пустых камеры.

Окончание следует.

ОЛИМПИЙСКОЕ БЕСПОКОЙСТВО

Лариса Латынина: НАШИ ШАНСЫ В МЕКСИКЕ

Эти снимки сделаны фотокорреспондентом В. Сафроновым на чемпионате СССР в мае.

З. Дружинина выполняет вольные движения.

Л. Бурда на брусьях.

Н. Кучинская. Прыжок.

Л. Петрик — соскок с брусьев.

Л. Турищева — дебютантка сборной.

Мой собеседник — Лариса Семеновна Латынина, еще недавно лучшая гимнастка мира, а ныне старший тренер сборной.

— Закончился чемпионат Советского Союза. В какой стадии сейчас отбор кандидатов на Олимпийские игры? Можете ли вы с большей или меньшей степенью уверенности назвать их имена?

— Могу назвать восемь имен. Наталья Кучинская, 19 лет, студентка факультета психологии Ленинградского университета; Зинаида Воронина, 21 год, студентка Московского института физкультуры; Лариса Петрик, 19 лет, учится на факультете младших классов Витебского педагогического института; Ольга Карасева, 19 лет, студентка Московского педагогического института имени Ленина; Любовь Бурда, 15 лет, школьница из Воронежа; Людмила Турищева, 15 лет, школьница из Грозного; 17-летняя учащаяся техникума из Воронежа Алевтина Демьяненко и 18-летняя Татьяна Китлярова — москвичка, учащаяся техникума.

В ходе чемпионата СССР, который состоялся в мае, возникали опасения: не поторопились ли мы с приобретением высокой спортивной формы. Действительно, надо сказать, что большинство кандидаток выступило просто блестяще и, что самое главное, с большим подъемом. Мне кажется, что в физическом отношении девушки уже готовы к Мехико абсолютно, в техническом — почти готовы. И теперь от искусства тренеров сборной — Викентия Дмитриева, Юрия Штукмана и Владимира Смирнова — зависит, смогут ли они к октябрю сохранить и улучшить эту форму. Пожалуй, нынешняя сборная у меня не вызывает тревоги. Меня волнует другое — слишком резкий разрыв между уровнем мастерства сборной и остальных спортсменок.

— Вам, двукратной чемпионке Олимпийских игр, легче, чем кому бы то ни было, судить о том, какие качества нужны, чтобы добиться этого звания. Стало ли труднее побеждать?

— Каждое время рождает свои трудности. В мое время тоже было много гимнасток высокого уровня, между которыми существовала острая борьба. Нам было легче в одном смысле: любая из нас, советских спортсменок, представляла команду, доминировавшую на мировой арене. Тем, кто сменил нас сегодня, тяжелее: на чемпионате мира в Дортмунде они проиграли и, таким образом, формально стали второй командой мира, отстаивающей право именоваться первой.

С другой стороны, борьба за абсолютное личное первенство для нас нынче облегчается тем, что с гимнасткой номер 1, замечательной чехословацкой спортсменкой Верой Чаславской, будет соперничать не одна Наталья Кучинская (а именно так обстояло дело в Дортмунде), но три примерно равных по силам спортсменки — Кучинская, Петрик, Воронина. Получается, таким образом, массированный удар.

Что же касается качеств, нужных для победы, то выступление должно быть уверенным и ровным, без малейших шероховатостей, на колоссальном подъеме, с большой дозой артистизма.

— Нужны, очевидно, новые оригинальные элементы в упражнениях?

— Да, разумеется. Однако здесь есть небольшое «но». Изюминки в комбинации всегда производят хорошее впечатление. Но они более важны не для фаворита, а для дебютанта. Став впервые олимпийской чемпионкой в Токио, Чаславска показала много новинок, но я не думаю, что в Мехико она будет щедра на них. И мы тоже рисковать не собираемся.

— Вы полагаете, что борьба за абсолютную олимпийскую победу развернется только среди квартета — Чаславска, Кучинская, Петрик, Воронина?

— Да, по-моему, так. Разве что вмешается кто-нибудь из гимнасток ГДР. Скорее всего Эрика Цухольд.

— Перед большими гимнастическими турнирами тренеры усиленно занимаются сбором данных, изучают подготовку соперников. Что сегодня вам известно о состоянии команды ЧССР, и в частности о Чаславской?

— В декабре прошлого года наш тренер Владимир Смирнов был командирован в Чехословакию и познакомился с работой сборной. Наша команда моложе, чехословацкая опытнее. В ней половина участниц выступала в Токио, наши же фактически начали свой путь в Дортмунде два года назад.

— Но как показывают последние события, в частности триумфальное появление на международном помосте 15-летних гимнасток из ГДР — сперва Янц, потом Ноак, — сверхмолодостью сегодня никого не удивишь... Что же все-таки хотели вы сказать о Чаславской?

— На прошлом первенстве Чехословакии (в нынешнем, апрельском, Вера не участвовала) она выступила ровно, не изменив ни одной комбинации. Кажется, в тот период она вообще не готовила никаких сюрпризов. Впрочем, недавно в интервью для печати она заявила, что в Мехико все же покажет ряд новинок.

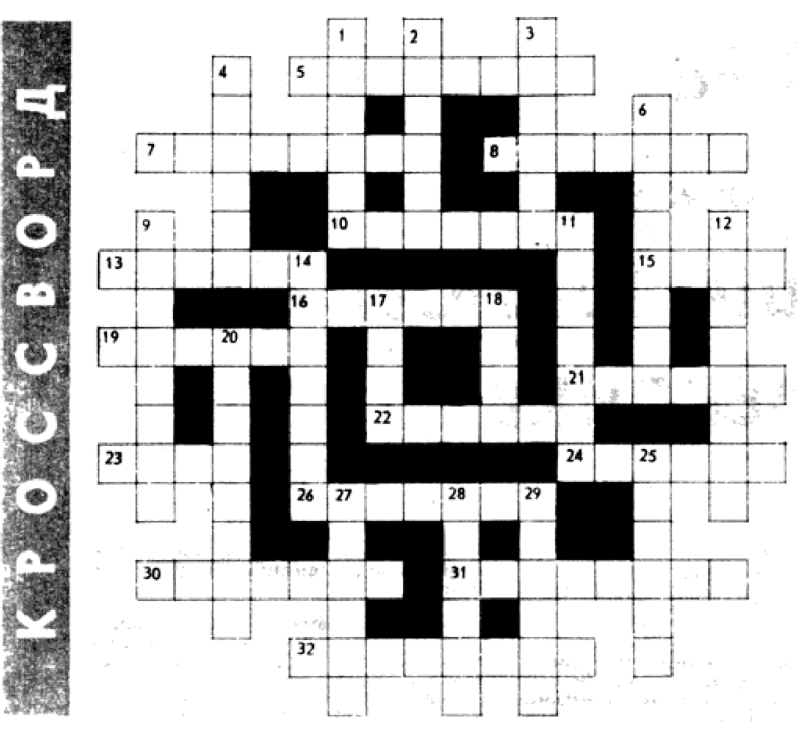
— Мы говорили о личном первенстве. Правильно ли считать, что в борьбе за командное первенство у нас нет других конкуренток, кроме спортсменок Чехословакии?

— Пожалуй, да. Гимнастки ГДР за последнее время очень выросли, а ввод в состав юных Карин Янц и Марианны Ноак, о которых мы уже упоминали, безусловно, еще усилит и без того ровную и стабильную немецкую шестерку. Но я думаю, что в настоящее время им трудновато конкурировать с нами. Что же касается гимнасток Японии, то на предолимпийской неделе в Мехико в прошлом году они выступили крайне неудачно. Они, правда, ссылались на трудности акклиматизации, однако их мужская команда прибыла на высокогорье в те же сроки и выглядела великолепно.

— И последний вопрос. Когда состав сборной будет уточнен окончательно?

— После соревнований на Кубок СССР, которые состоятся в Горьком в конце июля.

Интервью вел С. ТОКАРЕВ.

По горизонтали:

5. Город в Карагандинской области. 7. Открытый экипаж. 8. Бельгийский поэт. 10. Аппарат для регулирования электрического тока. 13. Южное плодовое дерево. 15. Французский композитор XIX века. 16. Опера А. А. Спендиарова. 19. Площадка вагона. 21. Норвежский исследователь Арктики. 22. Минерал синего цвета. 23. Вид спорта. 24. Крейсер, участвовавший в Севастопольском восстании 1905 года. 26. Столица Кабардино-Балкарской АССР. 30. Советский конструктор автоматического оружия. 31. Кровельный материал. 32. Наука о жизни, о живой природе.

По вертикали:

1. Мера земельных площадей. 2. Герой комедии П. Бомарше. 3. Летательный аппарат. 4. Модель земного шара. 6. Пищевой жир. 9. Циклический индукционный ускоритель заряженных частиц. 11. Порт в Италии. 12. Русский художник-передвижник. 14. Охотничья винтовка. 17. Приток Енисея. 18. Хищное животное. 20. Ягода. 25. Небольшая ария. 27. Наиболее удаленная от Солнца точка орбиты планеты. 28. Актер, народный артист СССР. 29. Помещение на судне.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 27

По горизонтали:

7. Магнитола. 8. Менделеев. 9. Мункачи. 10. Афалина. 11. Квадрант. 14. Дикуша. 16. Веялка. 17. Днепропетровск. 20. Пирога. 21. Атбара. 22. Трафарет. 24. Бредина. 26. Уланова. 28. Факультет. 29. Гармоника.

По вертикали:

1. Кролик. 2. Мандат. 3. Огинский. 4. Рига. 5. Межа. 6. Бериллий. 12. Андромеда. 13. Амфитеатр. 15. Алгебра. 16. «Воевода». 18. Бурденко. 19. Аналогия. 22. «Тартюф». 23. Тугрик. 25. Июль. 27. Атом.

●

На первой странице обложки: Василий Николаевич Федоров, старый коммунист, был участником 1-го съезда Коммунистической партии Украины в 1918 году.

Красавец Киев, гордость Советской Украины. Вот таким он выглядит с вертолета.

На последней странице обложки: В сегодняшнем Киеве древняя архитектура прекрасно уживается с современными зданиями.

Фото Н. КОЗЛОВСКОГО

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Н. Б. ПАСТУХОВ, И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Оформление Е. КАЗАКОВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 53-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 53-37-61; Международный — 53-38-63; Искусства — 50-46-98; Литературы — 53-31-10; Очерка — 50-15-33; Библиографии — 53-38-26; Науки и техники — 50-14-70; Юмора — 53-32-13; Спорта — 53-32-67; Фото — 53-39-04; Оформления — 53-38-36; Писем 53-36-28; Литературных приложений 53-30-39.

А 00436. Сдано в набор 17/VI-68 г. Подписано к печ. 2/VII-68 г. Формат бум. 70 × 108¹/₈. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 2 053 600 экз. Изд. № 1183. Заказ № 1683.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Илье Лукичу спится спокойно

И. ШАТУНОВСКИЙ

Рассказ

Председатель местного комитета конторы по заготовке неплановых кормов Гарфунькин сидел в своем кабинете и писал, когда в дверь просунулась чья-то лысая голова.

— Андрей Павлович, к вам можно? — спросила голова.

Андрей Павлович оторвался от бумаг и без труда определил, что имеет дело с инспектором Ильей Лукичом Вяловым, работником прилежным и кротким.

— Занят я,— сказал председатель.— Видишь, отчетный доклад пишу. Или у тебя что срочное?

— Срочное,— подтвердил Илья Лукич.— Вы сегодня фельетон «Накипь» читали?

— Кто же его не читал! — буркнул Гарфунькин.

Сегодняшний номер газеты «Загорянские известия» был нарасхват. О нем говорил весь город. Еще бы, местному сатирику Аверкию Перекресту удалось под вымышленной фамилией поступить на работу в Горстройтрест, и он тут же вскрыл крупную аферу. Оказалось, что начальник треста и его заместители пустили государственные материалы на свои собственные дачи. Поэтому вместо запланированного крытого рынка город получил лишь киоск для продажи газированных вод.

— Так в чем же дело? — теряясь в догадках, спросил Гарфунькин.

— Как бы это вам лучше сказать...— промолвил инспектор, пугаясь и икая.— Я тоже участвовал в этих делах...

Предместкома оживился, встал из-за стола. Участие тишайшего инспектора Вялова в хищениях показалось ему невероятным.

— Так ты водил компанию с этой бандой из треста? — воскликнул Гарфунькин.— Что же ты делал, перекупал половую доску, сплавлял кирпич?

При этих словах инспектора Вялова качнуло в сторону, но он схватился за край стола и устоял.

— Что вы, Андрей Павлович, тех людей я совсем не знаю,— залепетал он.— Но, помните, я брал садовый участок...

Словом, после строительства домика у инспектора осталось десять листов шифера. А вот мешка цемента для фундамента под крыльцо не хватило. Однажды к нему пришел какой-то человек с соседних участков и предложил поменяться. Мешок на десять листов.

— Что же ты от меня хочешь? — устало спросил предместкома.— Видишь, я занят, а ты мелешь всякий вздор.

— Почему вздор? А вдруг этот цемент со стройки? — Голос Ильи Лукича дрогнул.— Уж лучше сказать самому, а то потом люди покажут...

— Что покажут? — оборвал его председатель, вглядываясь в газетные строчки.— Тут пишут, что трестовцы строились в Воробьях, а у тебя участок в Переседине, совсем в другом конце...

— Может быть, Андрей Павлович, все-таки создать комиссию, проверить? — умоляюще воскликнул инспектор.

— Послушай, Вялов,— вздохнул председатель.— Ты в этом году у нас вроде еще в отпуске не был. Возьми путевку, поезжай отдохни...

Инспектор замахал руками:

— Какой отдых! А вдруг без меня и заварится вся наша? Тут надо что-то делать.

Гарфунькин обнял посетителя за плечи и стал подталкивать его к двери.

— Ступай домой, Илья Лукич, да успокойся. А я подумаю, как быть.

Думать Гарфунькин, конечно, ничего не стал. В предотчетной суматохе он наверняка забыл бы об этом мешке цемента, если б к нему снова не пришел Вялов. На этот раз он положил на стол председателя месткома толстую папку.

За несколько дней инспектор осунулся, постарел. Щеки впали, нос вытянулся. В глазах от бессонных ночей едва теплился живой огонек.

— Я вам уже объяснял, что у меня случилось,— скорбно сказал инспектор.— Но, знаете, на словах это не то. Тут я все написал на бумаге...

Председатель открыл папку и прочитал: «В местком. В связи со вскрывшимися фактами хищения строительных материалов (см. фельетон «Накипь», газета «Загорянские известия», 26 апреля с. г.) считаю долгом чистосердечно признаться, что я частным образом, без оформления соответствующих документов, совсем не думая о последствиях, выменял десять листов шифера на мешок цемента...»

Гарфунькин перелистнул страничку заявления и увидел под нею кипы бумажек разных цветов и размеров.

— А это что?

— Квитанции, счета, расписки от рабочих. Все до последнего гвоздя я приобретал через магазины. Может быть, все-таки вызовете меня на местком, разберетесь?

— Послушай же меня наконец, Илья Лукич,— добрым голосом сказал председатель месткома.— С чего ты вбил себе в голову, что мешок этот краденый? Нельзя же быть таким мнительным! А квитанции убери. И не сомневаюсь, что дом ты построил на трудовые доходы. Да и что в нашей конторе можно украсть: поломанный дырокол, горсть скрепок! Неужели не ясно?

— Ясно-то ясно,— сказал Вялов, настораживаясь.

— Детишки у тебя здоровы? — спросил председатель.— Теща в настроении?

— Дома-то все в порядке...

— Вот и отлично.

Гарфунькину показалось, что ему удалось избавить инспектора от его навязчивых сомнений. Он вернул ему заявление, папку с квитанциями и проводил до крыльца.

Но в день отчетно-выборного собрания предместкома понял, что жестоко ошибался. Сразу же после доклада он получил записку. Писал инспектор Вялов: «Прошу информировать членов профсоюза о моем деле, решить наконец вопрос».

«От такого так просто не отвяжешься»,— нахмурился председатель и взял слово для справки.

— В связи с хищениями в Горстройтресте и у нас всплыли неприглядные дела. Оказалось, что инспектор Вялов тоже нечист на руку. На своем садовом участке вступал в темные сделки со случайными людьми. Менял, например, шифер на цемент...

Собрание ахнуло, загалдело. Председатель выждал, пока утихнет шум, и продолжал:

— Я думаю, что ввиду позднего часа прения открывать не будем. Тем более, что сам Вялов факты не отрицает, вину свою осознает. Есть предложение объявить ему взыскание...

«Мелкая мера его не утешит. Будет надоедать дальше»,— прикинул Гарфунькин и, оглядев зал, сказал:— Надо дать ему строгий выговор и предупредить, что при повторении подобных случаев он будет уволен...

После собрания Вялов разыскал вновь переизбранного председателя месткома Гарфунькина и, лучась улыбкой, схватил его за руку:

— Большое вам спасибо, Андрей Павлович, за помощь и участие. Как хорошо вы все рассудили! Пудовую гирю с сердца сняли. Большое спасибо!..

В эту ночь впервые после фельетона Илье Лукичу спалось спокойно...

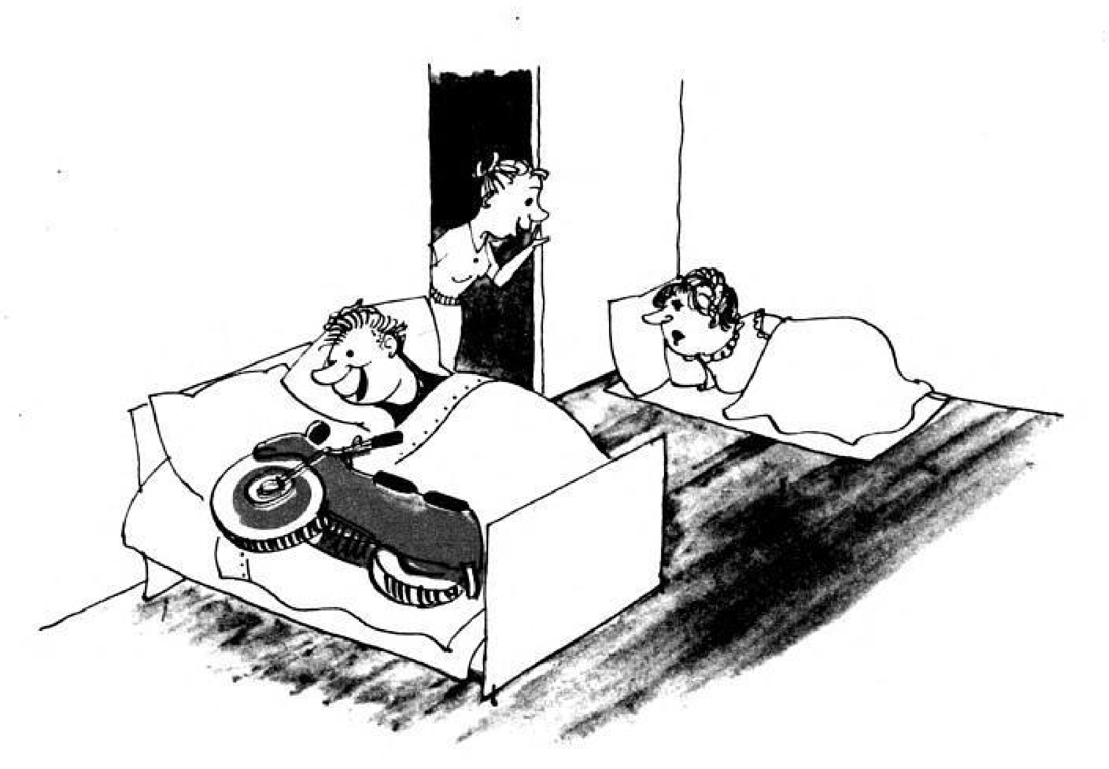
— Я теперь работаю уборщицей в консерватории.

Рисунок В. Тамаева.

На всякий случай.

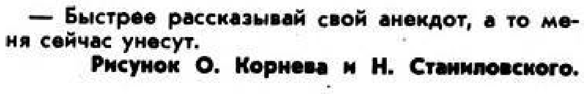
Рисунок В. Воеводина.

— Поссорились, что ли?
— Нет. Муж мотороллер выиграл.

Рисунок В. Воеводина.

— Быстрее рассказывай свой анекдот, а то меня сейчас унесут.

Рисунок О. Корнева и Н. Станиловского.

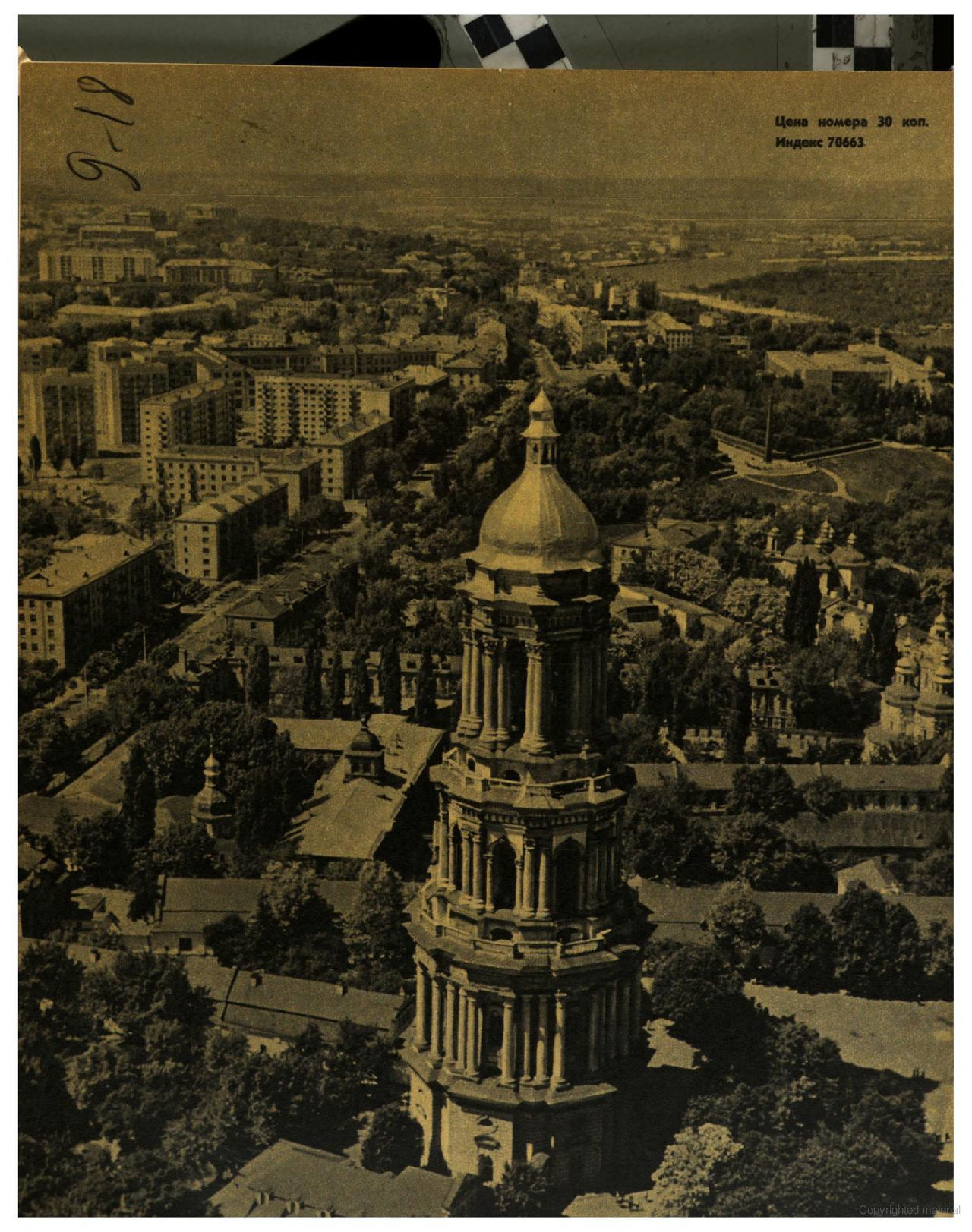
— С этой персональной опекой игроки совсем забывают о мяче.

Рисунок Н. Калитина и Н. Станиловского.

— Следующий!
— А мы забыли, кто следующий.

Рисунок Н. Калитина и Н. Станиловского.

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663